

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

3 (41)

2024

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5 «Мировая экономика» (экономические науки);
- 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» (политические науки);
- 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» (политические науки);
- 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики» (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2025 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

- Жильцов С.С.* – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Зверева Т.В. – д-р полит. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Ишин А.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Конопляник А.А. – д-р экон. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Карпович О.Г., Шангараев Р.Н.</i> Новые цифровые военные технологии Запада на Украине против России	6
<i>Секачева А.Б.</i> Особенности торгово-экономического сотрудничества России с африканскими странами в условиях кризиса современной модели мироустройства	22
<i>Серикова А.В.</i> Роль русофобии в политике НАТО	40
<i>Симонова Э.Ю.</i> Феномен терроризма в американоцентричном дискурсе.	51
<i>Егоров В.Н.</i> Перспективы интеграционного проекта Большой Евразии	76

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Тутаева Н.И.</i> К решению продовольственной проблемы стран Африканского региона: вклад России	91
<i>Серегина А.А., Галицкая Е.А.</i> Трансформация топливно-энергетического баланса Бразилии: перспективные направления российско-бразильского энергетического сотрудничества.	104
<i>Мамедов А.В.</i> Внешняя политика Казахстана в Каспийском регионе	125

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Жильцов С.С.</i> Подготовка кадров в России для дипломатической деятельности: история и современность	135
<i>Самолетов Т.А.</i> Экономические и политические аспекты национализма игбо в Нигерии: история и современное состояние Биафры	143

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Неймарк М.А.</i> О некоторых особенностях современной западноцентричной рефлексии	160
--	-----

К сведению авторов	173
-------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021) in the following specialties:

- 5.2.5 “World economy” (economic sciences);
- 5.5.2 “Political institutions, Processes, Technologies” (political sciences);
- 5.5.4 “International relations, Global and Regional studies” (political sciences);
- 5.6.7 “The history of international relations and foreign policy” (historical sciences).

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 1st half of 2025 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2024

© Page make-up. «Kvant Media», 2024

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Oleg Karpovich, Ruslan Shangaraev.</i> New Digital Military Technologies of the West in Ukraine Against Russia	6
<i>Alla Sekacheva.</i> Features of Trade and Economic Cooperation Between Russia and African Countries in the Conditions of the Crisis of the Contemporary World Order	22
<i>Anna Serikova.</i> The Role of Russophobia in NATO Policy	40
<i>Ellada Simonova.</i> The Phenomenon of Terrorism in US-Centric Discourse	51
<i>Viacheslav Egorov.</i> Prospects for Greater Eurasia Integrational Project	76

REGIONAL PROBLEMS

<i>Natalia Tutaeva.</i> Towards the Solution of the Food Problem of the African Region's Countries: Russia's Contribution.	91
<i>Antonina Seregina, Elena Galitskaya.</i> Transformation of Brazil's Fuel and Energy Balance: Promising Directions of Russian-Brazilian Energy Cooperation	104
<i>Alexey Mamedov.</i> Foreign Policy of Kazakhstan in the Caspian Region	125

HISTORY AND RELIGION

<i>Sergey Zhiltsov.</i> Personnel Training in Russia for Diplomatic Activity: Past and Present.	135
<i>Timur Samoletov.</i> Economic and Political Aspects of Igbo Nationalism in Nigeria: The History and Current State of Biafra	143

ACADEMIC LIFE

<i>Mark Neimark.</i> About Some Peculiarities of Modern Western-Centric Reflection	160
Notice to the authors	173

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
проректор по научной работе,
заведующий кафедрой стратегических коммуникаций
и государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Sciences,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Vice-Rector for Research,
Head of the Department of Strategic Communications and Public Administration,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: iskran@yahoo.com

Шангараев Руслан Насимович,

доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Ruslan N. Shangaraev,

Doctor of Science,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: shang143@mail.ru

НОВЫЕ ЦИФРОВЫЕ ВОЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЗАПАДА НА УКРАИНЕ ПРОТИВ РОССИИ

NEW DIGITAL MILITARY TECHNOLOGIES OF THE WEST IN UKRAINE AGAINST RUSSIA

Аннотация: Украина используется странами НАТО и, прежде всего, США для испытания различных инновационных подходов к ведению боевых действий, в том числе к использованию алгоритмов искусственного интеллекта. Интерес для Запада представляет изучение в условиях реального вооруженного противостояния такого оппонента, как Россия, обладающего вооружениями и техническими средствами, разработанными на основе новейших технологий, при этом формат конфликта позволяет не вступать в прямое столкновение с потенциальным противником.

Ключевые слова: Россия, США, Запад, Украина, гибридная война, сетецентризм, искусственный интеллект.

Abstract: Ukraine is used by NATO countries, and primarily the United States, to test various innovative approaches to warfare, including the use of artificial intelligence algorithms. It is of interest to the West to study in the conditions of a real armed confrontation such an opponent as Russia, which possesses weapons and technical means developed on the basis of the latest technologies, while the format of the conflict makes it possible not to enter into a direct clash with it.

Key words: Russia, the United States, the West, Ukraine, hybrid warfare, network-centrism, artificial intelligence.

Введение

Применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) становится новым способом ведения гибридной войны в современных условиях.

«В настоящее время наличие мощных вооруженных сил, стратегических ядерных сил сдерживания недостаточны для обеспечения суверенитета и территориальной целостности государства. Именно поэтому в рамках гибридной войны ведутся исследования в области применения искусственного интеллекта, для которого не существует государственных границ, для него нет преград, нет зон влияния национальных администраций. Технологии искусственного интеллекта — более гибкое оружие, они используют военную силу только в крайних случаях, и основные результаты достигаются путем влияния на широкую совокупность факторов — информационных, социальных, когнитивных» [1].

Использование коллективным Западом алгоритмов ИИ в противостоянии с Российской Федерацией хорошо прослеживается на примере российско-украинского конфликта. С самого начала специальной военной операции Киеву предоставлялись лучшие системы наблюдения и распознавания, которые собирали и анализировали потоки данных, полученных как с поля боя, так и из социальных сетей, со спутников, телефонов и т. д.

По оценкам зарубежных экспертов, после начала российской специальной военной операции (СВО) Украина используется странами НАТО и, прежде всего, США для испытания различных инновационных подходов к ведению боевых действий [3]. Интерес для Запада представляет изучение в условиях реального вооруженного противостояния такого оппонента, как Россия, обладающего вооружениями и техническими средствами, разработанными на основе новейших технологий, при этом формат конфликта позволяет

не вступать с ним в прямое столкновение. Как отмечают американские специалисты, подобная стратегия полезна Вашингтону не только для оценки военного потенциала Москвы. По словам научного сотрудника Германского фонда Маршалла Соединенных Штатов Линдси Горман, в Белом доме уделяют значительное внимание украинскому кризису для оценки возможных сценариев развития мировой политики [16].

Украина как полигон для тестирования цифровых военных технологий

Некоторые западные аналитики делают громкие заявления о наступлении эры «умной войны» (smart warfare) [28]. Так, соучредитель и технический директор компании «Pison», поставляющей ВСУ носимые устройства нейронного управления, позволяющие посылать команды дронам движением руки, Дэвид Сиполетта считает, что «идет первая кибервойна с применением искусственного интеллекта» [6; 11].

Начиная с февраля 2022 года Украину для анализа ситуации на месте и оценки роли технологий в конфликте посещали разные эксперты, включая бывшего гендиректора Google Эрика Шмидта. По словам Э. Шмидта, главной целью его визита как крупного инвестора в стартапы в военной области было получить понимание того, в каком направлении следует их развивать. Он уверен в том, что оперативное изменение украинского законодательства и размещение в соответствии с ним всей информации правительства в облаке, использование спутников, беспилотников, ИИ занимают ключевое место в противостоянии России, работая совместно с традиционной военной техникой.

По словам заместителя министра обороны США по вопросам политики Саши Бейкер, Украина проявила «творческий подход к интеграции возможностей Соединенных Штатов и союзников» [16]. Генеральный директор компании «Draganfly», которая поставляет ВСУ беспилотные летательные аппараты (БПЛА) для транспортировки лекарств и обнаружения мин, а также разведывательные беспилотники, Кэмерон Челл уверен в том, что украинский конфликт «способствовал радикальным изменениям в ведении боевых действий, которых не было, возможно, со времен появления танков в Первой мировой войне» [11].

Североатлантический альянс предоставляет Украине высоко-технологичную поддержку, основной целью которой стало испытание вооружений и гражданских разработок в условиях реальных боевых действий. Как полагают эксперты, западным военным структурам необходимо понимание того, насколько близка эпоха так называемого умного оружия, или «роботов-убийц», как скоро они смогут заменить человеческий ресурс на поле боя [22].

По убеждению отвечающего за политику НАТО в области искусственного интеллекта Никоса Лутаса, значительное влияние на конфликт на Украине оказывает применение технологий ИИ, а в будущем победа или поражение на поле боя будут напрямую зависеть от эффективности их использования противоборствующими сторонами.

В связи с этим американская сторона активно тестирует на украинском полигоне многочисленные цифровые приложения. Так, в распоряжение ВСУ предоставлены программное обеспечение и доступ к базам системы распознавания личности Clearview AI, по официальной информации, для идентификации погибших российских солдат на основании фото из их профилей в социальных сетях и для оповещения родственников [23].

Американская технологическая компания «Palantir», исторически тесно связанная со спецслужбами США, применяет в интересах Киева и его союзников свой инструмент MetaConstellation, который на основании данных с коммерческих спутников формирует картину ситуации на конкретном участке театра военных действий. Причем, как подчеркивают эксперты, доступные MetaConstellation сведения включают в себя достаточно широкий спектр изображений вплоть до информации радиолокаторов с синтезированной апертурой (от Maxar, Airbus, ICEYE, Capella и др.), которые работают вне зависимости от метеорологических условий и освещенности, и тепловизоров (например, от Национального управления океанических и атмосферных исследований США), позволяющих фиксировать артиллерийский и ракетный огонь. К этому массиву добавляется также развединформация, соответствующим образом подготовленная специалистами НАТО для передачи ВСУ. Военнослужащие на передовой получают обработанные данные в виде картинки на портативном планшете. Причем для налаживания функционирования системы представители вооруженных сил

и спецслужб стран Запада тесно взаимодействуют с украинцами на местах [18].

Информация с передовой поступает на командный пост НАТО за пределами украинской территории, где дополняется сведениями из других источников и складывается в общую масштабную цифровую картину. Система функционирует на основе программной платформы, разработанной Palantir, позволяющей, по словам главного исполнительного директора компании Алекса Карпа, проникать сквозь так называемый туман войны. Советники из НАТО предоставляют командирам подразделений ВСУ информацию о расположении и численности российских сил, после осуществления боевых операций происходит автоматическая оценка точности данных и эффективности действий, выполняются соответствующая корректировка и обновление системы [18].

Компания «Primer», специализирующаяся на технологиях машинного обучения, в частности на обработке естественного языка, осуществляла работу на украинском направлении в интересах «американских аналитиков в области безопасности» еще до начала СВО, что позволило, согласно информации, размещенной на официальном сайте, отслеживать передвижения и фиксировать места скопления российских войск. Инструменты Primer используются на Украине для обработки больших неструктурированных массивов данных (перехваченных текстовых сообщений, аудио-, видеокommunikаций, в первую очередь на русском языке) и автоматического выделения в режиме реального времени интересующей Запад и Киев информации [23; 25]. Причем в состав консультативного совета корпорации «Primer» входят бывший глава Командования сил специальных операций США Тони Томас, занимавшая ранее пост заместителя начальника штаба ВВС США по разведывательным операциям Дэш Джеймисон, бывший главный заместитель директора национальной разведки США Сьюзан Гордон, а одним из членов совета директоров является Дон Мейеррикс, ранее — заместитель директора ЦРУ по науке и технологиям [10].

Как отмечает обозреватель издания «The Washington Post» Дэвид Игнатиус, украинский конфликт изменил политический ландшафт Кремниевой долины: это «хорошая» война. Стоит понимать, что в англосаксонской системе понятий Вторая мировая

война — это «хорошая» война, так как участие в ней США и Великобритании оправдано необходимостью сохранить собственную территориальную целостность и суверенитет, имеет «моральную легитимность». Соответственно, украинский конфликт западные аналитики так же стремятся подвести под категорию «хорошей» войны с точки зрения «защиты демократии, территориальной целостности и национальной идентичности» Украины как собственного союзника [13]. По словам обозревателя, война привела к тому, что технологические компании начали тестировать и эффективно использовать свои разработки в военных целях [18].

По утверждению заместителя главы Командования материально-технического обеспечения армии США генерал-лейтенанта Кристофера Мохана, уроки, извлекаемые Пентагоном из ситуации «на европейском театре боевых действий», полезны для будущего применения. Так, в настоящее время американские эксперты на регулярной основе осуществляют дистанционное сопровождение технического обслуживания и ремонта вооружений и военной техники, переданных ранее Вашингтоном вооруженным силам Украины. Этот опыт, по мнению К. Мохана, может привести к разработке универсальной распределенной системы проведения ряда тыловых операций, что будет способствовать минимизации количества жертв среди личного состава в боевых условиях [19].

Специалисты непосредственно из Соединенных Штатов или из расположенных в европейских странах баз осуществляют взаимодействие с ВСУ посредством текстовых сообщений в чатах, записанных видео или в прямом эфире. Процесс коммуникации усложняется, подчеркивают аналитики, по мере расширения Пентагоном возможностей удаленного обслуживания для технической поддержки отправляемых на Украину систем более высокого класса, таких как РСЗО HIMARS, ЗПК Patriot, БМП Bradley, бронемшины Stryker. В связи с этим, отмечают американские военные, острее становится и проблема безопасности связи.

Рассматриваются варианты применения других инновационных технологий для реализации задач тылового обеспечения вплоть до налаживания аддитивного производства¹ запчастей

¹ Аддитивное производство — метод создания трёхмерных объектов, деталей или вещей путем послойного добавления материала (пластика, металла и проч.) с использованием 3D-принтеров.

в непосредственной близости к полю боя. По словам К. Мохана, конфликт на Украине необходимо максимально использовать для того, чтобы понять, как будут выглядеть «войны будущего» и что нужно для победы в них [19].

Практически сразу после начала СВО на Украину были поставлены комплекты спутникового Интернета Starlink, который, как официально декларировалось, предполагалось использовать исключительно в гуманитарных целях для гарантирования связи гражданскому населению. Однако система Starlink стала важнейшим звеном в обеспечении функционирования всего комплекса цифровых инструментов, применяемых ВСУ.

Американские эксперты говорят об отработке так называемой летальной цепи (kill chain) — линейного процесса, начинающегося с обнаружения угрозы и завершающегося ее ликвидацией. В дальнейшем предполагается сформировать развернутую летальную сеть (kill web), которая объединит в единое целое данные со всех датчиков и цифровых платформ (информация спутниковой, воздушной и наземной разведки), системы обработки, анализа и выбора опции уничтожения опасных целей на поле боя. Как подчеркивает генерал-лейтенант Скотт Маккин, возглавляющий Командование будущего армии США, в рамках начатого в 2020 году проекта «Конвергенция» решаются задачи по созданию таких возможностей, причем с 2022 года — во взаимодействии с подразделениями Великобритании и Австралии. Исследуется эффективность использования искусственного интеллекта, робототехники и автономного оборудования на поле боя с последовательным расширением масштабов с тактического уровня до всего театра военных действий. По данным издания «Times», рассматривается вопрос привлечения к проекту ФРГ и Польши.

Британские эксперты отмечают, что состоявшиеся осенью 2022 года на территории Форта Ирвин в Калифорнии совместные учения в рамках проекта «Конвергенция» проходили в декорациях «деревень», населенных русскоязычными «мирными жителями», которые использовали собственные социальные сети Fakebook и Twtter для разжигания протестных настроений из-за присутствия американских военных. В связи с этим отработывались, помимо прочего, сценарии «усмирения» гражданского населения. По оценкам издания «Times», новые декорации соответствуют

изменению приоритетов и фокусировке внимания на отработке операций против российских войск на основании опыта, полученного в ходе украинского конфликта. Ранее учения проводились в антураже минаретов и мечетей и со «статистами», говорящими на арабском и фарси, для подготовки к возможным действиям на территории Афганистана [15].

На американской военной базе Форт Ирвин были опробованы 17 технологий, в том числе эксперименты в области кибер- и электромагнитного обнаружения средств радиоэлектронной борьбы противника, создания децентрализованной сети автономных аппаратов, быстрой 3D-печати компонентов оружия (британские специалисты изготовили таким образом запчасти к технике производства США) ударных роев дронов. В частности, в ходе маневров, в которых участвовали порядка 4,5 тыс. военнослужащих из США, Великобритании и Австралии, протестированы: британская ИИ-система по поддержке принятия решений на поле боя ZODIAC, подключенная к американским датчикам, снабжающим информацией многонациональную разведывательную сеть; автономные багги M-Raza; немецкие беспилотные аппараты Mission Master, БПЛА Puma и др. [9; 24].

Однако, несмотря на отчеты об успешном применении высокотехнологичного оборудования на поле боя на Украине [18], многие западные военные эксперты склоняются к тому, что конфликт не дотягивает до уровня «умной войны», которая возможна лишь тогда, когда если не все, то большая часть ее компонентов работают слаженно. Анализ хода конфликта позволил американским специалистам сделать вывод о том, что, даже с учетом задействования инновационных подходов, основной движущей силой всё еще являются тяжелые вооружения и относительно дешевые решения [8]. В настоящее время, по словам бригадного генерала Гая Джонса, заместителя главы Командования будущего армии США, «армия США тщательно накапливает информацию, собранную в зоне российско-украинского конфликта, и использует ее в рамках учений по развитию сетей и технологий, но опасается делать выводы слишком рано» [12]. Однако полученные данные позволяют корректировать ряд тактик, методов и процедур.

Использование странами Запада технологий искусственного интеллекта против России

Основную роль в технологическом оснащении ВСУ, безусловно, играют западные разработки. Так, еще на ранних этапах конфликта американская компания по распознаванию лиц «Clearview AI» инициативно предоставила Киеву свое программное обеспечение, которое стало одним из наиболее эффективных инструментов по противостоянию Российской Федерации. Система распознавания на основе ИИ успешно прошла тестирование в условиях боевых действий. Несмотря на скепсис некоторых экспертов, было признано, что она показала превосходные результаты даже при опознании трупов. Именно этот функционал позволил Киеву находить информацию в информационном пространстве и оказывать давление на семьи не только пленных, но и погибших российских военнослужащих. В настоящее время указанным программным обеспечением пользуются более 1,5 тыс. должностных лиц в 18 украинских учреждениях [29].

Стоит отметить, что благодаря алгоритмам ИИ, главным образом Clearview, а также собственным разработкам Киева ведется не только работа по выявлению российских военнослужащих и членов их семей. На основе данных, полученных от ИИ посредством постоянного мониторинга информационного пространства Российской Федерации, в том числе с помощью нейросетей и иных инструментов ИИ, украинские центры информационно-психологических операций имеют возможность проводить мероприятия, направленные на дестабилизацию обстановки преимущественно в приграничных регионах РФ, среди малых народов и в кавказских республиках, оценивать ущерб, нанесенный БПЛА, корректировать их маршруты и т. д. [5].

На основе технологий Clearview AI украинские специалисты сделали собственные довольно эффективные приложения, направленные на дестабилизацию ситуации внутри России с помощью оказания давления на общество, главным образом на семьи военнослужащих, мобилизованных и лиц, находящихся под санкциями. Так, используя Clearview AI, Украина пытается подорвать отношение к СВО и негативно влиять на настроения в российском обществе в целом, благодаря тому что запускает проекты с фотографиями «опознанных российских военнослужащих», такие

как Poter.net (потерь.нет). Эта инициатива вызвала негативный отклик в западном сообществе, особенно в среде активистов за цифровые права.

Украинская компания «YouControl» запустила платформу RuAssets по проверке связей физических и юридических лиц с российскими и белорусскими активами. По мнению некоторых специалистов, этот алгоритм, весьма вероятно, так же разработан на основе Clearview AI. Целью инструмента является «выявление связей компаний и физлиц со всего мира с российскими и белорусскими национальными публичными деятелями для замораживания их счетов и ареста имущества. Также сигнализирует о связи с подсанкционными лицами, военными и пропагандистами». По словам создателей, «RuAssets позволяет идентифицировать даже скрытые связи бизнесменов и граждан со странами-агрессорами через цепи посредников» [17; 20; 27; 30]. Анализ данных алгоритмами ИИ дает возможность западным структурам обнаруживать «нарушителей санкций». На основе полученных от проукраинских хакерских групп массивов данных ИИ сопоставляет, например, данные судовых реестров с финансовой документацией и таким образом выявляет скрытые связи между теми или иными 34 структурами, имеющими отношение к санкционным спискам.

Глава MI6 еще в июле 2023 года открыто заявил о том, что британские спецслужбы используют ИИ для воспрепятствования поставкам вооружений в Россию, а также для выявления лиц внутри Российской Федерации, готовых сотрудничать с Великобританией. По его словам, сотрудники ведомства «объединяют собственные аналитические возможности с алгоритмами ИИ для обнаружения и пресечения поставок оружия в Россию для использования против Украины» [4].

Киеву удалось в короткие сроки мобилизовать украинское IT-сообщество как внутри страны, так и за рубежом. Большинство технологических компаний заинтересованы в тестировании своих продуктов в условиях реальных боевых действий, поэтому поддерживают тесные связи с военными и структурами госбезопасности Украины не только в целях улучшения существующих вооружений и разработки автономных беспилотных систем, но и для выявления российских военных объектов, собственных граждан, готовых

сотрудничать с Российской Федерацией, а также для снижения морального духа российских военнослужащих.

Как отмечают западные эксперты, эффективный сбор и анализ данных в отношении активности Вооруженных Сил РФ на ранних этапах являлись ключевыми факторами обороны Украины, однако этот потенциал был существенно подорван, когда российские военные, журналисты и блогеры стали более осмотрительны в вопросах публикаций в медиа- и цифровом пространстве. Алгоритмам ИИ приходится обрабатывать и анализировать гораздо более объемные массивы нередко фрагментарных данных для определения локации российских воинских подразделений, что увеличивает время и вероятность ошибки.

Украинская компания «Molfar», которая активно сотрудничает с британской MI6 [17; 21], специализируется на получении развединформации из открытых источников, использует алгоритмы ИИ для анализа массивов текстовых данных, фото- и видеоматериалов, фрагментарной информации для выявления и определения расположения российских сил. Ежедневно Molfar находит от двух до пяти значимых целей и передает их координаты ВСУ для уничтожения.

В своей работе Molfar применяет программное обеспечение на основе искусственного интеллекта литовского проекта «SemanticForce», имеющего представительства в Киеве и Тернополе. Компания разрабатывает ИИ-модели, которые анализируют размещенную в Интернете информацию в ответ на введенный запрос. Продукция SemanticForce используется в основном в коммерческих целях, однако украинская Molfar переориентировала разработки литовцев для нанесения на карту районов, где у российских войск «низкий боевой дух и истощены запасы». В этом случае ИИ действует на основании фотоснимков, сделанных БПЛА, а также отслеживает переписку российских военнослужащих в социальных сетях, где они, общаясь с семьями, нередко жалуются на тяжелое положение.

Этот же алгоритм ИИ используется украинской стороной для подрыва деятельности российских волонтерских групп, оказывающих содействие Вооруженным Силам РФ на Украине [17], что позволяет Molfar выявлять «слабые места фронта» путем отслеживания активности российских волонтерских сообществ,

собирающих средства для помощи наиболее нуждающимся в ней подразделениям. Для этого компания дополнила программное обеспечение от SemanticForce собственным программным обеспечением, позволяющим украинцам анонимно внедряться в российские волонтерские группы, скрывая свои намерения. Над этой задачей в компании трудятся более 45 сотрудников, 10 из которых работают безвозмездно.

На Украине рассматривают ИИ как инструмент максимизации удара по настроениям в российском обществе в отношении СВО и создания для этого «особой когнитивной среды». По словам основателя киевского Института открытого разума (Open Minds Institute) Святослава Гнездовского, его исследовательская группа с помощью ИИ-алгоритмов анализирует «массивы российского контента в социальных сетях и социально-экономических данных о самых разных аспектах жизни российского общества и отдельных его групп — от потребления алкоголя и перемещения населения до онлайн-поиска и потребительского поведения» [17]. Все эти изменения ИИ соотносит с меняющимися настроениями в российском обществе, особенно в среде представителей российских либеральных кругов, в отношении СВО.С. Гнездовский утверждает, что эта «крайне деликатная работа» продолжает определять военную политику Украины, в том числе в процессе принятия решений о времени и месте нанесения знаковых ударов, таких как подрыв Керченского моста.

Кроме того, Киев активно пользуется возможностями ИИ для создания фейков и продвижения дезинформации о «зверствах российских военнослужащих» и «разрушительных ударах ВС РФ по мирной инфраструктуре» украинских городов. Так, на аккаунте Верховной рады Украины в соцсети X появились сгенерированные ИИ материалы «о последствиях российского ракетного удара по г. Днепр». Западные эксперты отмечают, что подобные факты подрывают доверие к тому, что демонстрирует Киев в качестве доказательств российской агрессии, и дают дополнительные возможности «российской пропаганде» [17].

В целях противодействия России на Украине с 2019 года работает также Центр операций по оценке угроз (Centre of Operations for Threats Assessment — COTA). В нем собирается и анализируется информация из разных источников, полученная в том числе укра-

инскими хакерскими группами. С помощью ИИ-алгоритмов СОТА отслеживает тенденции миграции, торговли, энергетики, политики, дипломатии, а также военной активности вплоть до хранения оружия в ремонтных мастерских. Операторы Центра такую модель называют конструктором, так как данные поступают от более мелких ИИ-моделей, которые так же работают в интересах ВСУ. Западные эксперты IT-отрасли подчеркивают, что крайне довольны результатами, которые показывает Украина в области адаптации технологий искусственного интеллекта под военные нужды.

В конфликте с Россией особенно интересна роль американской компании «Palantir Technologies», активно сотрудничающей с американским разведсообществом, иммиграционными и таможенными органами, Пентагоном. Ее генеральный директор Алекс Карп (Alex Karp) был одним из первых, кто посетил Украину сразу после начала СВО. Он утверждает, что его компания отвечает за выбор большинства целей для атак. ИИ-алгоритмы Palantir обрабатывают фото- и видеоматериалы о передвижении российских войск, полученные с БПЛА, радаров, спутников, от граждан Украины [6; 27].

При этом ИИ, предоставленный Киеву компанией «Palantir», является обучаемым, что позволяет ему повысить точность наведения на цель с каждым новым ударом. А. Карп называет такую последовательность «цифровой цепочкой смерти», благодаря которой цикл «от датчика к стрелку» — время от обнаружения цели до ее уничтожения — сократилось почти до 30 секунд [6].

Искусственный интеллект от Palantir помогает украинской контрразведке выявлять граждан, готовых или уже сотрудничающих с Россией, анализируя связи изучаемых объектов в разрозненных массивах данных. В качестве примера приводится гипотетический украинский гражданин, имеющий множество непогашенных кредитов, который внезапно открыл счет в иностранном банке, а его сотовый телефон был идентифицирован вблизи места российского ракетного удара [6].

Государства Евросоюза также не остаются в стороне от попыток испытать собственные разработки на поле боя. В январе 2024 года министр Вооруженных сил Франции Себастьян Лекорню (Sebastien Lecornu) объявил, что ВПК страны будет сотрудничать с немецкой компанией «Helsing AI», специализирующейся на разработке военных приложений и компонентов, оснащенных искусственным

интеллектом. Предполагается, что ИИ будет отвечать за повышение точности огня артиллерийской системы CAESAR [14].

Helsing AI уже активно сотрудничает с правительствами стран Евросоюза. В частности, путем внедрения своих алгоритмов ИИ эта компания усовершенствовала возможности радиоэлектронной борьбы истребителя Eurofighter. На Украине она совместно с американской Scale AI работает над анализом спутниковых изображений, благодаря чему ВСУ значительно повысили свою осведомленность.

Как отмечает экспертное сообщество, Киев с помощью широкого круга западных технологических корпораций использует искусственный интеллект для постоянного мониторинга поля боя, поддержки процесса принятия решений и получения преимущества в разведке и операциях.

Однако некоторые специалисты полагают, что энтузиазм в этой части излишен, а его боевая роль переоценена. Более того, ИИ отвлекает денежные и людские ресурсы от острых нужд фронта, таких как строительство фортификационных инженерных сооружений, обеспечение солдат боеприпасами.

Так, эксперты указывают на то, что проходящий испытания на Украине проект Пентагона «Maven» (по обнаружению с помощью ИИ воинских локаций) не оправдал возложенных на него надежд [6; 26], так как Россия смогла быстро адаптироваться к «американской технологии».

Заключение

Многие военные эксперты скептически относятся к заявлениям о прорывах в области высоких технологий, утверждая, что внедрение инструментов искусственного интеллекта слабо влияет на продолжительный конфликт. Однако Украина и ее союзники думают иначе, говоря, что они играют вдолгую, создавая военную лабораторию будущего. По утверждению украинского министра цифровой трансформации Михаила Фёдорова, Украина «является лучшим испытательным полигоном для всех новейших боевых технологий» [3], потому что только на ее территории их можно протестировать в реальных условиях.

Формирующийся миропорядок и глобализация выдвигают на первый план новые факторы силы. Так, важную роль начинают

играть искусственный интеллект, информационные и когнитивные технологии, которые становятся инструментами стратегической коммуникации и когнитивных войн.

«Современные средства коммуникации — власть, которую дают нам печать, телефон, радио и прочие изобретения, способные быстро передать важнейшие стратегические или технические идеи множеству взаимодействующих центров одновременно, — открывают перед нами совершенно новый мир политических процессов» [7].

Литература

1. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникаций: монография / Дипломатическая академия МИД России. — М.: Дипломатическая академия МИД России, 2024. — 268 с.
2. НАТО и Украина углубляют инновационное сотрудничество на Форуме новаторов НАТО — Украина в области обороны. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_226236.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 29.06.2024).
3. Рожденные летать // Forbes. — URL: https://forbes.ua/ru/innovations/narodzhenni-litati-z-2014-roku-v-kraini-virosla-tsila-galuz-virobnitstva-bpla-chi-dopomozhe-viyna-ukrainskomu-military-tech-stati-globalnim-gravtsem-06092022-8150&ved=2ahUKEwiLr6Tdro6IAxVjFBAIHeOSO3kQFn0ECCQQAQ&usq=AOvVaw2qU78v_mFu81XdL3vS9O2 (дата обращения: 29.06.2024).
4. Шеф британской разведки заявил, что искусственный интеллект не сможет заменить шпионов. — URL: <https://www.interfax.ru/world/912248> (дата обращения: 29.06.2024).
5. Beregini // Telegram. — URL: <https://t.me/s/hackberegini> (accessed: 29.06.2024).
6. Bergengruen V. How Tech Giants Turned Ukraine Into an AI War Lab // Time. — 08.02.2024. — URL: <https://time.com> (accessed: 29.06.2024).
7. Bernays E. Propaganda. — Routledge, 1928. — URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.275553/page/n157/mode/1up> (accessed: 20.08.2024).
8. Bershidskv L. The Ukraine War Is Still Relatively Low-Tech — For Now I // Bloomberg. — 12.01.2023. — URL: <https://www.bloomberg.com> (accessed: 29.06.2024).
9. British Army deploys alongside US and Australian partners for future warfare experiment // GOV.UK. — 10.11.2022. — URL: <https://www.gov.uk> (accessed: 29.06.2024).
10. Building the best in machine intelligence. Leadership // Primer. — URL: <https://primer.ai> (accessed: 29.06.2024).
11. Cole B. Robot Wars: How Technology Is Shaping Ukraine Conflict I Newsweek. — 23.12.2022. — URL: <https://www.newsweek.com> (accessed: 29.06.2024).
12. Demarset C. US Army carefully folding Ukraine info into Project Convergence tests // C4ISRNET. — 12.10.2022. — URL: <https://www.c4irsnet.com> (accessed: 29.06.2024).
13. Fink L. No Time to Waste a Good War // The American Prospect. — 21.12.2022. — URL: <https://prospect.org> (accessed: 29.06.2024).
14. German company Helsing AI to upgrade French CAESAR artillery systems with AI Technology // Army Recognition. — 23.01.2023. — URL: <https://armyrecognition.com> (accessed: 29.06.2024).
15. Grylls G. Elite troops prepare for Russian invasion of Europe — in Mohave desert // The Times. — 11.11.2022. — URL: <https://www.thetimes.co.uk> (accessed: 29.06.2024).
16. Guyer J. The West is testing out a lot of shiny new military tech in Ukraine // Vox. — 21.09.2022. — URL: <https://www.vox.com> (accessed: 29.06.2024).
17. How Ukraine is using AI to Fight Russia // The Economist. — 08.04.2024. — URL: <https://www.economist.com> (accessed: 29.06.2024).

18. *Ignatius D.* How the algorithm tipped the balance in Ukraine // The Washington Post. — 19.12.2022. — URL: <https://www.washingtonpost.com> (accessed: 29.06.2024).
19. *Judson J.* US Army goes virtual to help Ukraine maintain weapons // Defense News. — 01.02.2023. — URL: <https://www.defensenews.com> (accessed: 29.06.2024).
20. *Lawless J.* British spies using AI to disrupt flow of weapons to Russia // C4ISRNET. — 20.07.2023. — URL: <https://www.c4ismet.com> (accessed: 29.06.2024).
21. License to kill: Britain's MI6 and Ukrainian website «Molfar» join to «liquidate» critical western journalists-politicos-celebs // The Intel Drop. — 28.01.2024. — URL: <https://www.theinteldrop.org> (accessed: 29.06.2024).
22. *Lillis K.B., Liebermann O.* How Ukraine became a testbed for Western weapons and battlefield innovation // CNN. — 16.01.2023. — URL: <https://www.edition.cnn.com> (accessed: 29.06.2024).
23. *McGee-Abe J.* On year on: 10 technologies used in the war in Ukraine // TechInformed. — 24.02.2023. — URL: <https://techinformed.com> (accessed: 29.06.2024).
24. *Oaks M.* Elite UK troops get ready for Russian invasion of Europe // Insight. — 11.11.2022. — URL: <https://www.insightnews.media> (accessed: 29.06.2024).
25. Primer Command Provides Rapid Tactical Insights During Breaking Events // Primer. — URL: <https://primer.ai> (accessed: 29.06.2024).
26. *Sangerin D.E.* Ukraine, New American Technology Won the Day. Until It Was Overwhelmed // The New York Times. — 23.04.2024. — URL: <https://www.nytimes.com> (accessed: 29.06.2024).
27. *Sobchuk M.* How Ukraine uses AI to fight Russian information operations // Global Governance Institute. — 12.02.2024. — URL: <https://www.globalgovernance.eu> (accessed: 29.06.2024).
28. Ukraine is using foreign tech to mitigate Russian destruction // The Economist. — 08.12.2022. — URL: <https://www.economist.com> (accessed: 29.06.2024).
29. War in Ukraine and Clearview AI. 2024. — URL: <https://www.clearview.ai> (accessed: 29.06.2024).
30. YouControl запустил сервис для проверки связей с активами агрессора // Фокус. — 01.04.2022. — URL: <https://www.focus.ua> (дата обращения: 29.06.2024).

Секачева Алла Борисовна,

кандидат экономических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alla B. Sekacheva,

Candidate of Economic Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: aline_ph@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С АФРИКАНСКИМИ СТРАНАМИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ МИРОУСТРОЙСТВА

FEATURES OF TRADE AND ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND AFRICAN COUNTRIES IN THE CONDITIONS OF THE CRISIS OF THE CONTEMPORARY WORLD ORDER

Аннотация: в статье выявлены особенности развития экономических связей России с африканскими странами в условиях роста глобальной нестабильности и формирования многополярного мира. Отмечено, что политическая ситуация в Африке, связанная с кризисом неокOLONиальной системы, благоприятно воздействует на укрепление сотрудничества России с африканскими странами. Однако во внешнеторговом обороте нашей страны доля стран Африканского континента долгий период оставалась несущественной, а ее увеличение произошло только после введения антироссийских санкций со стороны США и их союзников.

В ходе исследования автором обозначены ключевые направления внешнеэкономического взаимодействия обеих сторон, к которым относятся поставки из России продовольствия и нефтепродуктов, химической продукции, машин и оборудования, в том числе вооружения и военной техники. Указано, что активное развитие отношений России с африканскими странами в сфере совместной разведки полезных ископаемых и добычи металлов на территории континента соответствует интересам обеих сторон. Кроме того, созданы предпосылки для развития сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики. В статье отмечено также, что благоприятной для России тенденцией является переход расчетов во взаимной торговле с африканскими странами на национальные валюты.

Сделан вывод, что торгово-экономическое партнерство России с африканскими странами в перспективе будет иметь устойчивую положительную динамику, что связано с усилением позиций обеих сторон в мировой экономике и политике.

Ключевые слова: Глобальный Юг, Россия, Африка, внешнеторговые отношения, экспорт, импорт.

Abstract: the article identifies the specific features of the development of economic ties between Russia and African countries in the context of growing global instability and the formation of a multipolar world. It is noted that the political situation in Africa, associated with the

crisis of the neocolonial system, has a beneficial effect on strengthening Russia's cooperation with African countries. However, in the foreign trade turnover of our country, the share of the countries of the African continent remained insignificant for a long period, and its increase occurred only after the introduction of anti-Russian sanctions by the United States and its allies.

In the course of the study, the author identified key areas of foreign economic interaction between both parties, which include supplies from Russia of food and petroleum products, chemical products, machinery and equipment, including weapons and military equipment. It is indicated that the active development of relations between Russia and African countries in the field of joint exploration of minerals and mining of metals on the continent corresponds to the interests of both parties. Prerequisites have been created for the development of cooperation in high-tech sectors of the economy. The author also suggests that a favorable trend for our country would be a consequent transition to settlements in national currencies in mutual trade with the countries of African continent.

It was concluded that the trade and economic partnership between Russia and African countries will have a stable positive dynamic in the future, which is associated with the strengthening of the positions of both parties in the global economy and politics.

Key words: Global South, Russia, Africa, foreign trade relations, export, import.

Введение

Значение африканских стран в мировой экономике и политике постепенно возрастает. Это связано с тем, что на Африканском континенте находятся значительные запасы природных ресурсов, наблюдаются положительный демографический рост и увеличение доли молодого поколения в численности населения. Климат на большей части территории Африки благоприятен для развития сельского хозяйства, а активизация интеграционных процессов на континенте создает обнадеживающие перспективы его экономического развития.

Что касается России, то традиционно со многими странами этого региона планеты ее связывают дружественные отношения, основа которых была заложена еще во времена Советского Союза. В этот период было подготовлено значительное количество специалистов для большинства отраслей национальных экономик африканских государств, построен ряд промышленных предприятий, налажена совместная разведка и добыча полезных ископаемых. Современная Россия продолжает укреплять эти связи, и ее авторитет на Африканском континенте высокий, поскольку она в отличие от западных государств никогда не имела колоний на его территории. При этом взаимное торгово-экономическое сотрудничество Российской Федерации с африканскими странами направлено на получение не односторонней, а обоюдной выгоды.

Именно вследствие указанных причин ни одна африканская страна не присоединилась к западным санкциям против Рос-

сии после начала специальной военной операции на Украине в 2022 году. Более того, торгово-экономическое сотрудничество получило новый импульс благодаря принципиальной глобальной политике России, ее партнеров по БРИКС и многих африканских стран, целью которой является построение справедливого полицентричного мира.

Политические аспекты экономического сотрудничества России с африканскими странами

Глобализационные процессы способствовали тому, что весь мир разделился на две части по известной формуле профессора Гарвардского университета С. Хантингтона — The West and the Rest (Запад и всё остальное). Поэтому часто употребляемый в последние годы, но введенный в еще 1969 году термин «Глобальный Юг» [15, с. 50] является синонимом таких понятий, как «развивающиеся страны», «наименее развитые страны», «слаборазвитые страны», «экономики с низким доходом». Он используется для описания тех государств, экономика которых еще не полностью развита и которые сталкиваются с такими проблемами, как бедность населения, чрезмерная безработица и нехватка инвестиций. В настоящее время нежелание многих ведущих государств Африки, Азии и Латинской Америки поддерживать НАТО в конфликте на Украине вновь выдвинуло на первый план термин «Глобальный Юг», поскольку его страны, особенно африканские, в наибольшей степени пострадали от империализма и колониального правления, установленного Западом [23]. Сейчас в эту группу входят 134 развивающихся государства, 53 из которых находятся в Африке [24].

Пристальный интерес к континенту со стороны многих государств и международных организаций характеризует и тот факт, что по решению ООН ежегодно 25 мая во всем мире отмечается День Африки, дата которого связана с образованием в 1963 году в столице Эфиопии Аддис-Абебе Организации африканского единства (с 2002 года она преобразована в Африканский союз). Ранее Советский Союз, а сейчас Россия активно содействовали освободительной борьбе африканских народов. Поэтому, несмотря на открытое давление США и их союзников, большинство стран Африки не выступили против России после начала ею СВО на территории Украины и введения западными государствами

антироссийских санкций. В марте 2022 года 26 африканских стран отказались поддержать принятую под нажимом США резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, осуждающую Россию за проведение СВО на территории Украины. Из них Эритрея выступила против резолюции, 16 других государств Африки воздержались, а 9 стран не стали принимать участие в голосовании [17]. Как указывает бразильский геополитик Л. Лейрос, большинство стран континента в той или иной степени поддерживают Россию, и поэтому в видеоконференции в июне 2022 года Африканского союза с украинским президентом приняли участие главы только четырех государств, остальных представляли министры или дипломаты. Эта виртуальная встреча, как и ожидалось, закончилась полным провалом для Киева и его западных покровителей [22].

В связи с этим в последнее время США и их союзники вынуждены признать, что влияние западных стран на Африканском континенте постоянно снижается. Так, в статье сотрудников Фонда Карнеги Ф. Уэри и Э. Вайса, напечатанной в американском журнале «Foreign Affairs» в июле 2024 года, указывается, что Россия усиливает свое присутствие во многих субрегионах Африки, а Соединенные Штаты его сокращают. После вывода американских войск из Нигера и Чада в начале 2024 года эти страны обратились за помощью к России. Но и до этого события наша страна, как указывают американские исследователи, усилила свое присутствие в Ливии, поскольку организованное Западом свержение и убийство М. Каддафи в 2011 году привело к тому, что многие африканские страны начали проводить антизападную политику. Как следствие, делают вывод Уэри и Вайс, государственные перевороты в некоторых из этих стран позволяют Москве укреплять свои позиции, так как они привели к свержению нескольких дружественных Западу правительств в бывших французских колониях, таких как Буркина-Фасо, Чад, Мали и Нигер [26]. Неслучайно министр иностранных дел Франции К. Колонна в июне 2023 года обвинила Россию в распространении и инициировании антифранцузских выступлений в некоторых странах франкоязычной Африки [18].

Растущее военное, политическое и экономическое присутствие России в ряде стран, включая государства Буркина-Фасо, Центральноафриканскую Республику, Мали и Судан, вызывает вполне понятное беспокойство в Соединенных Штатах, политика которых

на континенте является определяющей для коллективного Запада. Уэри и Вайс обоснованно указывают, что спустя более двух лет после начала украинского конфликта Россия по-прежнему способна расширять свое присутствие в Африке и других частях мира, используя, в частности, падение влияния Франции на континенте вследствие ее «жестокой, поистине провальной африканской политики». Как следствие, недружественных России государств в Африке нет, и эта ситуация противоречит заявлению госсекретаря США Э. Блинкена в июне 2023 года, что СВО на Украине явилось причиной снижения влияния Российской Федерации во всех регионах планеты. Поэтому Уэри и Вайс рекомендуют Вашингтону осознать, что во многих случаях ему необходимо отступить и признать свои ошибки на африканском направлении своей внешней политики, поскольку Россия может извлечь выгоду из этой ситуации. Вместе с тем они полагают, что противостоять «наступлению» России на Африканском континенте будет непросто, и считают, что «ограниченное, гибкое и номинально отрицаемое вмешательство» может усилить российское присутствие во многих секторах африканской экономики, например, в добыче золота. Таким образом, при относительно небольших усилиях Россия успешно позиционирует себя как партнер, который может предоставить военную помощь и защиту тому или иному режиму, не ставя при этом условий построения в Африке западной модели демократии. И это действительно так — Российская Федерация никогда не навязывала африканским странам те или иные политические требования в двусторонних торгово-экономических отношениях.

Поэтому в Соединенных Штатах вынуждены признать, что репутация России в большей части Африки намного выше, чем западных стран. Вместе с тем Уэри и Вайс напоминают Вашингтону, что Москва зачастую является «его злейшим врагом». Сделка, которую она заключает с африканскими «автократами», якобы заключается в том, что Россия будет поддерживать установленные ими политические режимы, использовать свои частные военные компании и проводить широкомасштабные кампании по дезинформации для увеличения присутствия в добывающей промышленности африканских стран [26]. Таким образом, падение своего влияния на Африканском континенте в Соединенных Штатах пытаются объяснить «происками» России, а не безжалостной эксплуатацией

стран Африки, что в сущности стало обычной практикой во внешней политике Вашингтона и его союзников.

Политики и эксперты в западных странах не хотят понимать, что рост количества государственных переворотов на континенте вызван кризисом неокOLONиальной модели, навязанной африканским странам бывшими метрополиями. Сотрудники Международной кризисной группы К. Эро и М. Мутига указывают, что за первые два десятилетия в Африке произошли 13 успешных переворотов, а с августа 2020 по ноябрь 2023 года семь африканских лидеров были свергнуты их собственными военными. И хотя эти перевороты до сих пор происходили в основном в поясе нестабильности от Нигера до Судана, но при этом возникает риск его более широкого распространения. С американской точки зрения, в нестабильных государствах континента такие перевороты якобы препятствуют экономическому и политическому прогрессу, и поэтому их предотвращение является самой неотложной задачей внешней политики США на их африканском направлении [19]. Странная позиция западных экспертов — переворот в Ливии, например, происходил при прямом участии западных стран, то есть они никогда не предотвращали такие действия, если им это было невыгодно. В настоящее время в их организации привычно обвиняется Россия, поскольку ни США, ни их союзники не готовы признать свои провалы в Африке.

Так, в частности, жесткая антироссийская позиция Франции, по мнению многих европейских экспертов, вызвана тем, что она выводит значительное количество военнослужащих из государств Западной и Центральной Африки и планирует сократить там свой военный контингент до нескольких сотен человек. Это произойдет в рамках «обновленного» и «более сдержанного» партнерства, о котором объявил Э. Макрон после неудач его политики в Сахельском субрегионе. Примечательно также, что численность войск на территории последнего союзника Парижа в Сахеле — Чаде — также должна быть сокращена с нынешних 1000 до 300 человек. В условиях, когда противостояние между Россией и ее союзниками, с одной стороны, и Западом, с другой стороны, усиливается, Франция и США понимают необходимость пересмотра политических составляющих своего военного присутствия в африканских странах. Согласно обнародованным планам численность

личного состава французских войск в Западной и Центральной Африке в будущем составит всего 600 человек [23].

Вслед за падением политического влияния Запада на Африканском континенте неизбежно снижается и его экономическое присутствие. По данным американского агентства «Bloomberg», обнародованным в апреле 2024 года, ряд крупных многонациональных корпораций прекратили работу своих дочерних структур на континенте. Это коснулось наиболее развитых государств данного региона планеты, прежде всего Нигерии, Кении и Южно-Африканской Республики, которые аккумулируют 44% объема экономик всех стран Африки южнее Сахары и около 30% населения. В Соединенных Штатах данная проблемы объясняется тем, что в последнее время трудности ведения бизнеса, связанные с падением курса национальных валют, усилением бюрократии, слабостью энергетики и перегруженностью портов, снизили привлекательность этих стран [21].

Но это явно неполное объяснение, ведь такие проблемы в той или иной степени существовали всегда. Кроме того, в мае 2023 года из Экваториальной Гвинеи начали уходить американские компании, в частности прекратила работу крупнейшая нефтяная компания «ExxonMobil». В этой стране данное решение объясняют поддержкой ее правительством России, что вполне соответствует действительности. В настоящее время Соединенные Штаты ведут необъявленную войну против нашей страны не только на Украине, но и в других регионах планеты. Но такая политика, по оценкам самих же американцев, бесперспективна и не принесет им ощутимой выгоды.

Российская Федерация, как и ранее Советский Союз, всегда последовательно поддерживала африканские страны в борьбе за их политический и экономический суверенитет и, соответственно, наладила устойчивые связи в разных сферах взаимного сотрудничества, в том числе и в оборонной сфере. Российские вузы продолжают готовить высококвалифицированных специалистов для их национальных экономик. Одним из примеров положительного отношения к нашей стране стало проведение 25 мая 2024 года в День Африки в Москве первого Международного молодежного форума-фестиваля [4], который организовал Российско-Африканский клуб МГУ имени М.В. Ломоносова. Его центральная

тема: «Образование и повышение квалификации в Африке для XXI века». Все участники форума от африканской стороны подчеркнули важность укрепления российско-африканских связей и стремление народов континента освободиться от навязанной западными странами неокOLONиальной модели [2].

Поэтому можно сделать вывод, что политическая ситуация в Африке создает благоприятные условия для расширения торгово-экономического взаимодействия России с африканскими странами. Как предполагается, такая политика позволит им обрести подлинный суверенитет, поскольку, как заявил первый премьер-министр и первый президент независимой Ганы Кваме Нкрума, политическая независимость является бессмысленной без достижения экономического суверенитета [25].

Современное состояние торгово-экономического сотрудничества России и Африки

Все последние десятилетия торговые связи Российской Федерации с Африкой не имели для нее существенного значения: на континент приходилось примерно 3% российского экспорта и 1% импорта. Такая ситуация была обусловлена объективными обстоятельствами — хотя на континенте проживают примерно 17% мирового населения, но его доля в мировом ВВП, по данным Всемирного экономического форума, колеблется в пределах 3% [3]. После начала СВО вследствие закрытости многих статистических данных в области российско-африканских экономических отношений объективную картину можно составить на основе зарубежных и российских экспертных данных, а также исходя из материалов некоторых международных организаций.

В 2021 году, по данным Российского экспортного центра (РЭЦ), стоимостной объем российских поставок в Африку достиг 14,7 млрд долл., 29% из которых составила продукция машиностроения (4,2 млрд долл.), зерновые — 24% (3,5 млрд), а углеводороды — 20% (2,9 млрд) [12]. По данным Федеральной таможенной службы России (ФТС России), в первую десятку государств, с которыми до начала СВО Россия поддерживала устойчивые внешнеторговые отношения, вошли Египет, Алжир, Сенегал, Марокко, Нигерия, ЮАР, Тунис, Кения, Эфиопия, Гана. По оценкам РЭЦ, в 2021 году российские поставки товаров в Египет составили

28% от общих экспортных объемов в Африку, или 4,2 млрд долл., в Алжир — 20%, или 3 млрд, в Сенегал — 8%, или 1,2 млрд, в Марокко — 8%, или 1,2 млрд.

Североафриканские страны являлись главными торговыми импортерами Российской Федерации на континенте (примерно 2/3 экспорта 2021 года) [13, с. 28].

В целом незначительные объемы двусторонней торговли не соответствовали возможностям обеих сторон, что не раз подчеркивали как российские, так и африканские официальные лица [14, с. 93]. Такая согласованная обоюдная позиция обусловлена тем, что, по экспертным оценкам, на Африканском континенте находятся до 40% мировых запасов золота и более 90% хрома и платины, а также месторождения других металлов, в том числе урана. Кроме того, в Африке имеется примерно 65% мировых земельных угодий, пригодных для выращивания сельскохозяйственных культур, и около 10% пополняемых водоемов пресной воды, что дает возможность эффективно развивать аграрный сектор [8]. Поэтому интерес многих стран к этому континенту не только не уменьшается, но и возрастает.

Учитывая эти факторы и стремясь расширить торгово-экономическое сотрудничество с государствами данного региона планеты, Россия выступила инициатором проведения первого саммита «Россия — Африка», который состоялся в октябре 2019 года с участием лидеров 43 стран, а также восьми крупнейших африканских объединений и организаций. С этого времени они стали проводиться регулярно.

После начала Россией СВО и введения западными странами антироссийских санкций резко возросла взаимная потребность в активизации внешнеторговых связей, особенно в отношении поставок продовольствия [16, с. 195]. Так, внешнеторговый оборот Российской Федерации с африканскими странами в 2022 году достиг 18 млрд долл., 1/4 часть из которого составило зерно, а 22% — нефть и продукты ее переработки. Весомая составляющая экспортных поставок сконцентрирована в товарных группах, включающих вооружение и военную технику, информация о которых не публикуется в открытой печати.

В импорте России из Африки доминирует сельскохозяйственная продукция, и ее доля составила около 60% (1,8 млрд долл.).

При этом, по оценке экспертов Росконгресса, наблюдается ярко выраженная диспропорция в торговле России с Африкой: в структуре российского внешнеторгового оборота около 85% составляют экспортные поставки в страны континента, и только 15% приходится на импорт из них. Поэтому эксперты Росконгресса сделали вполне логичный вывод, что в настоящее время необходимо принять совместные меры для увеличения объемов импорта из стран Африки [8].

В 2023 году торгово-экономические связи России с африканскими странами значительно укрепились. По данным ФТС России, их доля в российских экспортных поставках выросла в 2 раза — с 2,5 до примерно 5%. Одновременно этот показатель для американского региона планеты (страны Карибского бассейна, Центральной, Южной и Северной Америки) уменьшился до 2,9% в 2023 году по сравнению с 3,5% предыдущего года.

Эта тенденция сохранилась и в начале 2024 года. В 2022 году произошло резкое (примерно в 6 раз) сокращение российского экспорта в США, что обусловило его общее падение, так как на долю США в «досанкционный» период приходилось более половины поставок на Американский континент.

Товарная структура российских экспортных поставок в страны Африканского континента, по отечественным оценкам, практически не менялась в период 2020–2023 годов. Главными товарными группами, поставляемыми в этот регион планеты, оставались зерновые, нефтепродукты, продукция химической промышленности, машины и оборудование [11]. Следует отметить, что в 2023 году объем экспорта российских нефтепродуктов в Африку увеличился примерно в 2 раза, также возросли поставки пшеницы, но при этом остались неизменными прежние объемы поставок машин и оборудования, а также химических товаров.

По данным египетской статистики, в 2023 году Египет закупил у России зерна на сумму 2,55 млрд долл., черных металлов — на 0,55 млрд, растительных масел — на 0,52 млрд. Поскольку на поставки продовольственных товаров западные санкции не распространяются, то увеличение их объемов является вполне объяснимым явлением. Тем не менее, когда Россия в ноябре 2023 года начала безвозмездные поставки зерновых в некоторые африканские страны, то многие западные издания обвинили ее в том,

что она пытается использовать их для усиления своего влияния на континенте.

Еще одной благоприятной для России тенденцией является переход расчетов во взаимной торговле на национальные валюты. Так, в 2023 году 38% экспорта российских товаров в Африку оплачивалось в рублях (для сравнения — 1,7% в 2021 году), 14% — в «недружественных» валютах и почти 48% — в «прочих валютах», основной из которых является, по всей видимости, китайский юань. Вместе с тем старший научный сотрудник РАНХиГС А. Фиранчук утверждает, что в настоящее время африканские страны не могут предоставить необходимые России товары, «кроме фруктов и кофе». Поэтому они получают незначительные финансовые средства от своих поставок в Россию, и этот факт может стать причиной необходимости постоянного кредитования внешнеторговых операций и нестабильной оплаты уже поставленных товаров [11].

Учитывая экономические сложности, которые возникли после начала СВО и введения западными странами антироссийских санкций, в июле 2023 года в Санкт-Петербурге состоялся очередной саммит «Россия — Африка», в котором приняли участие уже 49 африканских стран и присутствовали 17 глав государств. На нем был принят план действий Форума партнерства «Россия — Африка» на 2023–2026 годы на основе стратегии Африканского союза до 2063 года «Африка, какой мы хотим ее видеть». В нем особое внимание уделено совместной работе в рамках международных организаций, укреплению экономических связей между ЕАЭС и Африканским союзом, а также и с субинтеграционными объединениями континента. Запланирована реализация ряда мероприятий в области торговли и инвестиций, науки и инноваций, энергетики, цифровой экономики и т. д. [5]. На саммите было также заявлено о поддержке совместных проектов России с африканскими странами в сфере высоких технологий. В частности, было принято Соглашение между правительствами РФ и Зимбабве о взаимном сотрудничестве в атомной энергетике [10].

По оценке заместителя Министра промышленности и торговли РФ В. Осьмакова, экономическое взаимодействие с африканскими странами концентрируется на таких главных направлениях, как обеспечение продовольственной и энергетической безопасности, стимулирование глубокой переработки продукции в аграрном

секторе на основе производства удобрений, средств защиты растений и т.д., развитии транспортной инфраструктуры, здравоохранения и фармацевтики [8].

Перспективы развития экономических отношений по линии «Россия — Африка»

Как российские, так и зарубежные исследователи согласны с тем, что значение африканских стран в мировой политике и экономике будет постоянно возрастать. По оценкам Института исследований в области безопасности (ISS Africa, ЮАР), их совокупный ВВП к 2050 году вырастет более чем в 3 раза по сравнению с 2012 годом и достигнет 8,5 трлн долл. Аналитики международной компании «Renaissance Capital» прогнозируют увеличение совокупного ВВП стран Африки до 29 трлн долл. к 2050 году [12]. Вместе с тем аналитики предполагают увеличение объемов внешней торговли исследуемых стран. Такие прогнозы имеют веские основания.

Поэтому на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-24), который проходил с 5 по 8 июня 2024 года, особое внимание было уделено развитию внешнеэкономических связей России с африканскими странами. Вместе с тем палестинский ученый Табит Аль-Амур справедливо указал, что, хотя форум назывался экономическим, политический фактор тоже занимал важное место в большинстве встреч, диалогов и дискуссий, то есть и экономические, и политические вопросы российско-африканского сотрудничества рассматривались без отрыва друг от друга. Об этом говорит и тот факт, что в преддверии ПМЭФ, в начале июня 2024 года, глава российского Министерства иностранных дел С.В. Лавров совершил шестое за последние два года посещение Африки, где провел переговоры с руководством Гвинеи, Республики Конго, Чада и Буркина-Фасо. При этом его визит в последние две страны стал первым в истории отношений России с этими государствами, ориентированным на военно-техническое сотрудничество. В это же время заместитель Министра обороны России Ю.-Бек Евкуров посетил Нигер и Мали.

Как обоснованно указывает палестинский аналитик, визит С.В. Лаврова в вышеуказанные страны, которые являются бывшими французскими колониями, еще раз подтверждает тот факт, что расширение российского присутствия в Африке происхо-

дит с одновременным снижением влияния Франции. Поэтому на ПМЭФ-2024 Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что развитие отношений с Африканским континентом является приоритетом для России, а участие африканских лидеров в работе форума символизирует заинтересованность Африки в развитии отношений с Российской Федерацией. Российский лидер указал, что Африканская континентальная зона свободной торговли является еще одним «фактором развития в рамках взаимовыгодного многополярного, глобального миропорядка» [6]. Он проинформировал также, что экономические отношения России со всеми, кроме Запада, регионами планеты являются динамичными и устойчивыми. Так, рост объемов торговли России со странами Азии с 2020 по 2023 год составил 60%, с Ближним Востоком произошло увеличение в 2 раза, с государствами Африки рост составил 69%, со странами Латинской Америки — 42% [6].

В ходе форума были проведены переговоры российских официальных лиц со своими партнерами из африканских стран. По информации представителя Судана М.Б. Абдалла Абу-Наму, с российской стороной было заключено соглашение о совместном поиске месторождений золота на территории его страны. Следует отметить, что сотрудничество России с африканскими странами в сфере добычи благородных и редкоземельных металлов вызывает особое неудовольствие западных стран, прежде всего США. Что касается отношения России к этой совместной деятельности, то В.В. Путин указал, что инвестиции в Африку, как и во все другие регионы и быстроразвивающиеся страны, должны быть защищены. «Нужны такие инструменты, — отметил он, — которые бы гарантировали эти вложения и их отдачу. На чем это может быть основано, если не на золоте?» [6].

Разведка и добыча полезных ископаемых — это далеко не единственная сфера взаимных интересов. Так, Россия и Гвинея подписали меморандум о намерениях построить плавучие атомные электростанции для этой страны. Как заявлено российской государственной корпорацией «Росатом», стороны установят возможность реализации данного проекта, а также сроки и условия при которых он будет выполнен [7].

С другой африканской страной — Зимбабве, — а точнее, с ее космическим агентством, еще в 2021 году Роскосмос подписал

меморандум о сотрудничестве, согласно которому должна быть налажена взаимная помощь в освоении космоса в мирных целях [9]. На ПМЭФ-24 во время переговоров с Президентом этой страны Э. Мнангагвой российский лидер подчеркнул, что отношения между Россией и Зимбабве длительное время успешно развиваются, а их позиции по главным вопросам глобальной политики совпадают. Кроме перечисленных выше стран Буркина-Фасо и Чад на этом форуме заключили несколько экономических контрактов с Россией, а также подписали соглашения о сотрудничестве в области атомной энергетики и горнодобывающей промышленности.

Исходя из вышеизложенного, Табит Аль-Амур делает вывод, что контакты по линии «Россия — Африка» строятся на иных основаниях, чем аналогичные отношения африканских стран с Западом. Он обоснованно утверждает, что Москва стремится восстановить свое присутствие на континенте в рамках бывшего Советского Союза. При этом данный курс, по его оценке, не является преходящим, он не связан только с ПМЭФ или российско-африканскими саммитами, а имеет стратегический и долговременный характер. Табит Аль-Амур утверждает, что Россия пытается закрепить свое многостороннее присутствие не только в экономике, но и в других сферах, в том числе в военной области. Оно постоянно расширяется и не ограничивается каким-либо конкретным африканским регионом, хотя в первую очередь приоритет отдается Сахелю¹.

Россия, по мнению палестинского аналитика, в отношениях с Африканским континентом руководствуется двумя принципами. Первый из них заключается в том, что она подчеркивает свою преемственность с Советским Союзом, который поддерживал африканские страны в их борьбе за освобождение от колониальной зависимости. Второй принцип основан на равноправных отношениях с африканскими странами. В.В. Путин неоднократно повторял, что Россия солидарна с Африкой в продвижении многополярного мира, она также выступает против использования климатических проблем и защиты прав человека в политических целях и в целом против политики «диктата правил», навязываемых Западом. Кроме того, Москва поддерживает расширение пред-

¹ Это субрегион между пустыней Сахара на севере и территориями на юге. Включает 11 стран: Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерия, Камерун, Чад, Судан и Эритрея.

ставительства Африки в ООН в рамках реформирования Совета Безопасности ООН.

Вместе с тем Табит Аль-Амур предупреждает, что наличие этих определяющих факторов не означает, что Россия не столкнется с вызовами и препятствиями в Африке. Для данного континента во главе угла стоит экономическое развитие, требующее все-сторонней помощи Москвы, которая, в свою очередь, больше заинтересована в политических отношениях и расширении военного присутствия [1]. Наряду с этим российские эксперты полагают, что экспортная модель ведения бизнеса с африканскими странами постепенно уступит место инвестиционной модели, которая поощряется национальными правительствами через предоставление максимальных льгот и преференций иностранным инвесторам.

Тем не менее для России решение всех этих проблем представляется достаточно сложной задачей, поскольку неокOLONиальная зависимость отрицательно отразилась на состоянии национальных экономик стран Африки. Так, по оценкам экспертов РЭЦ, железнодорожная инфраструктура на континенте не соответствует современным требованиям, подвижной состав эксплуатируется более 30 лет, а в отдельных странах — 50 лет. В настоящее время приток инвестиций в Африку незначителен, поскольку нет гарантий окупаемости проектов и защиты инвестиций. Поэтому эксперты РЭЦ предлагают создавать консорциумы, заинтересованные в выходе на африканские рынки, в которые могут входить не только российские компании, но и их партнеры из стран БРИКС [11].

Несмотря на вышеперечисленные сложности, по оценке Табит Аль-Амура, будущее России на континенте будет сопровождаться всё большим расширением ее влияния, ростом и повышением эффективности двустороннего взаимодействия на фоне стремления Африки освободиться от неокOLONиальной зависимости. Немаловажным фактором является и то обстоятельство, что Африканский континент для России становится зоной острого соперничества с Западом. Таким образом, итоги Петербургского международного экономического форума, по его мнению, — это лишь прообраз того, какими могут быть в перспективе российско-африканские отношения [1].

Заключение

Долговременная ориентация России на страны Глобального Юга, в том числе на африканские государства, в настоящее время значительно усилилась. При этом политическая ситуация в Африке создает благоприятные условия для расширения экономического взаимодействия России со странами континента, что позволяет им в перспективе преодолеть последствия неокolonиальной зависимости и обрести полноценный национальный суверенитет. Вместе с тем следует констатировать, что российско-африканские торгово-экономические отношения в последние десятилетия не занимали сколь-нибудь существенного места во внешнеэкономической политике России — объемы экспорта и импорта колебались в пределах нескольких процентов от ее внешнеторгового оборота.

Ситуация резко изменилась после начала российско-украинского конфликта в феврале 2022 года. Большинство стран Африки поддержали Россию в противодействии Западу и выступили против введения им антироссийских санкций. Как следствие, резко увеличились объемы российского экспорта, а в рамках двусторонних и многосторонних саммитов и форумов начали активно продвигаться разные совместные не только торгово-экономические, но и высокотехнологичные инвестиционные проекты.

В целом торгово-экономическое партнерство России с африканскими странами, несмотря на существующие препятствия и сложности, по всей видимости, будет иметь устойчивую положительную динамику, что позитивно отразится на всех сферах их взаимодействия.

Литература

1. *Аль-Амур Т.* ПМЭФ и будущее российского присутствия на африканском континенте. — URL: <https://inosmi.ru/20240617/afrika-269178581.html> (дата обращения: 13.07.2024).
2. В Молодежном дне Африки в Москве приняли участие около 200 человек. — URL: <https://ria.ru/20240525/afrika-1948374410.html> (дата обращения: 15.07.2024).
3. Исследование торгового сотрудничества России со странами Северной Африки / М.Ф. Ткаченко, Н.А. Бударина, Р.М. Шафиев [и др.]; Российская таможенная академия. — М.: РИО Российской таможенной академии, 2020. — 140 с.
4. Молодежный День Африки — 2024: «Образование и повышение квалификации в Африке для XXI века». — URL: <https://rusafroclub.ru/meropriyatiya/molodezhnyj-den-afriki-2024> (дата обращения: 10.07.2024).

5. План действий Форума партнерства Россия — Африка на 2023–2026 годы. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971> (дата обращения: 13.07.2024).
6. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234#sel=228:28:Pff,229:16:eVe> (дата обращения: 22.07.2024).
7. «Росатом» совместно с партнерами из Республики Гвинея изучат возможности размещения плавучих энергоблоков в стране. — URL: <https://rosatom.ru/journalist/news/rosatom-sovmestno-s-partnerami-iz-respubliki-gvineya-izuchat-vozmozhnosti-razmeshcheniya-plavuchikh-/> (дата обращения: 25.07.2024).
8. Россия — Африка: новая экономическая политика. — 16.01.2024. — URL: <https://roscongress.org/materials/rossiya-afrika-novaya-ekonomicheskaya-politika> (дата обращения: 12.07.2024).
9. Россия и Зимбабве договорились о сотрудничестве в космосе. — URL: <https://habr.com/ru/news/586792/> (дата обращения: 16.07.2024).
10. Россия и Зимбабве подписали межправсоглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях. — URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-zimbabve-podpisali-mezhpravsovsglashenie-o-sotrudnichestve-v-oblasti-ispolzovaniya-atomnoy-e/> (дата обращения: 13.07.2024).
11. Россия стала поставлять больше товаров в Африку, чем в обе Америки. Каковы перспективы расширения экспорта на Африканский континент. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/04/2024/662109119a79472a941269d9> (дата обращения: 10.07.2024).
12. *Селезнев М.* Чего ждать от российско-африканских экономических отношений. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/62ddc8cb9a7947ad9188db4b?from=copy> (дата обращения: 20.07.2024).
13. *Ткаченко М.Ф.* Роль и место России в сырьевом энергетическом экспорте в страны Северной Африки // Вестник Российской таможенной академии. — 2021. — № 3 (56). — С. 23–36.
14. *Ткаченко М.Ф., Бударина Н.А.* Оценка макроэкономической ситуации стран Северной Африки и их роли в системе мирохозяйственных связей // Вестник Российской таможенной академии. — 2020. — № 4 (53). — С. 89–96.
15. *Яковенко А.В.* Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг // Проблемы национальной стратегии. — 2024. — № 1 (82). — С. 42–57.
16. *Яковенко А.В.* Специальная военная операция России на Украине как катализатор процессов формирования нового мирового порядка // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения (Санкт-Петербург, 9–10 июня 2022 г.). — СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 2022. — С. 194–197.
17. Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965290?ln=ru&v=pdf> (accessed: 16.08.2024).
18. Afrique: la France veut rester un “partenaire pertinent” malgré les “discours anti-français”. — URL: <https://www.france24.com/fr/afrique/20230606-afrique-la-france-veut-rester-un-partenaire-pertinent-malgre-les-discours-anti-français> (accessed: 11.07.2024).
19. *Ero C., Mutiga M.* The Crisis of African Democracy. Coups Are a Symptom — Not the Cause — of Political Dysfunction. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/crisis-african-democracy/> (accessed: 28.07.2024).
20. *Heine J.* What exactly is the Global South? — URL: <https://asiatimes.com/2023/07/what-exactly-is-the-global-south/> (accessed: 21.07.2024).
21. *Kew J.* [and others]. For Multinationals, Africa’s Allure Is Fading. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2024-04-17/bayer-nestle-unilever-and-other-multinationals-cut-back-in-africa> (accessed: 26.07.2024).
22. *Leiroz L.* Most African Countries Support Russia. — URL: <https://beforeitsnews.com/global-unrest/2022/06/most-african-countries-support-russia-2535430.html> (accessed: 10.08.2024).
23. *Schmeller R.* Weiterer Rückschlag für den Westen: Frankreich zieht massiv Soldaten aus Afrika ab. — URL: <https://www.berliner-zeitung.de/politik-gesellschaft/geopolitik/frankreich-zieht-massiv-soldaten-aus-afrika-ab-weiterer-rueckschlag-fuer-den-westen-li.2226044> (accessed: 23.07.2024).

24. The Member States of the Group of 77. — URL: <https://www.g77.org/doc/members.html> (accessed: 11.07.2024).
25. *Thompson A.* The Challenges African States Faced at Independence. — URL: <https://www.thoughtco.com/challenges-african-states-faced-at-independence-43754> (accessed: 29.07.2024).
26. *Wehrey F., Weiss A. S.* The Right Way for America to Counter Russia in Africa. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/africa/right-way-america-counter-russia-africa> (accessed: 20.07.2024).

Серикова Анна Владимировна,

атташе Генерального секретариата (Департамента)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
соискатель,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Anna V. Serikova,

Attache of the General Secretariat (Department)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Applicant,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow.
E-mail: ann1993@mail.ru

РОЛЬ РУСОФОБИИ В ПОЛИТИКЕ НАТО

THE ROLE OF RUSSOPHOBIA IN NATO POLICY

Аннотация: в 2024 году исполнилось 75 лет со дня основания самого одиозного военного блока современности — Североатлантического альянса (НАТО). С первого дня существования НАТО и по настоящее время альянс показывает себя несостоятельным в разрешении конфликтов в мире. Не скрывая своей русофобии и желания продвигать западные ценности, в частности американские инициативы, НАТО настойчиво расширяется на Восток, угрожая национальной безопасности России. Весь смысл существования альянса свелся де-факто к противостоянию мнимой угрозе со стороны России, намеренно продвигаемой руководством альянса для оправдания существования НАТО в XXI веке.

Ключевые слова: европейская безопасность, угрозы безопасности, Россия, Европа, НАТО, США, распад международных договоров, расширение НАТО на Восток.

Abstract: in 2024, the 75th anniversary of the founding of the most odious military bloc of our time, the North Atlantic Treaty Organisation (NATO), was celebrated. From the first day of the existence of NATO to the present day, the alliance shows itself to be untenable in resolving conflicts in the world. Without hiding its Russophobia and desire to promote Western values, in particular American initiatives, NATO is aggressively expanding to the East, threatening Russia's national security. The whole point of the existence of NATO has been reduced de facto to countering the imaginary threat from Russia, deliberately invented by the leadership of the alliance to justify the existence of NATO in the 21st century.

Key words: European security, security threats, Russia, Europe, NATO, the USA, the collapse of international treaties, the expansion of NATO to the East.

Введение

В 2024 году Организации Североатлантического договора (НАТО) исполнилось 75 лет со дня основания — 4 апреля 1949 года. За весь период своего существования альянс безуспешно пыта-

ется оправдать свою деятельность, занимаясь подменой понятий и развязыванием конфликтов по всему миру. Примечательно, что даже во время осуществления миссий с благородными на первый взгляд целями, НАТО всё равно неустанно продолжала продвигать установки своего главного идеолога — Соединенных Штатов Америки. И если на закате XX века организация могла удерживать доминирующее положение в Европе в связи с распадом СССР и отсутствием влиятельного политического оппонента, то в XXI веке при возродившейся мощи России смысл существования НАТО давно ставится под сомнение, особенно учитывая потребительское отношение США к странам — членам альянса и использование НАТО исключительно в своих интересах, а не во благо её участникам.

Отношения России и НАТО

Начало двусторонним отношениям между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора было положено в 1991 году, когда Российская Федерация присоединилась к Совету североатлантического сотрудничества (ССАС), который с 1997 года переименован в Совет евроатлантического партнерства (СЕАП). Изначально формат ССАС рассматривался как площадка для диалога с бывшими странами — членами Варшавского договора, но впоследствии превратился в форум безопасности для взаимодействия со странами Центральной и Восточной Европы после окончания холодной войны [13].

22 июня 1994 года Российская Федерация стала участвовать в программе «Партнерство ради мира». В заявлении Министерства иностранных дел Российской Федерации сказано: «21 апреля 2005 года Министр иностранных дел С.В. Лавров от имени Российской Федерации подписал Соглашение, регулирующее пребывание воинских контингентов государств-подписантов на территории друг друга. Прежде всего, речь идет об учениях в области миротворчества, ПРО ТВД¹, мероприятиях по антитеррористической готовности войск и готовности к чрезвычайным ситуациям» [2].

27 мая 1997 года в Париже был подписан «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности», заложивший базу отношений между Россией и НАТО [6]. Как следствие, был создан Совместный постоянный Совет Россия — НАТО

¹ ПРО ТВД — противоракетная оборона театра военных действий.

(СПС). К сожалению, созданный механизм консультаций по ряду кардинальных проблем европейской и глобальной безопасности не смог обеспечить принятие согласованных решений и сводился зачастую к простому обмену информацией и мнениями. Однако согласно основополагающему акту Россия — НАТО альянс принял на себя обязательство не размещать дополнительно существенные боевые силы вдоль границ Российской Федерации на постоянной основе [7]. Также в рамках основополагающего акта учреждалось российское представительство при НАТО в 1998 году.

Первое приостановление двусторонних отношений произошло в 1999 году в связи с вооруженной операцией НАТО против Югославии, что крайне негативно было оценено российским руководством, учитывая невероятно агрессивный характер операции и нарушение международного права, так как отсутствовал мандат Совета Безопасности ООН. Комментируя события 1999 года, министр иностранных дел России С.В. Лавров заметил: «Запад не собирался удовлетворяться ничем, кроме отрыва Косово от Сербии. Одновременно была глобальная цель — втянуть все Балканы в НАТО. Потом в Евросоюз» [4]. Россия в качестве ответной меры на агрессию НАТО приостановила свое участие в программе «Партнерство ради мира» и в индивидуальной программе партнерства Россия — НАТО. Россия отказалась от участия в апрельском саммите Североатлантического союза в Вашингтоне и проведенных в его рамках мероприятиях с государствами-партнерами.

Ренессансом в двусторонних отношениях можно считать подписание Россией Римской декларации «Отношения Россия — НАТО: новое качество». В соответствии с Римской декларацией был создан Совет Россия — НАТО [8]. В официальном заявлении подчеркнуто: «...в рамках Совета Россия — НАТО Россия и государства — члены НАТО будут работать как равные партнеры в областях, представляющих общий интерес. Совет Россия — НАТО будет являться механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств — членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в евроатлантическом регионе» [8].

В 2003 году Россия начала сотрудничать с НАТО по вопросу антитеррористической операции в Афганистане в рамках операции Международных сил содействия безопасности (МССБ — ISAF),

которую НАТО возглавляло вплоть до 2014 года; на протяжении долгого времени этот вопрос был одним из ключевых на повестке дня Совета Россия — НАТО.

Вторым случаем приостановления двусторонних отношений стал грузино-осетинский конфликт в 2008 году. Лишь в 2009 году сотрудничество было восстановлено, а работа Совета окончательно возобновилась в начале 2010 года.

Лиссабонский саммит НАТО в 2010 году, на котором была принята новая «Стратегическая концепция» альянса, продемонстрировал возобновление отношений Российской Федерации и Организации Североатлантического договора. В рамках принятой «Стратегической концепции» предполагалось широкое привлечение России к взаимодействию по вопросам безопасности. Тогда альянс признал невозможность построения европейской архитектуры безопасности без активного участия России. Обе стороны договорились о продолжении сотрудничества по противоракетной обороне (ПРО), а также об укреплении мира и стабильности в Афганистане и оказании поддержки местному правительству. Но, несмотря на это, сотрудничество НАТО с Россией по Афганистану было заморожено.

Наблюдалось также снижение уровня взаимопонимания между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора, и через год, в 2011 году, российская сторона в официальном заявлении отметила отсутствие прогресса по вопросу ПРО, в связи с чем в Калининграде был введён в строй радар системы предупреждения о ракетных пусках и были размещены тактические ракеты. Также была создана система электронного противодействия средствам ПРО.

Но все договоренности по инициативе альянса были нивелированы после исторического воссоединения полуострова Крым с Российской Федерацией в 2014 году.

На протяжении долгого времени одним из главных камней преткновения в российско-натовских отношениях является расширение НАТО на Восток. Курс, выбранный НАТО, рассматривается Россией как угроза своей безопасности, а также стратегическим интересам в Европе. Североатлантический альянс признал Россию своей главной угрозой, отразив это в стратегии НАТО-2030, хотя ранее руководство альянса заявляло об отсутствии взаимосвязи

между расширением НАТО на Восток и угрозой национальной безопасности России [8].

Другим важным пунктом двусторонних отношения России и НАТО был вопрос ядерного оружия [5]. В условиях кризиса в двусторонних отношениях России и НАТО руководство альянса утверждает, что Россия создаёт угрозу европейским странам, так как у российской стороны наблюдается преимущество в тактическом ядерном вооружении в 6 раз [1]. В связи с этим блок намерен принять ряд мер, что будет способствовать лишь дальнейшей эскалации обстановки в Европе [9].

Современные двусторонние отношения России и НАТО находятся не просто в кризисном состоянии, а на нулевой отметке. Точкой невозврата в отношениях стало вхождение исконно российской территории полуострова Крым в состав России, что не отвечало геополитическим взглядам ни США, ни его сателлитам — странам — членам НАТО.

Последним шагом стало объявление России агрессором и направление альянсом оружия на Украину, в зону проведения Россией специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, что означает непосредственную причастность НАТО к украинскому конфликту и, соответственно, переход конфликта к противостоянию России и НАТО [3].

Внутриорганизационный кризис НАТО

В НАТО сохраняются разногласия по разным вопросам повестки дня: поставка вооружения Украине на фоне проведения Россией СВО; соблюдение Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе; отношения с европейскими союзниками, в том числе на фоне дискуссий о будущем европейской безопасности ввиду прекращения действия всех договоров в области обороны и безопасности; изменение климата; претензии США к европейским членам альянса по вопросу увеличения финансирования НАТО; расширение НАТО; вовлеченность НАТО в дела стран Ближнего Востока. Всё перечисленное выше свидетельствует о размывании границ натовской солидарности.

Отдельного внимания заслуживают разногласия в отношениях между США и европейскими странами — членами НАТО. Сегодня многие европейские политики и эксперты испытывают разоча-

рование в Североатлантическом альянсе. Причиной тому служит расхождение интересов и приоритетов между США и Европой в сфере обеспечения безопасности. Тем не менее в США демократы как представители «традиционной школы» активно выступают за сохранение формата НАТО. Американский эксперт Дж. Карафано выступил с тезисами о том, что главное предназначение НАТО — борьба с российской угрозой и в связи с этим США должны мобилизовать своих союзников [12].

Вопрос внутриорганизационного кризиса по-новому зазвучал в альянсе на фоне вывода войск НАТО и США из Афганистана 31 августа 2021 года. Псевдodemократические ценности, активно поддерживаемые внутри альянса, оказались не нужны за пределами организации, более того, послужили усилению негативной оценки мирового сообщества внешнеполитическим действиям США и, в частности, политике НАТО.

Отдельного внимания заслуживает ситуация вокруг Украины, политическая элита которой активно высказывалась о вступлении страны в НАТО. Москва на подобные заявления Киева отреагировала соответствующе, назвав подобные настроения Украины угрозой национальной безопасности России. Ещё в начале российской военной операции по демилитаризации и денацификации Украины Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг заявил, что альянс поддерживает Украину, но предоставить ей гарантии безопасности не может, так как Украина не является членом организации, добавив, что ни США, ни НАТО не хотят воевать с Россией [11].

Самым важным вопросом обсуждения в Североатлантическом альянсе в последнее время стала поставка вооружений Украине для противостояния России в ходе проведения специальной военной операции, что является свидетельством включения в ход конфликта НАТО и, соответственно, противостояния России и НАТО. Здравомыслящие политики в странах — членах НАТО настаивают на отказе от конфронтации с Москвой и преступной поставки оружия и боеприпасов нацистскому режиму Украины. Но, так как главным игроком альянса по-прежнему являются США, а европейские страны — члены НАТО лишь марионетки в руках заокеанского партнера, Европе приходится соблюдать правила навязанной русофобии, пусть и в ущерб будущему европейской безопасности.

Обоснование необходимости деятельности НАТО в XXI веке

Страны — члены НАТО активно заняты оправданием существования альянса, прибегая к единственному оставшемуся предлогу, хоть и придуманному, — наличию геополитического противника в лице России, которую искусственно возвели в ранг главного агрессора.

Несмотря на то что в концепциях альянса прописана главная цель создания НАТО — гарантия свободы и безопасности всех ее членов как политическими, так и военными средствами, как это установлено в ст. 5 Вашингтонского договора от 4 апреля 1949 года, история наглядно показала, что большинство действий альянса имели антисоветский, а позднее антироссийский характер. Так, после распада СССР НАТО продолжила свое существование, и к ней присоединились некоторые страны Европы. Свообразным ответом на образование Североатлантического альянса и присоединение ФРГ к блоку в 1955 году стало создание странами социалистического лагеря по инициативе Советского союза 14 мая 1955 года Организации Варшавского Договора (ОВД), целью которого стало противостояние НАТО. В состав ОВД помимо СССР входили ещё шесть государств: Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и Чехословакия. С прекращением существования ОВД в 1991 году и по окончании холодной войны НАТО фактически осталась единственной военно-политической организацией с функцией силового обеспечения продвижения западных ценностей и интересов.

Причинами существования НАТО в XXI веке можно назвать следующие. Во-первых, в блоке присутствует главный лидер-гегемон в лице США, которые осуществляют тотальный контроль за оборонной внешнеполитической деятельностью своих европейских сателлитов.

Во-вторых, в НАТО прослеживается высокая степень институционализации, что создает для любого союза необходимый юридический фундамент, хотя в случае с агрессивными мерами НАТО о правовом поле говорить не приходится. Тем не менее на сегодняшний день в НАТО функционируют комитеты и агентства, среди которых выделяется, прежде всего, Североатлантический совет (САС) — главный политический руководящий орган НАТО. Совет заседает на разных уровнях не реже одного раза в неделю или

при необходимости. Председателем САС является Генеральный секретарь. Одним из важнейших институтов является Военный комитет, состоящий из начальников штабов обороны государств — членов НАТО. Помимо вышеуказанных комитетов действуют так называемые подчиненные комитеты, занимающиеся всеми темами повестки дня — от политических до технических вопросов.

В-третьих, немаловажную роль в сохранении НАТО сыграла идеологическая солидарность, а именно разделение ее членами ценностей и принципов, заложенных в Договоре организации, подписанном 4 апреля 1949 года на встрече в Вашингтоне, США, и вступившего в силу 24 августа 1949 года [10]. Примечательно, что, если проследить ход операций НАТО с момента ее основания, можно констатировать беспрецедентный рост конфликтов не только в Европе, но и на всем Евразийском континенте. А это уже противоречит параметрам, заложенным в Договоре организации, следовательно, подрывает безопасность в Североатлантическом регионе, за который себя назначил ответственным альянс.

И, наконец, пытаясь сохранить свою востребованность в современном мире, НАТО пошла на крайние меры путем формулирования новых задач и функций на смену прежним установкам. Один из первых и беспрецедентных случаев оправдания существования альянса относится к концу XX века: в 1999 году НАТО начала несогласованную с Советом Безопасности ООН и в нарушение международного права бомбардировку Югославии. Данная операция была предпринята альянсом не только в целях повышения доверия к НАТО, но и для того, чтобы Президенту США Б. Клинтону сохранить поддержку Конгресса и свою должность. Атакуя цели, блок НАТО использовал в том числе и запрещенные типы боеприпасов с радиоактивными примесями, главным образом, обедненным ураном (U 238), что нанесло огромный ущерб здоровью людей и привело к обострению экологической ситуации. Комментируя действия НАТО тех лет, Министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «...начиная с 1991 г. развал Югославии, отрыв Косово от Сербии был в планах Запада. Натовская агрессия уходит корнями в 1998 г., когда белградские власти контролировали этот сербский край. Там начались теракты, сложилась Армия освобождения Косово. Есть данные, что ее финансировали и вооружали американцы и немцы, всячески стимулируя ее активность, чтобы “расшатать” обстановку

и иметь предлог для вмешательства» [4]. Сегодня мы наблюдаем подобные меры: НАТО пытается обвинить Россию в развязывании украинского конфликта, хотя сама же всячески использует территорию Украины для испытания вооружения и ведения военных действий против России не на своей территории.

Ссылаясь на предлог выдуманной агрессии со стороны России, НАТО нашла возможность оправдать свое существование в сегодняшних геополитических реалиях, продвигаясь на Восток и приближаясь тем самым к границам России, что, несомненно, является угрозой российской национальной безопасности. Теперь уже речь ведется о расширении амбиций альянса, а точнее, США, на Европейском континенте, затрагивая параметры не только Европы, но и всей Евразии путем попыток установки партнерства с азиатскими странами, граничащими с Россией. На саммите НАТО в июле 2024 года в Вашингтоне страны — члены НАТО договорились продолжать долгосрочное финансирование Украины в сфере безопасности, что подтверждает факт превращения украинского конфликта в противостояние России и НАТО и продолжающееся ухудшение европейской безопасности [15]. В Вашингтонской декларации НАТО также сказано, что министры обороны Румынии, Греции и Болгарии договорились о создании военного логистического коридора для оперативной переброски войск на восточный фланг альянса. Любопытно, что в этой Декларации активно подчеркнута важная роль международного права, на которое якобы опирается альянс, хотя де-факто вся деятельность НАТО является сплошным нарушением прав и свобод человека, ущемлением суверенитетов государств.

Главный замысел альянса заключается в достижении глобального доминирования в разных сферах, а также в необходимости соблюдения трех главных задач альянса: коллективной обороны, кризисного урегулирования и укрепления безопасности на основе сотрудничества. Значительная часть Вашингтонской декларации обращена в сторону Китая, который, как гласит Декларация, «продолжает бросать вызов интересам, безопасности и ценностям» Североатлантического альянса. В частности, страны — члены НАТО заявили о растущей китайской угрозе в космосе и киберпространстве и выразили опасения в связи с наращиванием Китаем своего ядерного арсенала. В Декларации отмечена «открытость НАТО к конструктивному диалогу», что повышает «устойчивость и готов-

ность» Брюсселя к вызовам и угрозам, исходящим от Пекина. Тем не менее согласно Декларации Вашингтонского договора «Россия остается самой значительной и прямой угрозой безопасности государств-членов» [15]. В то время как Москва не замечена в атаках на страны — члены НАТО, но всегда признает за собой право отстаивать свою национальную безопасность, которой угрожает расширение НАТО и вовлеченность альянса в украинский конфликт.

Фактически мы являемся свидетелями абсолютной выгоды формата НАТО только одному игроку — Соединенным Штатам Америки, предоставляя им возможность осуществлять продвижение своей политики одновременно на двух континентах. Удивительно, что европейские страны — члены НАТО так долго терпят на себе давление США, причиняя урон собственным суверенитетам и утрачивая самостоятельную обороноспособность. Каких только попыток не предпринимал альянс для оправдания собственного существования в XXI веке. Но всегда главным аргументом была мнимая угроза со стороны России, которую НАТО поспешила отразить в своих официальных документах, тем самым придав законное основание существованию блока. Интересно, что доказательств придуманной агрессии со стороны России никогда не было представлено, всё абсолютно голословно, а значит, не может предметно обсуждаться.

Заключение

Таким образом, за 75 лет своего существования Организация Североатлантического договора сумела трансформироваться из ответственной за Североатлантическую безопасность, как прописано в Уставном договоре НАТО, в угрозу не только европейской, но и всей евразийской безопасности. Невозможность найти объективное обоснование своего существования в XXI веке побудила НАТО к формулированию ложной причины — придуманной агрессии со стороны Российской Федерации и, как следствие, к искажению фактов и подмене понятий. Преступные меры, которые предпринимает главный игрок альянса — Соединенные Штаты Америки, — не могут быть восприняты как единственно верные для поддержания европейской безопасности, так как развязывание конфликтов разной интенсивности, а также спонсорская поддержка террористических и неонацистских групп являются

прямым доказательством виновности альянса в кризисе европейской безопасности. Существование НАТО в современном мире неоправданно и выгодно лишь США, которые пытаются навязать свои псевдодемократические ценности и западные идеи Евразийскому континенту, так как не способны принять многополярность мирового политического устройства и желание государств самим определять курсы развития внешней и внутренней политики.

Литература

1. Будущее противоракетной обороны: точка зрения НАТО. — 15.01.2014. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_106142.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 08.05.2024).
2. В связи с присоединением России к Соглашению о правовом статусе вооруженных сил НАТО и государств — участников программы «Партнерство ради мира» на территории друг друга. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1718344/ (дата обращения: 08.05.2024).
3. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова боснийско-сербскому телеканалу «АТВ». — 05.05.2024. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1948079/ (дата обращения: 08.05.2024).
4. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова для документального фильма, посвященного 25-летию агрессии НАТО против Югославии. — 24.03.2024. — URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/view/1940549/ (дата обращения: 08.05.2024).
5. Лидеры НАТО одобрили новую стратегическую концепцию альянса // РИА «Новости». — 29.06.2022. — URL: <https://ria.ru/20220629/nato-1799011792.html> (дата обращения: 08.05.2024).
6. Об отношениях Россия — НАТО: справка. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1560612/ (дата обращения: 08.05.2024).
7. Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. — 27.05.1997. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 08.05.2024).
8. Отношения России и НАТО: новое качество: Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств — членов НАТО (Рим, 2002). — 28.05.2002. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1684994/ (дата обращения: 08.05.2024).
9. Сдерживание и оборона. — 08.09.2023. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_133127.htm (дата обращения: 08.05.2024).
10. Североатлантический договор (Вашингтон, 1949). — 04.04.1949. — URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://www.mid.ru/upload/archive/518ef5100баса933асб7а46d058d5с68.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).
11. Столтенберг верит, что война на Украине не распространится на НАТО // РИА «ТАСС». — 25.02.2022. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13868199> (дата обращения: 08.05.2024).
12. Carafano J.J. Setting the Agenda for NATO at London and Beyond // Heritage Foundation. — 11.09.2019. — URL: <https://www.heritage.org/node/15959429/print-display> (accessed: 08.05.2024).
13. Euro-Atlantic Partnership Council (Совет Евроатлантического партнерства). — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69344.htm (accessed: 08.05.2024).
14. Partnership For Peace: Framework Document (Партнерство ради мира: рамочный документ). — URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_24469.htm?selectedLocale=en (accessed: 08.05.2024).
15. Washington Summit Declaration (Декларация Вашингтонского саммита). — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed: 15.07.2024).

Симонова Эллада Юрьевна,

соискатель,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Ellada Yu. Simonova,

external PhD student,

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: ellada.romanova@yandex.ru

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА В АМЕРИКАНОЦЕНТРИЧНОМ ДИСКУРСЕ THE PHENOMENON OF TERRORISM IN US-CENTRIC DISCOURSE

Аннотация: в данной статье представлены результаты анализа антитеррористического дискурса последних четырех президентов США, начиная с Дж. Буша-мл. В рамках исследования были проанализированы ключевые публичные выступления упомянутых американских лидеров с применением открытого программного обеспечения для лингвистического анализа текстов KH Coder 3.0. Данный анализ позволил выявить основные тренды в риторике каждого из последних четырех президентов США в контексте восприятия угрозы терроризма и методов антитерроризма, а также то, как изменялось их место в политической повестке и повестке обеспечения национальной безопасности каждой из администраций на протяжении указанного периода. В частности, выявлено, что изменения в президентской антитеррористической риторике больше коррелируют с текущими внешне- или внутривнутриполитическими целями США, нежели с насущными задачами антитерроризма. Так, например, идейная основа «глобальной войны с терроризмом» многие годы была универсальным инструментом для легитимации внешнеполитических действий США, которые зачастую были вовсе не связаны с задачами противодействия терроризму.

Ключевые слова: дискурс-анализ, президентский дискурс, публичные выступления, национальная безопасность, терроризм, противодействие терроризму, США, американская антитеррористическая стратегия, американская президентская антитеррористическая риторика.

Abstract: this article presents the results of analysis of the last four U.S. presidents' discourse on counterterrorism, starting with George W. Bush. This study analyzed the above-mentioned U.S. leaders' key public speeches using the open-source linguistic text analysis software KH Coder 3.0. This analysis made it possible to identify the main trends in the rhetoric of each of the last four U.S. presidents in the context of the perception of the terrorist threat and counterterrorism methods. It also helped to identify how the latter changed rank in the US political and national security agenda over the specified period. A correlation was found between changes in presidential rhetoric on counterterrorism and the U.S. current foreign or domestic policy goals rather than pressing counterterrorism objectives. For example, for many years the ideological basis of the Global War on Terror was a universal tool for legitimizing U.S. foreign policy actions often unrelated to counterterrorism.

Key words: discourse analysis, US-centric discourse, public speeches, national security, terrorism, counterterrorism, the USA, the US counterterrorism strategy, the US presidential rhetoric on counterterrorism.

Введение

Феномен терроризма уходит корнями в глубокую древность. С течением времени террористическая деятельность постоянно трансформировалась и обрела множество форм, типов и проявлений, что сильно затруднило выработку общепринятого определения терроризма, которое отсутствует по сей день, как на уровне ООН, так и в научных кругах. Отсутствие общепринятого определения терроризма связано также с высокой политизированностью этого термина.

В рамках настоящей статьи под терроризмом понимается асимметричная тактика вооруженной борьбы, подразумевающая насилие или угрозу применения насилия в отношении гражданских лиц и других некомбатантов со стороны негосударственных акторов с целью заставить правительство или международную организацию совершить то или иное действие либо воздержаться от его совершения.

Американский антитеррористический дискурс в целом необходимо рассматривать через призму доминирующей в стране идеологии американского национализма. Главная черта здесь — уверенность в собственном превосходстве, глобальной ответственности и мессианском характере политики США как дарящей всем свободу и благоденствие.

Теракты 11 сентября 2001 года создали «благодатную почву» для усиления упомянутых идей. В одно мгновение Дж. Буш-мл. стал президентом с миссией по спасению США и всего мира от глобального зла в виде транснационального терроризма.

Идейная основа «глобальной войны с терроризмом» на долгие годы вперед стала универсальным инструментом для легитимации внешнеполитических действий США, зачастую вовсе не связанных с задачами антитерроризма.

Двойственность подходов Вашингтона к борьбе с терроризмом хорошо раскрывается посредством проведения анализа соответствующего дискурса американских президентов, начиная с Дж. Буша-мл. В целом данный анализ позволяет выявить основные релевантные тренды в риторике каждого из прези-

дентов в контексте восприятия террористической угрозы и методов противодействия ей, а также то, как изменялось их место в политической повестке и повестке обеспечения национальной безопасности каждой из администраций на протяжении указанного периода.

В рамках настоящего исследования были проанализированы 167 публичных выступлений американских президентов, начиная с Дж. Буша-мл. и заканчивая Дж. Байденом. Материал для исследования взят из публичных источников Центра Миллера по связям с общественностью при Виргинском университете США, признанного в научных кругах института изучения политики и риторики американских президентов, чьи материалы широко используются в научных работах. Подборка речей первоначально была проведена специалистами Центра Миллера на основании критериев их программности и значимости в ретроспективном анализе исторических событий президентских сроков и рекомендована для использования в исследовательских целях. Настоящий дискурс-анализ проводился с применением открытого программного обеспечения для лингвистического анализа текстов KN Coder 3.0 посредством лемматизации на базе Stanford PoS Tagger и встроенного графического преобразователя данных. Stanford PoS Tagger — широко используемый в современных приложениях вероятностный маркер частей речи, разработанный Стэнфордской группой обработки естественного языка.

Анализ антитеррористического дискурса Президента США Дж. Буша-мл.

Период нахождения у власти Президента США Дж. Буша-мл. (2001–2009 гг.) ознаменовался рядом знаковых событий в области безопасности, таких как террористические атаки 11 сентября 2001 года, в ответ на которые была объявлена «глобальная война с терроризмом», ввод войск в Афганистан, вторжение в Ирак.

В рамках настоящего исследования проанализировано 51 публичное выступление Президента США Дж. Буша-мл., среди которых стоит выделить инаугурационные речи, ежегодные обращения к нации, обращения к нации по Ираку, заявления о ходе «глобальной войны с терроризмом», о войне в Ираке, об американской национальной безопасности и др.

В ходе исследования выявлено 5837 уникальных семантически значимых лексических единиц, исключая артикли, предлоги, союзы и проч. Анализ частоты используемых слов в данных выступлениях позволяет оценить наиболее важные публичные векторы политики США в тот период (табл. 1).

Таблица 1

**Топ-40 слов публичных выступлений Президента США
Дж. Буша-мл. за 2001–2009 гг.**

№	Лексическая единица	Частота использования
1	America (Америка)	628
2	people (люди, народ)	550
3	nation (нация)	434
4	make (делать)	407
5	world (мир)	404
6	work (работать)	388
7	country (страна)	387
8	year (год)	352
9	new (новый)	346
10	Iraq (Ирак)	320
11	help (помогать)	317
12	American (американский)	310
13	know (знать)	294
14	freedom (свобода)	285
15	government (правительство)	285
16	terrorist (террорист)	285
17	life (жизнь)	284
18	time (время)	271
19	come (приходить)	261
20	security (безопасность)	252
21	need (нуждаться)	247
22	child (ребенок)	241
23	great (великий)	220
24	United (Соединенные, Объединенные)	209

Окончание таблицы 1

25	war (война)	197
26	good (хороший)	195
27	Congress (Конгресс)	194
28	man (человек)	188
29	Americans (американцы)	187
30	citizen (гражданин)	186
31	day (день)	176
32	way (путь)	172
33	thank (благодарить)	169
34	tax (налог)	167
35	States (Штаты)	163
36	say (говорить)	162
37	want (хотеть)	162
38	terror (террор)	161
39	peace (мир)	160
40	Iraqi (иракский)	158

«Ирак» занял 10-е место в списке чаще всего используемых слов в выступлениях Президента США Дж. Буша-мл., в то время как, например, слово «террор» занимает лишь 38-е место, а «террорист» — 16-е. В целом в топ-40 слов вошли шесть лексических единиц, связанных с тематикой безопасности в указанный период: «террорист», «безопасность», «война», «террор», а также «Ирак» и «иракский». Последние две лексические единицы прочно вошли в один ассоциативный ряд с угрозами безопасности США наряду с терроризмом.

В то же время главный виновник терактов 11 сентября — террористическая организация «Аль-Каида» — занимает в списке лишь 138-е место, уступая даже Афганистану (93-е место). Иными словами, американскому Президенту было важнее убедить общественность в необходимости ввести войска в Афганистан, нежели в том, что это делается якобы в рамках борьбы с «Аль-Каидой».

Кластерная сеть совпадений (рис. 1) также подчеркивает значимость блока вопросов безопасности и демонстрирует другой важный лейтмотив выступлений Президента США Дж. Буша-мл. — глобальную миссионерскую роль Соединенных Штатов вести мир

из списка лексических единиц Президента США Дж. Буша-мл. («террорист», «безопасность», «война», «террор», «Ирак», «иракский») (рис. 2) показывает отсутствие резких колебаний в частоте их использования до 2009 года (передача полномочий 44-му президенту США Б. Обаме), что говорит о выдержанном в целом на протяжении его двух президентских сроков векторе политики в отношении противостояния угрозам безопасности США, в частности терроризму. Наблюдается интенсификация использования слова «Ирак» за год до вторжения и спад — год спустя. Острая интенсификация использования темы Ирака наблюдается также в 2007–2008 годах, что объясняется ростом напряженности в регионе. Тогда же в риторику Президента США Дж. Буша-мл. прочно вошло слово «экстремизм», что, вероятно, связано с ростом внутреннего насилия в Ираке.

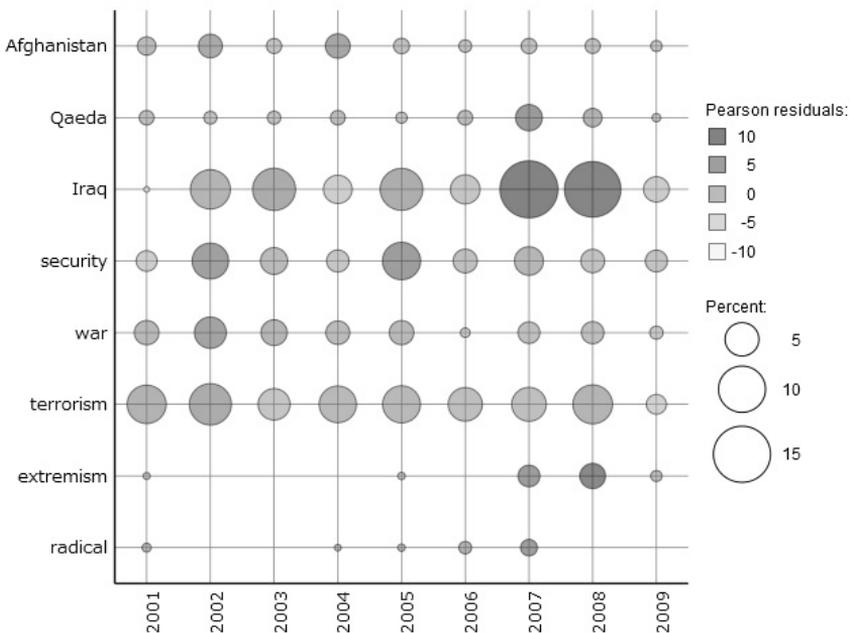

Рис. 2. Перекрестный анализ частоты использования ассоциативных маркеров высокой степени привязки к вопросам безопасности из списка лексических единиц Президента США Дж. Буша-мл.

Таким образом, должный уровень тревоги в связи с террористической угрозой активно поддерживался Президентом США

Дж. Бушем-мл. в публичной сфере на протяжении восьми лет, позволяя последовательно решать политические задачи, зачастую не связанные с антитерроризмом (в Ираке и Афганистане). Едва ли такая ситуация была возможна при ином нарративе и, следовательно, иных общественных настроениях.

Анализ антитеррористического дискурса Президента США Б. Обамы

В годы президентства Б. Обамы (2009–2017 гг.) произошел пересмотр антитеррористической стратегии и дискурса на фоне общего снижения интереса Вашингтона к масштабным зарубежным военным авантюрам вследствие контрпродуктивности с антитеррористической точки зрения американских интервенций в Афганистан и Ирак, роста «доморощенного» исламистского терроризма в США и ослабления «Аль-Каиды». Одни из первых указов нового Президента США касались запрета пыток, закрытия тюрьмы в Гуантанамо, вывода американских войск из Ирака и Афганистана, а также поимки У. бен Ладена «живым или мертвым». К слову, вывод войск из Ирака был одним из предвыборных обещаний Б. Обамы. Кроме того, обозначенные изменения выразились в выработке в июне 2011 года новой «Национальной стратегии по борьбе с терроризмом», а затем Концепции «противодействия насильственному экстремизму» (далее — ПНЭ).

44-й президент США существенно снизил в рамках своей риторики градус озабоченности темой противодействия терроризму. Публичная подача данной темы уступила место другим, не менее важным, с его точки зрения, вопросам, в частности социально-экономическим преобразованиям внутри Соединенных Штатов. В то же время темы безопасности и противодействия терроризму в период президентства Дж. Буша-мл. получили столь мощное освещение, что Президенту США Б. Обаме потребовалось время, чтобы сместить акцент политической повестки на более «мирные» темы.

В рамках настоящего исследования проанализированы 49 публичных выступлений Президента США Б. Обамы. Среди них стоит выделить инаугурационные речи, ежегодные обращения к нации, объявления о выводе американских войск из Ирака и Афганистана, о ликвидации У. бен Ладена, а также выступления, касающиеся интервенции в Ливию, угрозы со стороны

ИГИЛ и химического оружия Сирии. В ходе их анализа выявлено 7272 уникальных семантически значимых лексических единицы, исключая артикли, предлоги, союзы и проч., что существенно больше, чем у предыдущего американского лидера, и может свидетельствовать о большем словарном разнообразии, характерном для более искусного оратора.

Среди 40 чаще всего используемых слов в публичных выступлениях Президента США Б. Обамы существенно снизилась доля лексических единиц с ассоциативными маркерами высокой степени привязки к вопросам безопасности (табл. 2). Остались только слова «война» и «безопасность». Остальные маркеры эпохи предыдущего американского лидера не попали даже в первую сотню. Слово «терроризм» совокупно с корневыми морфемами («террорист», «террор», «антитерроризм», «терроризировать») и занимает только 167-е место в частотном рейтинге употребления слов.

Таблица 2

**Топ-40 слов публичных выступлений
Президента США Б. Обамы за 2009–2017 гг.**

№	Лексическая единица	Частота использования
1	people (люди, народ)	836
2	make (делать)	816
3	year (год)	641
4	work (работать)	602
5	America (Америка)	581
6	just (только)	513
7	know (знать)	509
8	job (работа)	478
9	country (страна)	447
10	time (время)	447
11	new (новый)	437
12	American (американский)	411
13	world (мир)	410
14	want (хотеть)	371

Окончание таблицы 2

15	say (говорить)	356
16	come (приходить)	350
17	need (нуждаться)	350
18	right (верно)	350
19	help (помогать)	332
20	nation (нация)	331
21	business (бизнес)	317
22	economy (экономика)	317
23	Americans (американцы)	305
24	family (семья)	296
25	let (позволять)	295
26	way (путь)	284
27	think (думать)	268
28	government (правительство)	249
29	child (ребенок)	247
30	believe (верить)	245
31	care (забота)	245
32	today (сегодня)	245
33	war (война)	242
34	thing (дело, предмет, вещь, нечто)	241
35	future (будущее)	240
36	health (здоровье)	240
37	change (перемена)	231
38	security (безопасность)	224
39	life (жизнь)	214
40	tax (налог)	208

Кластерный анализ текстов выступлений Президента США Б. Обамы говорит о более широком поле интересов (рис. 3). Отдельные узлы совпадений свидетельствуют о большем внимании американского лидера к социально-экономическим вопросам. Один «среднего» размера кластер посвящен вопросам Ирака и Афганистана и присутствия там американских войск.

са с ее упором на несилловые меры «не привел к ослаблению опоры на военно-силовые операции за рубежом как на основу антитеррористической стратегии США» [2]. При этом Президент США Б. Обама превзошел своего предшественника по количеству атак беспилотных летательных аппаратов в рамках борьбы с международным терроризмом, в результате которых погибло существенное число гражданских лиц.

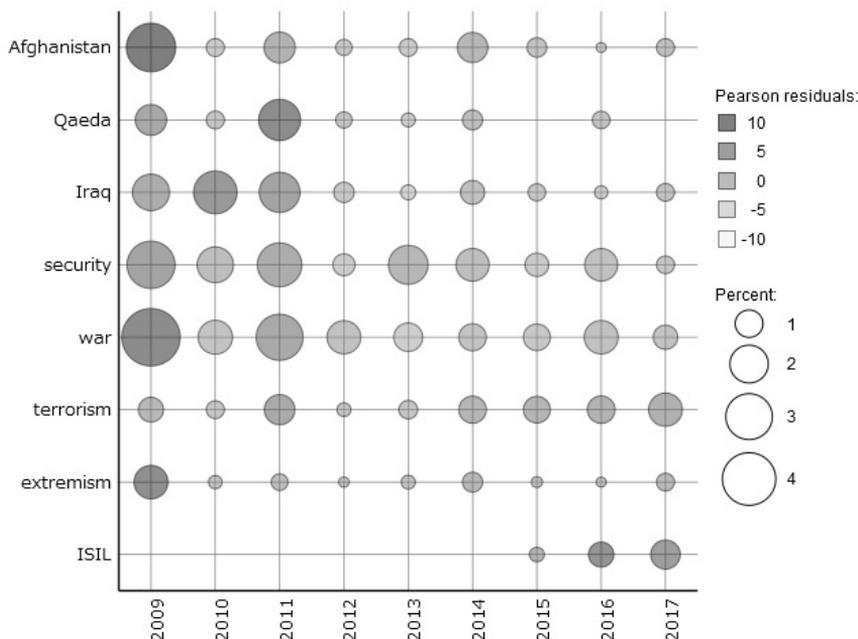

Рис. 4. Перекрестный анализ частоты использования ассоциативных маркеров высокой степени привязки к вопросам безопасности из списка лексических единиц Президента США Б. Обамы

Таким образом, смягчение антитеррористической риторики вкупе с продолжением упора на военно-силовые меры наводит на мысль о том, что в известной мере 44-му президенту США не требовалось так часто поднимать тему террористической угрозы в своих выступлениях, поскольку американская общественность уже дала мандат на практически любые действия Вашингтона под знаменем борьбы с терроризмом.

Анализ антитеррористического дискурса Президента США Д. Трампа

45-й президент США Д. Трамп (2017–2021 гг.) пришел к власти под политическим лозунгом «Make America Great Again» (буквально с англ. — «Сделаем Америку снова великой») на волне ожесточенной критики политики Б. Обамы, в частности его антитеррористической стратегии и концепции ПНЭ.

Антитеррористический дискурс был пересмотрен в сторону возврата к более жестким формам борьбы с терроризмом: высшим приоритетом было названо поражение ИГ, и был установлен запрет на въезд в США представителей ряда стран — «источников терроризма».

В рамках настоящего исследования проанализированы 43 публичных выступления Президента США Д. Трампа, среди которых стоит выделить инаугурационную речь, ежегодные обращения к нации, объявление о ликвидации А.Б. аль-Багдади, заявления по Ирану, коронавирусу и др. Отметим, что публикации американского лидера в запрещенной в России социальной сети X (ранее — Twitter) не анализировались, поскольку данная задача шире рамок настоящего исследования. В ходе анализа выявлено 6172 уникальных семантически значимых лексических единицы, исключая артикли, предлоги, союзы и проч. (табл. 3).

Таблица 3

Топ-40 слов публичных выступлений Президента США Д. Трампа за 2017–2021 гг.

№	Лексическая единица	Частота использования
1	people (люди, народ)	859
2	say (говорить)	670
3	country (страна)	576
4	want (хотеть)	574
5	know (знать)	542
6	thank (благодарить)	529
7	American (американский)	481
8	great (великий)	467
9	year (год)	431
10	America (Америка)	401

Окончание таблицы 3

11	make (делать)	396
12	just (только)	383
13	nation (нация)	366
14	work (работать)	336
15	think (думать)	335
16	come (приходить)	328
17	new (новый)	325
18	time (время)	319
19	United (Соединенные, Объединенные)	314
20	world (мир)	313
21	right (верно)	280
22	lot (много)	277
23	States (Штаты)	271
24	thing (дело, предмет, вещь, нечто)	260
25	way (путь)	239
26	job (работа)	238
27	good (хороший)	235
28	today (сегодня)	200
29	look (смотреть)	198
30	really (действительно)	195
31	happen (происходить)	194
32	life (жизнь)	189
33	day (день)	188
34	Americans (американцы)	186
35	state (положение, Штат, состояние)	181
36	need (нуждаться)	165
37	win (побеждать)	161
38	family (семья)	156
39	incredible (невероятный)	156
40	love (любовь)	155

В топ-40 слов публичных выступлений Президента США Д. Трампа вообще не попали лексические единицы, ассоциирующиеся с проблематикой безопасности. Первым подобным маркером безопасности в списке стало слово «граница» (46-е место

в общем рейтинге), ассоциирующееся в риторике Д. Трампа с необходимостью закрыть американские границы от нелегальных мигрантов. Вторым маркером стало слово «наркотики» (49-е место), соотношенное с объявленной Д. Трампом войной с наркоторговлей. Третьим стало слово «вирус» (72-е место), что связано с пандемией коронавируса COVID-19. Слово «терроризм» совокупно с корневыми морфемами («террорист», «террор», «анти-терроризм», «терроризировать») и занимает только 92-е место в частотном рейтинге употребления слов.

Кластерная сеть совпадений (рис. 5) демонстрирует нам большой узел, семантическое поле которого можно охарактеризовать как расширенную интерпретацию лозунга MAGA, нацеленного на возрождение «американского величия». Частью этого узла является и тема национальной безопасности, связанная, по мнению 45-го президента США, с противодействием нелегальной иммиграции.

Примечательно, что в риторике Президента США Д. Трампа упоминания Ирака, «Аль-Каиды», Афганистана, терроризма и экстремизма в совокупности уступают упоминанию Китая (128 раз против 150), отражая новый вектор пристального внимания Вашингтона.

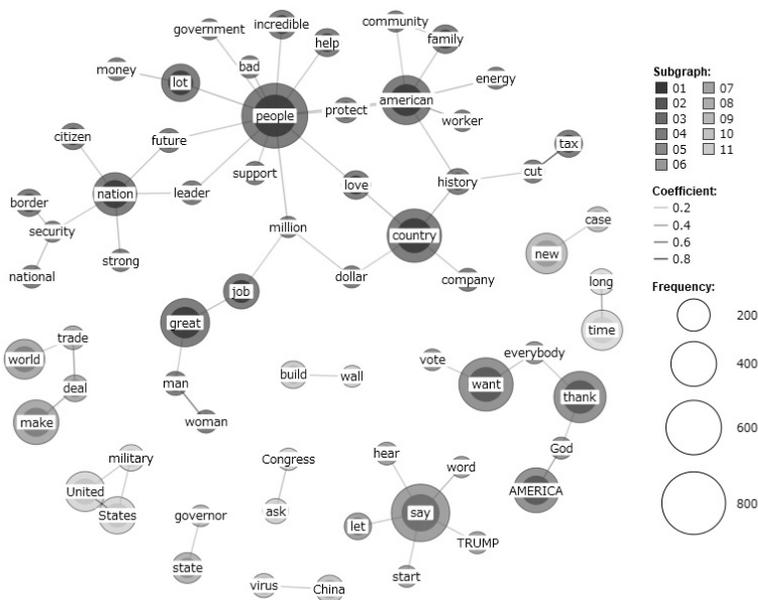

Рис. 5. Кластерная сеть совпадений в текстах выступлений Президента США Д. Трампа

Необходимо отметить также, что по результатам KWIC Concordance анализа по ключевому слову в привязке к окружающему его контексту в риторике 45-го президента США полностью отсутствует упоминание ПНЭ. На практике смена риторики не означала реального отказа от ПНЭ. В действительности вопреки ожиданиям при Администрации Д. Трампа не произошло радикального пересмотра практик, применявшихся при Администрации Б. Обамы в данной сфере.

Перекрестный анализ маркеров проблематики безопасности (рис. 6) показывает, что в риторике Президента США Д. Трампа сохранилась тема террористической угрозы, однако основное внимание было направлено на рост наркотрафика в США и на проблемы незаконной иммиграции. Введенные ограничения на въезд из ряда мусульманских стран были созвучны общим настроениям сторонников американского лидера, связанным с опасениями относительно мигрантов, однако едва ли могли быть эффективной антитеррористической мерой, что косвенно свидетельствует об антииммигрантском характере в целом антитеррористической стратегии новой Администрации.

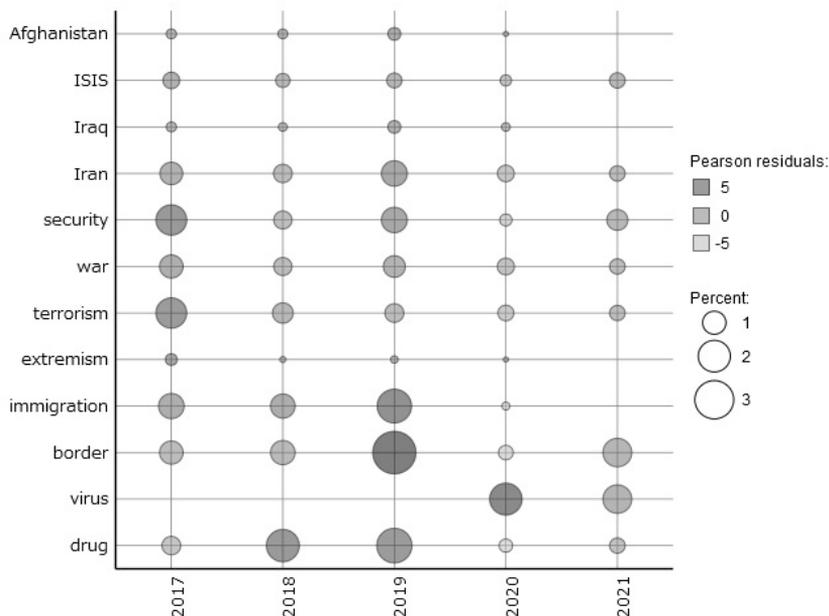

Рис. 6. Перекрестный анализ частоты использования ассоциативных маркеров высокой степени привязки к вопросам безопасности из списка лексических единиц Президента США Д. Трампа

Таким образом, ожидавшиеся решительные изменения в сфере антитерроризма в жизнь не претворились. Политика 45-го президента США в сфере противодействия насильственному экстремизму оказалась очень похожа на соответствующую политику его предшественника. Вскоре после прихода Д. Трампа к власти джихадистская угроза стала отходить на второй план в результате военного поражения ИГ, в то время как в США стал расти уровень праворадикальной террористической активности. Последнее игнорировалось Администрацией Д. Трампа как на уровне риторики, так и на уровне практики, равно как и тот факт, что джихадистская угроза в США давно стала доморощенной.

Анализ антитеррористического дискурса Президента США Дж. Байдена

Антитеррористическая риторика 46-го президента США Джоозефа Байдена (2021 г. — н. в.) во многом отражает нарастание внутривластных противоречий в Соединенных Штатах, демонстрируя смещение фокуса в сторону угрозы со стороны «внутренних террористов», к которым фактически отнесены многие из сторонников Д. Трампа. Ключевыми международными событиями в сфере безопасности за отчетный период стали вывод войск США из Афганистана, начало специальной военной операции России на Украине (далее — СВО), нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 года и последовавший ответ израильтян.

В рамках настоящего исследования проанализированы 24 публичных выступления Президента США Дж. Байдена, среди которых инаугурационная речь, ежегодные обращения к нации, заявления по Афганистану, нападению на Капитолий, СВО, Украине, Израилю и др.

В ходе анализа выявлено 4759 уникальных семантически значимых лексических единиц, исключая артикли, предлоги, союзы и проч. В топ-40 слов речей 46-го президента США (табл. 4) появляются маркеры проблематики безопасности: «война» (21-е место, 159 повторов), «Афганистан» (25-е место, 151 повтор), «Украина» (29-е место, 132 повтора), «Россия» (40-е место, 114 повторов). Стоит отметить, что слова «Афганистан», «Россия», «Украина» сами по себе нейтральны, однако в риторике Президента США Дж. Байдена до недавнего времени Афганистан, а также контекстуальная

связка маркеров «Россия — Украина» становятся на один уровень с прочими маркерами проблематики безопасности.

Примечательно, что в качестве лексической единицы слово «Россия» входит в топ-40 слов только Президента США Дж. Байдена. Можно предположить, что на первом этапе «глобальной войны с терроризмом» Вашингтон не придавал особого значения взаимодействию с Россией, несмотря на то что она полностью солидаризировалась с американским антитеррористическим курсом. Россия, в частности, оказала военную помощь Северному альянсу в Афганистане, при поддержке которого Соединенные Штаты свергли режим талибов в 2001 году.

Таблица 4

Топ-40 слов публичных выступлений Президента США Дж. Байдена с 2021 г. по настоящее время

№	Лексическая единица	Частота использования
1	people (люди, народ)	425
2	American (американский)	344
3	America (Америка)	343
4	make (делать)	336
5	year (год)	325
6	say (говорить)	270
7	world (мир)	264
8	know (знать)	258
9	country (страна)	238
10	come (приходить)	219
11	just (только)	214
12	nation (нация)	195
13	time (время)	195
14	work (работа)	192
15	Americans (американцы)	188
16	let (позволять)	180
17	United (Соединенные, Объединенные)	178
18	States (Штаты)	165

Окончание таблицы 4

19	democracy (демократия)	162
20	day (день)	159
21	war (война)	159
22	want (хотеть)	155
23	family (семья)	153
24	today (сегодня)	152
25	Afghanistan (Афганистан)	151
26	job (работа)	151
27	child (ребенок)	148
28	need (нуждаться)	134
29	Ukraine (Украина)	132
30	way (путь)	131
31	plan (план)	130
32	thank (благодарить)	126
33	pay (платить)	121
34	look (смотреть)	120
35	stand (стоять)	119
36	build (строить)	118
37	history (история)	117
38	right (верно)	116
39	home (дом)	115
40	Russia (Россия)	114

KWIC Concordance анализ по слову «война» дает примечательный результат: из 159 повторов тема СВО России на Украине фигурирует только в 38 случаях, тема Израиля и Палестины — в трех. Остальные 118 повторов относятся непосредственно к США: вывод войск из Афганистана; отсылки к войнам в истории, когда США «сражались за свободу и демократию»; рост политического насилия в Соединенных Штатах, которое характеризуется в ряде случаев как война.

Также обращает на себя внимание появление в списке чаще всего повторяющихся слов в выступлениях Президента США Дж. Байдена слова «демократия», занявшего 19-е место со 162

повторами. Ни у одного из предыдущих президентов США, чьи выступления были проанализированы в рамках настоящего исследования, «демократия» не входила в топ-40 слов. Появление «демократии» в первой половине списка может отражать попытку 46-го президента США обратиться к общей идее, которая, вероятно, поможет сплотить американцев. В то же время слова «экстремизм», «насилие», а также их производные в речах Президента США Дж. Байдена почти всегда ассоциируются с внутренним насилием, за которое, по его мнению, во многом ответственны сторонники Д. Трампа.

Примечательно, что слово «террорист» в риторике 46-го президента США находится на 332-м месте с 24 повторами. В совокупности с однокоренными единицами («терроризм», «террор», «антитерроризм», «терроризировать») результатом является 133-е место с 49 повторами. Очевидно, тема противодействия терроризму в целом не является приоритетной для нынешнего главы американского государства.

Кластерный анализ текстов публичных выступлений Президента США Дж. Байдена демонстрирует крупный узел, связанный с вопросами безопасности (рис. 7). Ключевые темы — Афганистан и СВО России на Украине. На уровне кластеров прослеживается также блок социально-экономических вопросов и связка «демократия» — «свобода», подчеркивающая их взаимозависимость в риторике президента-демократа.

Перекрестный анализ частоты использования ассоциативных маркеров безопасности показывает ключевые темы в данной сфере в риторике 46-го президента США (рис. 8): вывод американских войск из Афганистана в 2021 году, далее — связка «Россия — Украина» с началом СВО.

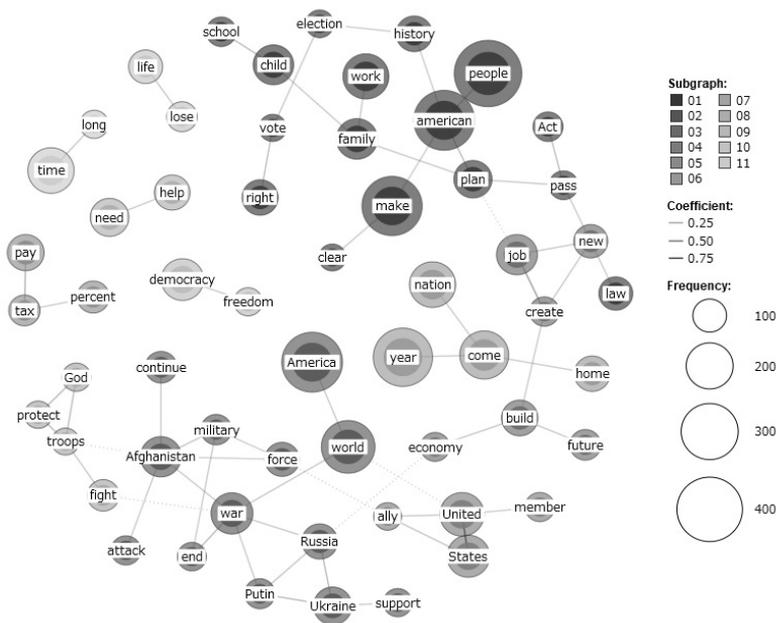

Рис. 7. Кластерная сеть совпадений в текстах выступлений Президента США Дж. Байдена

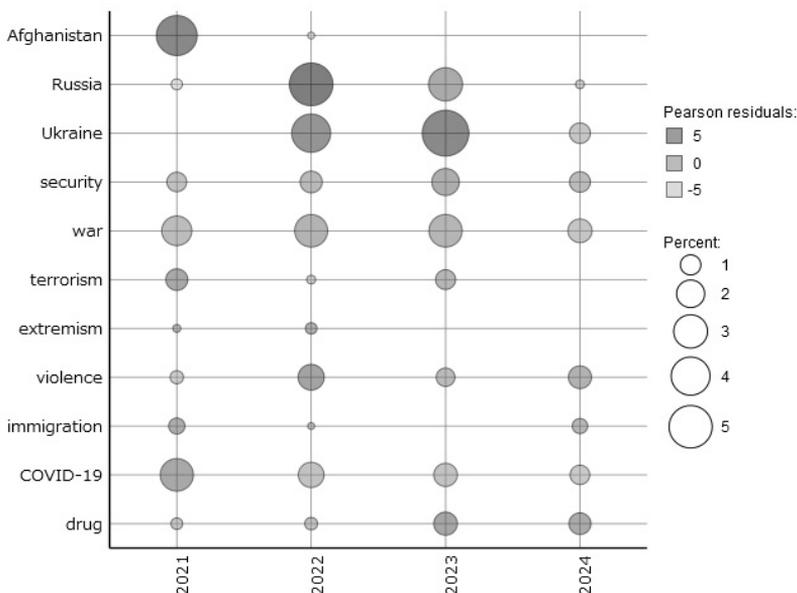

Рис. 8. Перекрестный анализ частоты использования ассоциативных маркеров высокой степени привязки к вопросам безопасности из списка лексических единиц Президента США Дж. Байдена

Вопреки декларируемому завершению «глобальной войны с терроризмом» тема джихадистской угрозы не исчезла из риторики нынешнего главы американского государства, хотя и перестала занимать ключевое положение. Нападение на Израиль 7 октября 2023 года вернуло в риторику Президента США упоминание движения ХАМАС (табл. 5). Чаще, чем ХАМАС, американский лидер упоминал только такие организации, как «Талибан» и «Аль-Каида», тогда как ИГ отошло на дальний план в сравнении с тем местом, которое оно занимало в риторике предыдущего президента США.

Таблица 5

**Частота упоминаний организаций,
признанных в США террористическими**

№	Название	Количество упоминаний	
		Д. Трамп	Дж. Байден
1	«Талибан»	4	64
2	«Аль-Каида»	2	12
3	ХАМАС	–	11
4	ИГ-Хорасан	–	7
5	ИГ	36	6

После упомянутого нападения главной международно-террористической угрозой США был назван доморощенный насильственный экстремизм в попытке оправдать безоговорочную поддержку Вашингтоном Тель-Авива. Иными словами, террористическая угроза вновь была использована для публичного оправдания внешнеполитических действий, не связанных с задачами антитерроризма.

Таким образом, риторика Президента США Дж. Байдена, с одной стороны, отражает попытку преодолеть раскол в американском обществе под объединяющим знаменем свободы и демократии. С другой — лишь усиливает его, фактически называя сторонников Д. Трампа главной террористической угрозой для США наряду с расово или этнически мотивированными насильственными экстремистами. Последнее в целом отражает свойственное американским президентам стремление очернить предшествующую администрацию, доказывая тем самым правильность собственного курса.

Таким образом, анализ политического дискурса упомянутых президентов США показывает, что в их публичных выступлениях, как правило, отражается не реальная ситуация, а то, какой они ее видят или, скорее, хотели бы представить. В этом контексте ретроспективный анализ речей президентов США позволяет оценивать, как то или иное значимое событие отразилось на риторике главы государства и какие у этого были последствия.

Говоря об антитеррористических стратегиях президентов США, важно отметить их преемственность по основным параметрам вопреки всем изменениям антитеррористического дискурса американских лидеров. Последнее больше коррелирует с текущими внешне- или внутривнутриполитическими целями США, нежели с задачами антитерроризма.

Перекрестный анализ распределения маркеров проблематики безопасности дает представление о том, как часто тот или иной маркер использовался в президентской риторике в процентном соотношении и, соответственно, насколько важным он был для формирования текущего политического нарратива (рис. 9). Выборка маркеров сделана по критерию универсальности для всего рассматриваемого периода.

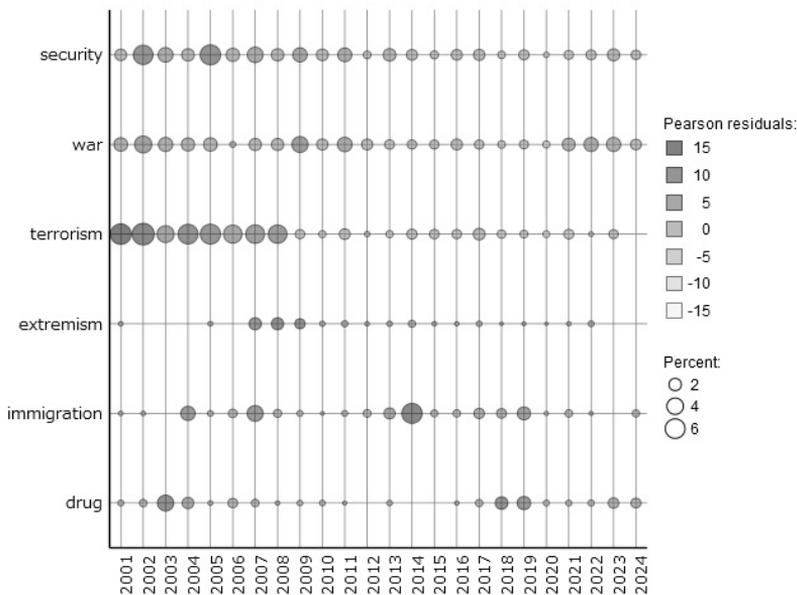

Рис. 9. Перекрестный анализ частоты использования ассоциативных маркеров высокой степени привязки к вопросам безопасности из списка лексических единиц последних четырех президентов США

Как видно из результатов анализа, в общем контексте безопасности за исследуемый период времени относительно стабильно в риторике президентов США встречаются маркеры «война» и «терроризм». Регулярное использование этих маркеров позволяет поддерживать необходимый уровень тревожности в обществе и получать одобрение на действия, маловероятные вне контекста релевантных угроз. В то же время маркеры «экстремизм», «иммиграция» и «наркотики» довольно волатильны в использовании и возникают в выступлениях президентов США, когда появляется соответствующий политический запрос.

Примечательно, что в результатах отсутствует указание на возросшее значение темы внутреннего насильственного экстремизма в США, что, возможно, свидетельствует о нежелании американского руководства развивать данную тему, опасаясь усугубления раскола в обществе и политических последствий для себя.

Заключение

Таким образом, результаты исследования продемонстрировали стабильное присутствие темы угрозы терроризма в политической повестке президентов США вне зависимости от того, насколько она велика. Прочие угрозы американской национальной безопасности, такие как внутренний насильственный экстремизм, нелегальная миграция и рост наркотрафика в США, в риторике президентов фигурируют спорадически и, предположительно, возникают по необходимости. В то же время анализ риторики Президента США Дж. Байдена демонстрирует снижение интереса американского руководства к теме терроризма на фоне роста внимания к России и Китаю. Это косвенно доказывает «изменение стратегических оценок военно-политического руководства США от приоритетности борьбы с терроризмом к межгосударственному противоборству» на фоне роста влияния ряда государств, среди которых — Россия и Китай [1].

Литература

1. *Иванов О.П., Копылов А.В.* Применение вооруженных сил США за рубежом. Правовые основы и политическая практика // *Обозреватель—Observer*. — 2021. — № 3. — С. 27–41.
2. *Степанова Е.А.* Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // *Пути к миру и безопасности*. — 2017. — № 1 (52). Спецвыпуск. Проблемы терро-

- ризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). — С. 13–54.
3. President's Remarks to the Nation. September 11, 2002. — URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/09/20020911-3.html> (accessed: 09.04.2024).
 4. Statement by the President in His Address to the Nation. September 11, 2001. — URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/09/20010911-16.html> (accessed: 09.04.2024).
 5. Three Years of Progress in the War on Terror. Fact Sheet. September 11, 2004. — URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/09/20040911.html> (accessed: 09.04.2024).

Егоров Вячеслав Николаевич,

заместитель директора Института актуальных международных проблем
Дипломатической академии МИД России, Москва.

Viacheslav N. Egorov,

Deputy Director

Institute Contemporary International Problems

Diplomatic Academy MFA Russian Federation, Moscow.

E-mail: slava.vne@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

PROSPECTS FOR GREATER EURASIA INTEGRATIONAL PROJECT

Аннотация: настоящая статья развивает основные выводы, сформулированные автором для участия в дискуссии, состоявшейся в апреле с. г. в рамках Второго конгресса исследователей международных отношений, организованного в Санкт-Петербургском университете. В статье обобщается и акцентируется работа, проводимая на официальном уровне в целях продвижения концепции Большого Евразийского партнерства, которая была выдвинута Президентом России В.В. Путиным в 2015 году. Автор раскрывает особенности и флагманский характер этого российского мегаинтеграционного проекта, охватывающего весь Евразийский континент. Особый акцент при этом сделан на задачах, которые стоят перед российской внешней политикой в перспективе дальнейшего развития проекта Большого Евразийского партнерства.

Ключевые слова: интеграция, Евразия, концепция, безопасность, партнерство, экономическое сотрудничество, соотношение сил, перспективные проблемы.

Abstract: this article follows the main conclusions presented by the author during the recently held discussion at St. Petersburg University's Second Congress of International Relations Researchers. The article summarizes the work done at the official level to promote the concept of the "Greater European Partnership", which was put forward by President V. Putin in 2015. It reveals the flagship nature of this Russian mega integration idea, covering the entire Eurasian continent. At the same time, emphasis is made on the tasks that Russian foreign policy faces in the further development of the "Greater Eurasian Partnership" project.

Key words: integration, Eurasia, concept, security, partnership, economic cooperation, balance of power, problems to solve, continental contour of cooperation.

Введение

Для становления любой более или менее крупной официальной геополитической инициативы, особенно если она сразу получает масштабное континентальное измерение, большое

значение имеет стартовый момент — избранная форма и субстантивная презентация ее целей и содержательных акцентов. От этого во многом зависит, получит ли данная идея достаточный изначальный импульс, способный придать ей уверенное продвижение в международных политических и общественных кругах, успешно используя объективные предпосылки, сложившиеся к этому моменту в ее пользу.

Что касается концепции Большого Евразийского пространства (БЕП), то ее политический старт относится к 2015 году, формализовавшись в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации [4], в котором содержалось предложение экономического партнерства основных интеграционных центров социально-экономического развития континентальной Евразии. Свое звучное наименование — в качестве БЕП — эта концепция получила несколько позднее. Принципиально важно, однако, то, что эта геополитическая инициатива сразу встретила широкий заинтересованный отклик в отечественных и зарубежных политических, бизнес- и экспертных сферах. Ее очерченные контуры явно вызвали восприятие новой концепции как евразийского мегаинтеграционного проекта, вписываемого, в свою очередь, в концептуальную архитектуру нового миропорядка, которую выстраивала российская сторона и которая основывалась на принципе многополярности.

Основной посыл проекта БЕП, сводящийся к призыву структурировать формат межгосударственного сотрудничества в масштабах всей континентальной Евразии, перекликается, как можно судить, с мировоззренческими традициями и культурой широкого слоя интеллектуалов Российской империи и Советского Союза, являвшихся основателями и адептами теории евразийства. И в этом смысле можно, в частности, проследить генезис БЕП через призму концепции евразийства, весьма популярной среди части современных российских экспертов в области философии международных отношений. И весьма логичным поэтому можно считать и то обстоятельство, что российское экспертное сообщество внесло свой весомый вклад в концептуальное выстраивание понятийных подходов к идее БЕП, уделив, в частности, внимание различным аспектам этой темы еще в период 2010–2013 годов.

Становление концепции

Стартовав в 2015 году, идея БЕП уже как предложенный новый ориентир внешней политики Российской Федерации получила к сегодняшнему дню свое продвижение на официальном уровне, включая международно-переговорный формат. Так, нацеленность России на создание БЕП была подтверждена главой государства в ходе переговоров с лидерами других стран Евразии, особенно Китая, а также во время выступлений на международных значимых форумах. В качестве примеров таких международных площадок можно отметить «Один пояс, один путь» в Пекине в 2017 и 2019 годах, Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) и Восточный экономический форум (ВЭФ) в 2016–2019 годах. В рамках ПМЭФ и ВЭФ, в которых приняли участие представители всех российских ветвей власти, регулярно проводились тематические сессии и круглые столы, затрагивающие разные аспекты архитектуры Большой Евразии и БЕП.

Наконец, общие принципы БЕП получили свое закрепление в документах стратегического планирования внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Речь идет о Стратегии национальной безопасности России 2021 года [7] и Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года [2]. Содержащаяся в них характеристика Партнерства весьма существенна при всей ее немногословности. И она не ограничивается сугубо определениями общего постановочного порядка, но предопределяет конкретную временную протяженность в реализации проекта, обозначая ее различные этапы в зависимости от их содержательного наполнения.

Документы признают, прежде всего, за концепцией Партнерства роль флагманского внешнеполитического проекта, призванного создать широкую интеграционную инфраструктуру континентальной Евразии. Так, в Концепции внешней политики России проект Большого Евразийского партнерства предусматривает, прежде всего, создание интеграционного контура, объединяющего потенциал всех евразийских государств, региональных организаций и объединений, что может быть понято как первый этап этой работы. Как последующий этап реализации Партнерства в регионе должна быть создана сеть сотрудничества, предполагающего, по смыслу этого понятия, более продвинутый уровень

межгосударственного взаимодействия на континенте, нежели просто «интеграционный контур». Понятно, что поначалу функции такого «контура» могут ограничиваться сугубо информационно-ознакомительными задачами. Наконец, финализировать реализацию проекта может третий его этап, ориентированный на формирование единого континентального экономического и политического пространства в Евразии в долгосрочной перспективе. Его цель — превращение Евразии в «общее континентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания» [2].

Подчеркнем, что, будучи включенным в Стратегию национальной безопасности и в Концепцию внешней политики Российской Федерации, проект БЕП представляет собой матрицу практической работы для всех структур государственной власти страны, поднимаемой на уровень государственной политики страны. Очевидны амбициозность и масштабность проекта. Его, конечно, можно охарактеризовать вслед за некоторыми российскими экспертами как потенциально самый масштабный интеграционный проект XXI века [3]. Его пространственные, экономические и цивилизационные параметры поистине гигантские. Это — континент площадью 53,6 млн кв. км, который включает в себя 48 стран Европы и 50 стран Азии. Если же приплюсовать к нему Северную Африку, цивилизационно неотделимую от арабского Востока, то это еще 10 млн кв. км и 7 стран. Согласно статистическим данным ООН, в Евразии проживает почти 60% населения земного шара. Он занимает ведущие позиции в мире по запасам природных ископаемых. Здесь сосредоточены динамично прогрессирующие центры мирового промышленного развития. Валовой внутренний продукт стран Евразии (т. е. включая зарубежную Европу) составил в 2022 году более 93 трлн долл.

Благодаря проекту Большого Евразийского партнерства Российская Федерация, как думается, обозначила своего рода первенство в осмыслении рациональной схемы интеграционного обустройства всей Евразии, предлагая евразийским странам перспективный проект синхронизации их экономических и политических интересов, направленных на укрепление евразийского центра мирового социально-экономического развития. Нельзя не признать и своевременность этой российской инициативы, сумевшей попасть на «гребень волны» небывалого социально-

экономического подъема различных частей континента Евразии, анонсируя тем самым не просто позитивную, но и реальную перспективу континентальной интеграции, опирающейся на непрерывный процесс наращивания экономической мощи и глобального политического влияния. Важно, однако, учитывать, что философии российского проекта БЕП весьма близка концепция китайского государственного проекта «Один пояс, один путь», который также можно отнести по своей масштабности к категории международных мегапрограмм сотрудничества и развития. Не совпадая полностью с пространственными и содержательными интеграционными параметрами БЕП и не дублируя их, китайская программа «Одного пояса, одного пути» также ориентирована во многом на континент Евразии. Именно на этот регион приходится ее своего рода «центр тяжести». Отсюда неизбежен вопрос о возможности взаимодополняемости обоих проектов, что способно стать одним из неперенных ключевых условий для их успешной обоюдной реализации.

Для интеграционной политической перспективы Партнерства особенно политически важно и то, что на нынешнем напряженном этапе междивизиационного геополитического соперничества эта перспектива создает оптимистичный противовес сумрачно-конспирологическим взглядам на обустройство пространства Евразии, порождаемым западными школами геополитики, особенно теми, которые идеологически окормляются различными вариантами концепции «Хартленда» Х. Маккиндера [8]. Они довели в мировой геополитике на протяжении многих лет, создавая агрессивную-отталкивающую картину перспектив сосуществования разрозненных частей Евразии. И хотя выдвижение идеи БЕП не преследовало в качестве специальной цели противопоставления «Хартленду» неизбежное сопоставление этих двух геополитических «конструкций» весьма симптоматично свидетельствует в пользу Партнерства как более верного и мобилизующего ориентира континентальной архитектуры.

При этом, отмечая бесспорное продвижение идеи БЕП на официальном уровне, важно понимать, достигло ли оно того этапа, когда изначальная идея начинает переоформляться в связную и комплексную государственную «программу действий», конкретизирующих на государственном уровне те общие ориентирующие положения БЕП, которые обозначены в российских стратегических

документах 2021 и 2023 годов, которую можно было бы, в частности, предложить в качестве конкретного проекта для международного обсуждения. Необходимость такого содержательного наполнения концепции БЕП совершенно очевидна. Понятно, что государство, которое одобрило БЕП как один из флагманских векторов своей работы, должно детализировать и представить более обстоятельное, нежели сжатое стратегическое целеполагание, видение содержательного состояния проекта, временных этапов и промежуточных целей его реализации, используемого для этого практического инструментария. В противном случае концепция БЕП, стартовавшая на государственном уровне уже 10 лет тому назад, неизбежно начнет «провисать», сохраняя без ответа столь очевидные и важные концептуальные «лакуны». Это задача, которая в первую очередь адресована для решения Правительству Российской Федерации, Министерству иностранных дел, другим профильным министерствам и ведомствам Российской Федерации, участвующим в организации процесса международной кооперации и формирующим государственную позицию по данному вопросу.

В позитивном ключе отмечаем в связи с этим заявленную ангажированность МИД России осуществить в межведомственном формате актуализацию концепции БЕП, которая будет дополнена, в частности, практическим инструментарием: планом действий на уровне экономических властных органов и отраслевыми прикладными проектами [1]. Пока, на текущем этапе, в том, что касается понимания содержательной стороны Большого евразийского партнерства, приходится ориентироваться на важные, но всё же на «наметки», нежели на интегральный текст, будущего международного комплексного проекта, которые содержатся в позиционных заявлениях официальных российских представителей. Некую конкретику традиционно дает и российское экспертное сообщество, которое за эти годы многое сделало для оформления видения БЕП в логически связную, но всё же гипотетическую картину.

Надо полагать, что важный импульс дальнейшему становлению БЕП в качестве конкретной национальной и международной «программы действий» придадут последние внешнеполитические инициативы российского Президента. В качестве основополагающего можно считать предложение о создании системы безопасности Евразийского региона и, в широком контексте,

о включении в архитектуру Партнерства темы безопасности как таковой, в том числе и ее военного аспекта, утверждение фактора «стратегического партнерства» в отношениях между странами Евразии. Последние визиты российского Президента в КНДР и Вьетнам (июнь с. г.) позволили этим странам присоединиться к новому «стратегическому» формату межгосударственных отношений в Евразии, предлагаемому Москвой и ранее уже поддержанному Пекином, Дели и Анкарой. Эта новая геополитическая «новелла», формируемая на пространстве Евразии, способна придать и новое наполнение стратегии БЕП. Во всяком случае, она переводит в практическую плоскость вопрос о том, каким образом проблематика безопасности может быть инкорпорирована в повестку дня «партнерства» и каким образом она будет взаимоувязываться с процессом континентальной экономической интеграции, который буквально до недавнего времени понимался как доминирующий, по меньшей мере изначально, компонент БЕП.

Как сложить интеграционный контур всей Евразии?

Концепция внешней политики России определяет систему Партнерства как некий интеграционный контур всей Большой Евразии. Понятие «интеграционный контур» имеет довольно широкие рамки, однако ясно, что как программа минимум речь должна идти о создании континентальной системы взаимосвязи между теми составными частями Большой Евразии, которые способны обеспечить интеграционный эффект в пределах всего континента, иными словами, увязать эти составные части Евразии в некую единую континентальную систему сотрудничества. Вопрос поэтому заключается в том, о каких именно частях Большой Евразии следует вести речь. Что это за составные континентальные компоненты, которые предопределяют формирование организационного каркаса интеграционного взаимодействия в рамках всего региона? Следуя Концепции внешней политики Российской Федерации, таковыми составными компонентами следует считать, скорее всего, основные центры, определяющие социально-экономическое развитие региона. Это либо отдельно взятые страны, либо уже сформированные ими основные евразийские субрегиональные интеграционные площадки.

В российской экспертной литературе, ориентирующейся на результативность внешнеполитических контактов Российской Федерации с государствами Евразии, практически сложился единообразный взгляд на то, какими именно являются эти государства и интеграционные площадки. Что касается отдельных государств, то особое значение для перспектив БЕП, согласно доминирующему в российском экспертном сообществе мнению, имеет позиция четырех ключевых центров евразийского роста — Китая, Индии, России и стран исламского мира, в частности Индонезии, Саудовской Аравии, Египта, Ирана. Перспективы БЕП в связи с этим выглядят, казалось бы, обнадеживающими — подходы России, Китая и Индии к принципиальным вопросам многополярного миропорядка совпадают или близки. Аналогичным образом видится и внешняя политика большинства исламских государств, входящих в Организацию исламского сотрудничества. Таким образом, имеются серьезные предпосылки для того, чтобы эти четыре центра развития Евразии — Российская Федерация, Китай, Индия и исламский мир — не просто активно поддерживали, но и непосредственно участвовали в интеграционных проектах Большой Евразии.

Тем не менее заинтересованное участие в проекте евразийского партнерства со стороны этих государств, имеющих большие перспективы развития в качестве самостоятельных мировых центров, не представляется как легко решаемая задача. Препятствия просматриваются в основном в виде имеющихся политических противоречий между этими странами по конкретным вопросам международной повестки. Поэтому вопрос об уровне их участия в общей платформе БЕП остается весьма актуальным. Именно этот вопрос и обуславливал российские размышления о том, не начать ли строительство интеграционного контура Евразии со сферы сугубо экономической как менее проблемной для стран-членов и более привлекательной с точки зрения получения быстрой экономической выгоды. То есть, не отвергая в принципе тему политического сотрудничества и взаимодействия в вопросах региональной и глобальной безопасности, отодвинуть его во времени на более поздний этап, когда складывающаяся экономическая архитектура БЕП наберет определенную динамику, укрепляя фундамент для формирования континентальной кооперации и в других областях. Или, опять временно, свести политическое взаимодействие

на платформе БЕП сугубо к оформлению общих принципиальных подходов, не затрагивающих конкретные внешнеполитические темы и не раздражающих ее потенциальных участников?

Эти соображения, исходящие из опасений, что проект БЕП с самого начала может натолкнуться на препятствия в виде несопадающих интересов сторон в области внешней политики и безопасности, скорее всего, могли бы оставаться преобладающими, если бы не нынешнее резкое обострение международной обстановки, возрастание угрозы широких военных конфликтов. Эти обстоятельства побуждают российскую сторону рассматривать интеграционный проект БЕП как комплексно развивающийся уже с самого начала, как включающий в себя наряду с экономическим сотрудничеством также сотрудничество в сфере вопросов безопасности. Последние заявления Президента, а также Министра иностранных дел России, посвященные темам Евразии, со всей очевидностью акцентируют мнение российской стороны о том, что вопрос региональной безопасности Евразии приобрел сейчас приоритетный характер, выйдя на первый план в отношениях между странами континента. И его нельзя игнорировать в евразийском переговорном процессе, в том числе путем откладывания на более поздний временной период.

Эти проблемные моменты российского проекта БЕП требуют, конечно, ясного ответа со стороны наших евразийских партнеров, которые оказываются перед необходимостью стратегического выбора дальнейшего пути регионального развития и сотрудничества. В том же контексте видится ими и вопрос о соотношении модели евразийского партнерства с принципом уважения и сохранения их общественно-политических систем, традиционных, но неоднородных духовно-нравственных основ стран Евразии. Партнерство, заранее провозглашая отказ от поиска общего знаменателя евразийских ценностных категорий, признает возможность сохранения политического плюрализма на единой интеграционной площадке. Достаточно ли убедительным будет звучать этот принцип для того, чтобы обеспечить широкое заинтересованное участие ключевых евразийских стран в проекте БЕП?

Переходя к определению основных субрегиональных интеграционных платформ, которые могли бы взять на себя роль своеобразного локомотива в становлении и развитии интеграционных

процессов в БЕП, можно заключить, что вокруг них сложилось устойчивое единообразное мнение. Критерием для выбора служат в основном экономические показатели ныне имеющих в Евразии интеграционных площадок, которые сводятся к следующим шести.

Это может быть, прежде всего, **Евразийский экономический союз (ЕАЭС)** постсоветских стран, в рамках которого формируется Единый рынок «емкостью» более 184 млн потребителей с совокупным ВВП более 2,06 трлн долл. Ключевой региональной интеграционной структурой для целей БЕП, особенно применительно к области внешней политики и политики безопасности, способна стать **Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)**, объединяющая на текущий момент ключевые страны Евразии. Третьей фундаментальной опорой БЕП могла бы стать **Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)**, состоящая из 10 стран-членов, которые формируют суммарный пакет ВВП (2022 г.) в 10,2 трлн долл. США. Четвертым может стать **Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)**, которое является форумом 21 экономики Азиатско-Тихоокеанского региона по региональному торговому сотрудничеству, упрощению и либерализации инвестиций. В странах-участницах проживает около 40% населения мира, на их долю приходится около 54% ВВП и 44% мировой торговли. Пятая — **Организация исламского сотрудничества (ОИС)**, состоящая из 57 государств-членов, из которых 48 являются странами с мусульманским большинством. Шестой площадкой, по счету, но не по значению, может стать китайская государственная программа **«Один пояс и один путь» (ОПОП)**, формирующая инфраструктурные инвестирования в более чем 150 стран и международных организаций.

Перспектива хотя бы первичного увязывания этих структур в единый интеграционный контур, имеющий задачи по взаимному информированию о деятельности региональных интеграционных площадок и в силу этого их определенной синхронизации, больших трудностей, как представляется, вызывать не должна. Свидетельством служит и тот факт, что связанная информативная инфраструктура между этими интеграционными площадками уже формируется, например посредством заключенных между некоторыми соглашениями о сотрудничестве. Другое дело — более глубокое интеграционное взаимодействие, направленное, в частности,

на синхронизацию и взаимную поддержку интеграционных треков каждой из структур. Очевидно, что таковое еще предстоит формировать, и предпосылки для этого продолжают накапливаться. Очень важным, в частности, является в связи с этим взаимопонимание, проявившееся в ходе последних переговоров российского и китайского лидеров в мае с. г. относительно взаимосвязи евразийского интеграционного процесса и программы «Один пояс и один путь». Она формирует важный шаг в продвижении перспективы для практического складывания БЕП [5].

Ключевым экономическим игроком на поле БЕП, точнее, основным экономическим «сборочным цехом» этого мегапроекта, стремится выступить **ЕАЭС**, что только укрепляет перспективу установления интеграционной связи между структурами, учитывая имеющиеся у ЕАЭС необходимые ресурсы для того, чтобы выступить в роли конструктора «интеграционного каркаса» БЕП, судя по заявлению министра ЕАЭС С. Глазьева на ПМЭФ-2024 в июне с. г. в Санкт-Петербурге [6]. Тем более, что заявка ЕАЭС на участие в формировании Большого Евразийского партнерства уже нормативно согласована внутри Союза и включена в Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года.

Положительное значение в связи с этим способны сыграть уже имеющиеся «перекрестные» договоренности о сотрудничестве, которые были достигнуты и формализованы в виде меморандумов о взаимопонимании и в виде различных соглашений между ЕАЭС и другими евразийскими интеграционными структурами — ОПОП, АСЕАН, ШОС. Требуется дальнейшее сопряжение деятельности этих организаций в контексте продвижения проекта Большого Евразийского партнерства. Особый акцент в своей деятельности «связника БЕП» ЕАЭС собирается уделять мультипликации на пространстве Большой Евразии многосторонних и двусторонних соглашений с отдельно взятыми странами о зонах свободной торговли (ЗСТ).

Далее перспективы успешной реализации идеи БЕП зависят не столько от выстраивания архитектуры интеграционной связи, которые на деле могут свестись сугубо к информационно-консультационным задачам, сколько от осуществления масштабных проектов евразийской экономической интеграции. Но на сегодняшний день мы имеем по большей части видение основных перспек-

тивных тематических направлений интеграции (что само по себе и неплохо), нежели предметную «дорожную карту» для многосторонней интеграционной работы, состоящую из согласованных потенциальными участниками БЕП конкретных проектов.

К числу таковых направлений, перечень которых давно «кочует» по разного рода материалам, посвященным БЕП, обычно относят: единое транспортное пространство, создание сети международных транспортных коридоров, увязывающих в единую систему разные виды транспорта; формирование региональных зон свободной торговли и развития; создание единой системы нефте- и газопроводов, сотрудничество в области энергетики; цифровизацию экономической деятельности; построения финансовой системы взаиморасчетов на основе национальных валют; создание сети евразийских туристических маршрутов, обеспечение свободы передвижения; формирование евразийской системы международных торговых и инвестиционных соглашений.

Нельзя сказать, что разработки конкретных интеграционных проектов под перспективное видение БЕП не ведется на отдельно взятых направлениях. Российская сторона, к примеру, справедливо вписывает в это видение проект транспортного коридора «Север — Юг», призванного обеспечить транспортную систему связи европейской части Российской Федерации и азиатских стран бассейна Индийского океана, с потенциальным выходом на регион Ближнего Востока и Юго-Западной Азии. В фокусе этого видения — и проекты развития меридианных транссибирских транспортных коридоров, способных обеспечить транспортное соединение между Европой и Китаем, с выходом на страны Юго-Восточной Азии. Они были, в частности, акцентированы в ходе состоявшихся в Москве в апреле с. г. переговоров президентов России и Азербайджана, договорившихся о совместном продвижении масштабных транспортных проектов.

В связи с этим, как представляется, задача ближайшего периода должна, пожалуй, сводиться к тому, чтобы сформировать своего рода пул проработанных в своей основе евразийских интеграционных проектов, предусматривающих помимо прочего временные рамки их реализации и потенциальных участников, а также обчисленных, хотя бы ориентировочно, в финансовом отношении. И второе — как можно скорее сделать эти планы предметом обсуж-

дения с потенциальными заинтересованными участниками, в том числе на предмет состыковки с их собственными региональными интеграционными планами. Финансовые институты развития, прежде всего Евразийский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Банк развития БРИКС, могли бы сыграть в этом процессе важную экономически обеспечительную роль.

Евразийское партнерство и Запад

Качественно новым элементом, влияющим на перспективы реализации идеи БЕП, является заметно осложнившаяся международная ситуация, усиление напряженности по линии отношений Россия — группа стран коллективного Запада, включая риск широкого прямого военного столкновения. Любой иницируемый или продвигаемый Россией, самостоятельно или совместно с государствами-единомышленниками, международный проект воспринимается геополитическими противниками как враждебный, направленный против их интересов и требующий активных мер по противодействию и срыву. Идея БЕП в этом плане — вполне очевидная и преференциальная мишень. Ее целенаправленность — обеспечить интеграционное сплочение России и значительной части мирового большинства — прочитываются на Западе с очевидной настороженностью и тревогой, поскольку понятно, что реализовать целеполагания БЕП — это значит во многом выиграть борьбу за настроение мирового большинства по поводу архитектуры будущего международной системы, утверждения принципа многополярности.

В связи с этим несомненно, что любые практические шаги по продвижению БЕП будут встречать ощутимое противодействие. Особо примечательными при этом являются в настоящее время и будут, без особых сомнений, дальнейшие попытки противопоставить интеграционным проектам в рамках БЕП альтернативные военно-политические или бизнес-программы, рассчитанные на то, чтобы быть воспринятыми большинством или хотя бы частью евразийских государств как более привлекательные для них. Убедительное тому свидетельство — взятый ныне администрацией США курс на расширение военно-политического присутствия в Евразии путем фактического расширения на регион зоны ответственности

НАТО и создания здесь новой системы военно-политических союзов со своим участием, примерами чего стали AUKUS и QUAD. Это данность, которую евразийским странам необходимо учитывать, особенно в случае, если начнет приобретать внятную конфигурацию система региональной безопасности для Евразии, которая была бы способна доказать, что государства континента в состоянии обеспечить поддержание континентальной геостратегической стабильности собственными силами, без вмешательства стран, расположенных вне пределов Евразии.

Весьма актуальной выглядит в связи с этим и ситуация со странами Европейского союза, относимыми к западной группе стран, противодействующих евразийским проектам с участием России. Вместе с тем ЕС является частью Евразийского пространства, в силу чего Концепция внешней политики России принципиально не исключает возможность участия Евросоюза в проекте БЕП в случае его отхода от нынешнего антироссийского вектора внешней политики. Пока же Евросоюз достаточно заметно преуспевает в развитии различных программ сотрудничества с отдельными государствами, включая Китай и Индию, и интеграционными группировками Евразии, включая АСЕАН и ОПОП, с которыми только еще предполагается выстраивать интеграционный контур Партнерства. Неудивительно поэтому, что накапливаемый ресурс сотрудничества с Евразией может позволить Еврокомиссии успешно продвигать предлагаемые ею, по многим признакам — в противовес БЕП, проекты транспортных коридоров из Европы в Азию, к тому же финансово подкрепленных, которые должны быть проложены в обход территории России и создать маршруты транспортировок, альтернативных транспортному коридору «Север — Юг».

Заключение

Вышеизложенное определенно говорит в пользу того, чтобы не медлить с завершением концептуального оформления идеи БЕП, ее содержательного наполнения и начала продвижения среди основных центров развития Евразии в качестве системной интеграционной платформы. И в этом смысле проект БЕП вновь оказывается «на перекрестке» международного развития. Его скорейшее превращение в интегральную практическую «карту движения», которую можно было бы предложить предметному

вниманию евразийского большинства, — залог заинтересованного восприятия со стороны последнего.

Литература

1. *Биричевский Д.* Идея формирования БЕП — объединить ЕАЭС, ШОС и АСЕАН / МИД России. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/briks/1910237/ (дата обращения: 23.05.2024).
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом РФ В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) / МИД России. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 23.05.2024).
3. *Кортунов А.* Восемь принципов Большого евразийского партнерства. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/?ysclid=lz5m7r29zl374924924/> (дата обращения: 28.05.2024).
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015 «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства» // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542/page/1/> (дата обращения: 23.05.2024).
5. Россия и КНР продолжают усилия по ЕАЭС, «Один пояс, один путь», заявил Путин // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20240516/putin-1946335748.html?ysclid=lx95cg317o646472480/> (дата обращения: 23.05.2024).
6. Сергей Глазьев на ПМЭФ-2024: «ЕАЭС работает над созданием интеграционного каркаса Большого Евразийского партнерства» / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/news/sergey-glazev-na-pmef-2024-eaes-rabotaet-nad-sozdaniem-integratsionnogo-karkasa-bolshogo-evraziyskog/?sphrase_id=294777/ (дата обращения: 23.05.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/> (дата обращения: 23.05.2024).
8. *Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. — Vol. XXIII. — April 1904. — No. 4. — P. 421–437. — URL: http://www.iwp.edu/docLib/20131016_MackinderTheGeographicalJournal.pdf/ (accessed: 28.05.2024).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тутаева Наталья Игоревна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Natalia I. Tutaeva,

Phd in Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: fni07@rambler.ru

К РЕШЕНИЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОБЛЕМЫ СТРАН АФРИКАНСКОГО РЕГИОНА: ВКЛАД РОССИИ

TOWARDS THE SOLUTION OF THE FOOD PROBLEM OF THE AFRICAN REGION'S COUNTRIES: RUSSIA'S CONTRIBUTION

Аннотация: обострение мировой экономической ситуации, последствия изменения климата Земли, действие явления Эль-Ниньо, пандемия COVID-19, региональные конфликты являются основными причинами, усугубляющими продовольственное положение большинства стран региона Африки.

В целях решения продовольственной проблемы развивающихся стран, прежде всего беднейших из них, в рамках системы ООН активно продвигается Инициатива ФАО «Рука об руку: Новый подход», одобренная в 2021 году на 31-й сессии Региональной конференции ФАО для Африки. Инициатива ФАО «Рука об руку: Новый подход» находится в стадии практической реализации в целом ряде африканских стран.

Россия придает важное значение оказанию содействия странам Африканского региона в наращивании производства продовольствия. Решение этой задачи призвана обеспечить реализация принятого на втором саммите Россия — Африка «Плана действий» на 2023–2026 годы.

Ключевые слова: Инициатива ФАО «Рука об руку: Новый подход»; второй саммит «Россия — Африка».

Abstract: the aggravation of the global economic situation, the effects of climate change on Earth, the El Nino phenomenon, the COVID-19 pandemic, and regional conflicts are the main causes aggravating the food situation of most countries in the African region.

In order to solve the food problem of developing countries, especially the poorest of them, the FAO Initiative “Hand in Hand: A New Approach”, approved in 2021 at the 31st session of the FAO Regional Conference for Africa, is actively promoted within the UN system. The FAO initiative “Hand in Hand: A New Approach” is being implemented in a number of African countries.

Russia attaches a great deal of attention to the assistance to the African countries to increase their food production. The realization of the “Plan of Action” for 2023–2026 adopted by the Second Summit of Russia — Africa is assigned to ensure the achievement of this goal.

Key words: FAO Initiative “Hand by Hand: A New Approach; Second Summit “Russia — Africa”.

Введение

По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), в 2023 году от голода страдали 757 млн человек — каждый 11-й человек в мире и каждый 5-й в Африке. С отсутствием продовольственной безопасности и питания в 2023 году в мире сталкивались 2,83 млрд человек, или 28% населения планеты. При этом 3,1 млрд человек не могли себе позволить рацион здорового питания [6, с. 11].

В целом по Африканскому региону в 2023 году с проблемой голода сталкивались 288,4 млн человек, проживающих в 41 стране [6, с. 13]. По оценке экспертов ФАО, к 2030 году число голодающих в мире составит около 582 млн человек. При этом половина голодающих будут проживать в Африке. Это можно расценить как провал усилий мирового сообщества полностью ликвидировать голод на Земле, как это предусмотрено в принятой на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Повестке дня ООН в области устойчивого развития до 2030 года», и конкретно заложенной в ней Цели устойчивого развития ЦУР 2 (ликвидация голода и обеспечение продовольственной безопасности).

Обострение продовольственной проблемы

В ближайшие годы можно ожидать дальнейший рост числа голодающих в Африке.

Резкое обострение ситуации с продовольствием ожидается в Чаде, Мали, Нигерии, Сьерра Леоне. Засуха, вызванная явлением Эль-Ниньо, заставила правительства Малави, Замбии и Зимбабве объявить о национальной катастрофе [16, с. 11].

Оказание гуманитарной помощи нуждающимся странам серьезно осложняется удорожанием доставки продовольствия, ростом инфляции, нарушением транспортных маршрутов. По оценке Всемирной продовольственной программы, это привело в 2023 году к росту закупочных цен на продовольствие на 39%.

В число первоочередных стран — получателей гуманитарной помощи входят: Нигерия, Кения, Нигер, Мозамбик, Йемен, Эфи-

опия, Сомали, Южный Судан, Демократическая Республика Конго и Уганда. На долю этих стран, а также на Афганистан приходится 71% общей международной гуманитарной помощи.

К главным факторам, провоцирующим дальнейшее ухудшение продовольственного положения в регионе Африки, эксперты ФАО называют: обострение мировой экономической ситуации, последствия изменения климата, действие явления Эль-Ниньо, ущерб, причиненный пандемией COVID-19, региональные конфликты.

При этом эксперты особо отмечают последствия региональных конфликтов для продовольственной безопасности в 14 африканских странах, где проживают около 181,7 млн человек [16, с. 12]. Конфликты провоцируют массовую миграцию населения, в том числе в соседние страны. Свыше 1,5 млн жителей Судана бежали в 2023 году в ЦАР, Чад и Южный Судан. 12 африканских стран с населением в 47,8 млн человек сталкиваются с тяжелыми последствиями изменения климата Земли, которые влияют, прежде всего, на сельское хозяйство и приводят к массовому уходу людей с обжитых территорий.

Борьба с голодом в субрегионах

В странах Центральной и Южной Африки острую нехватку продовольствия испытывали 49,6 млн человек. В этих странах находилось 8,9 млн вынужденно перемещенных лиц и 1,2 млн беженцев.

В странах Восточной Африки с острой нехваткой продовольствия сталкивались 64,2 млн человек. На территории этих стран находилось 20,7 млн насильственно перемещенных лиц, в том числе 15,9 млн внутренне перемещенных лиц и 4,8 млн беженцев.

В странах Западной Африки и Сахеля от нехватки продовольствия страдали 44,3 млн человек. В этих странах находилось 9,7 млн насильственно перемещенных лиц, включая 7,5 млн беженцев [16, с. 75].

Серьезной проблемой для многих африканских стран остается высокая детская смертность, связанная в первую очередь с недоеданием, болезнями, анемией. В восьми странах Восточной Африки от острого недоедания страдают свыше 3 млн детей. Недоеданию и тяжелой форме истощения подвержены 3,9 млн детей в 14 странах Западной Африки и Сахеля [16, с. 81].

Происходящие в мировой экономике процессы негативно сказались на экономическом положении 14 африканских стран с населением 159 млн человек. Они способствовали истощению валютных резервов в этих странах и дальнейшему росту их внешней задолженности [16, с. 14].

Наиболее тяжелая ситуация с детским недоеданием и смертностью складывается в тех странах, где происходят региональные конфликты (Южный Судан, Судан, Эфиопия, Нигерия, Йемен), а также в странах, которые страдают от многолетней засухи, наводнений (Чад, Демократическая Республика Конго, Джибути, Кения, Мали, Мозамбик, Нигер, Нигерия, Сомали, Южный Судан, Судан, Уганда, Йемен) [13, с. 6].

Неравенство в доступе к продуктам питания разных категорий населения, включая страны Севера Африки, добившихся в последние годы существенных сдвигов в решении продовольственной проблемы, остается серьезной проблемой для региона. Тяжелая ситуация характерна как для жителей городских и сельских районов и областей с определенным благополучием в продовольственной сфере, так и для жителей областей крайней отсталости и острой нехватки продовольствия.

Вклад ФАО в борьбу с голодом в Африке

Помощь странам Африки в решении продовольственной проблемы занимает одно из центральных мест в деятельности ФАО. Она оказывается по линии Программы технического сотрудничества в рамках отдельной программы ФАО для региона Африки. Работа строится на основе трех региональных инициатив ФАО: «Обязательство Африки покончить с голодом к 2025 году», «Интенсификация производства и развитие производственно-сбытовых цепочек», «Повышение устойчивости засушливых земель к внешним воздействиям».

Осуществляемые в рамках региональной программы проекты технической помощи ориентированы на развитие экологически жизнеспособного сельского хозяйства, искоренение нищеты в сельских регионах в целях их возрождения, использование биоразнообразия в сельском хозяйстве, его адаптацию к изменениям климата.

В докладе 21-й сессии Региональной конференции ФАО для Африки отмечается: «Работа ФАО в регионе направлена на оказа-

ние поддержки странам в обеспечении всестороннего учета ЦУР 2 в их стратегиях, мерах политики, программах и инвестиционных планах; на расширение оказываемой странам поддержки в разработке и осуществлении мер развития диалога между государственным и частным секторами и наращивании соответствующего потенциала; на уделение большего внимания межсекторальным мероприятиям, направленным на развитие устойчивых агропродовольственных систем; на обеспечение всестороннего учета гендерной проблематики, вопросов питания и изменения климата; на содействие занятости молодежи, развитию малых и средних агропродовольственных предприятий. Предпринимаются меры по обеспечению безопасности пищевых продуктов, внедрению цифровых инноваций и технологий, расширению партнерских связей с учреждениями по финансированию развития» [11, с. 2].

Финансирование пяти региональных программ, включая регион Африки, осуществляется из добровольной части Регулярного бюджета ФАО на 2023–2024 годы в размере 2 млрд 979 млн долл. США. В практическом плане финансирование проектов технической помощи африканским странам осуществляется через Целевой фонд ФАО на контрактной основе. В число доноров добровольной части бюджета входит Глобальный экологический фонд и Зеленый климатический фонд.

ФАО поддерживает Африканский союз в продвижении устойчивой механизации сельского хозяйства на всем континенте с целью повысить сельскохозяйственное производство и производительность и прокормить растущее и активно мигрирующее в города население.

По запросу Африканского союза и стран-членов ФАО совместно с Департаментом сельской экономики и сельского хозяйства Комиссии Африканского союза разработала проект «Устойчивая механизация сельского хозяйства: рамочная программа для Африки». В программу включены рекомендации по содействию более широкому внедрению технологий устойчивой механизации. Для выполнения рекомендаций этой программы Инвестиционный центр ФАО и ее Отдел растениеводства и защиты растений совместно организовали региональные семинары в Кот-д'Ивуаре и Уганде [9].

Информационное агентство «Африканская инициатива» (15 ноября 2023 г.) отмечает, что ряд стран, такие как Египет, Бенин,

Ботсвана, Чад, Малави, Зимбабве, а также Afreximbank и ARISE Integrated Industrial Platforms подписали соглашение в рамках инициативы «Экспорт сельского хозяйства для обеспечения продовольственной безопасности» (ExAFS). Согласно соглашению, подписанному на 3-й внутриафриканской торговой ярмарке в Каире, стороны договорились вложить \$2 млрд в изменение сельскохозяйственного ландшафта Африки. Это дает возможность фермерам выйти на более крупные рынки на континенте. «ExAFS решает проблему отсутствия продовольственной безопасности в Африке, где уровень голодающих граждан составляет около 20%. Инициатива позволит снизить уровень зависимости от других регионов в поставках основных продовольственных товаров, а также увеличить объемы продаж и повысить рентабельность для африканских производителей» [10].

Эпохальное значение для решения продовольственной проблемы африканских стран имели итоги 31-й и 32-й региональных конференций ФАО для стран Африканского региона.

Новый подход к решению продовольственной проблемы

На 31-й сессии Региональной конференции ФАО для Африки, состоявшейся в 2021 году в Зимбабве, была одобрена Инициатива ФАО «Рука об руку: Новый подход» (FAO Initiative: “Hand by Hand: a New Approach”)¹, участниками которой являются в настоящее время 54 страны.

В докладе говорится: «Инициатива «Рука об руку» направлена на оказание помощи беднейшим, наименее развитым странам, не имеющим выхода к морю, наименее развитым малым островным развивающимся государствам, странам, переживающим продовольственные кризисы, а также крупным странам со значительными очагами нищеты» [11].

В основе Инициативы лежит комплексный подход к формированию и реализации страновых программ развития с участием всех заинтересованных стран, частного бизнеса и международных организаций — доноров международной помощи с учетом специфических условий и проблем стран — бенефициариев программ развития.

¹ Первоначально концепция называлась “Hand-in-Hand”.

Представители Инвестиционного центра ФАО совместно с правительствами этих стран разрабатывают инвестиционные планы финансирования программ, в которых определены конкретные сферы участия всех заинтересованных сторон.

В октябре 2022 года был проведен инвестиционный форум, в ходе которого страны-члены представили заинтересованным сторонам в лице банков развития, инвестиционных фондов и представителей частного бизнеса предложения, касающиеся финансирования программ ФАО. Общая сумма потенциальных инвестиций составила, по оценке ФАО, около 3 млрд долл. США [14].

Деятельность в рамках Инициативы строится на основе следующих шести принципов [11, с. 4–5]:

- 1) приоритетом международной помощи должны являться беднейшие страны;
- 2) помощь должна оказываться с учетом агроэкономического потенциала территорий, охватываемых программой развития;
- 3) максимальное использование потенциала агропромышленных систем с учетом имеющихся у ФАО данных и экспертиз в области биоразнообразия, состояния водных ресурсов, земель, почв, лесов, а также воздействия выбросов парниковых газов;
- 4) сбор информации о действующих донорах в сфере продовольствия и сельского хозяйства;
- 5) подготовка с участием ФАО информационной базы данных для использования принимающими странами и донорами помощи;
- 6) в соответствии с приоритетами ФАО помощь должна в первую очередь направляться на борьбу с голодом.

В Инициативе в порядке приоритетности выделены пять категорий развивающихся стран — получателей содействия со стороны мирового сообщества:

- 1) наименее развитые страны (47 стран);
- 2) не имеющие выхода к морю и островные страны (32 страны);
- 3) малые островные страны (58 стран);
- 4) страны, сталкивающиеся с острым продовольственным кризисом (25 стран);
- 5) густонаселенные развивающиеся страны (25 стран) [11, с. 6–7].

От региона Африки в первую и вторую категории входят Буркина-Фасо, Бурунди, Лесото, Мали, Нигер, Центральноафриканская Республика, Эфиопия, Южный Судан, Уганда и Замбия. Эти категории охватывают страны с крайне низким уровнем социально-экономического развития или для которых отсутствие выхода к морю является серьезным препятствием для решения проблем развития. В третью категорию входят страны с ограниченным уровнем социально-экономического развития. От региона Африки в эту группу входят Гвинея-Бисау и Сан-Томе и Принсипи. В четвертую категорию от региона Африки входят Демократическая Республика Конго, Маврикий, Джибути, Мавритания, Мозамбик, Сомали, Судан и Зимбабве. В пятую категорию от региона Африки входят Ангола, Нигерия и Танзания.

В отличие от других ранее продвигавшихся программ ООН для Африки в рамках Инициативы используются наиболее современные средства, которые обеспечивают «высококачественные, доступные, своевременные и надежные данные, помогающие странам принимать обоснованные стратегические решения» [4].

Инициатива предусматривает также механизм мониторинга и анализа достигнутых результатов, а также институциональных реформ. В то же время она использует рыночно-ориентированный подход к продовольственным системам для увеличения количества, качества, разнообразия и доступности имеющихся продуктов питания на местных, региональных и национальных рынках.

Инициатива сосредоточена на недостаточно поддерживаемом во многих странах потенциале сельского хозяйства и агропродовольственных цепочек, позволяющем вывести большое количество сельского населения из бедности. С этой целью Инициатива способствует устойчивому использованию биоразнообразия, природных ресурсов и экосистем и поддерживает адаптацию к изменению климата и смягчение его последствий [15].

Важно, что Инициатива «Рука об руку» практически осуществляется в 11 странах Африки: Анголе, Буркина-Фасо, Габоне, Гвинея-Бисау, Зимбабве, Кабо-Верде, Мали, Нигере, Нигерии, Руанде и Эфиопии. Министры Буркина-Фасо, Эфиопии и Зимбабве подчеркнули, что эта Инициатива помогает им активизировать усилия по борьбе с голодом и нищетой в их странах [4].

Продвигая данную Инициативу, ФАО обеспечивает доступ африканских стран к передовым технологиям и методам ускорения преобразования агропродовольственных систем на рыночных началах.

С этой целью ФАО подписала официальные соглашения с Всемирным банком, Международной организацией труда, Международным союзом электросвязи, Всемирной торговой организацией, Всемирной организацией здравоохранения, Всемирной продовольственной программой, Международным фондом сельскохозяйственного развития и Африканским банком развития.

Обращает на себя внимание что Инициатива «Рука об руку» активно подхвачена в организациях системы ООН западными странами, заинтересованными, как представляется, в том чтобы переложить на плечи развивающихся стран главную ответственность за мобилизацию финансовых ресурсов на развитие их сельского хозяйства и решение продовольственной проблемы как за счет направления на эти цели дополнительных средств из государственного бюджета и частного бизнеса, так и за счет привлечения ресурсов международных финансовых учреждений, а также фондов и банков третьих стран.

В связи с этим вполне логично, что Инициатива «Рука об руку» наряду с концепцией формирования агропродовольственных систем рассматривается в ООН в качестве главной движущей силы и едва ли не панацеей в деле достижения целей, поставленных в «Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года» [7], и обеспечения всемирной продовольственной безопасности.

На реализацию Инициативы «Рука об руку», а также на продвижение агропродовольственных систем в бюджете ФАО на 2023–2024 годы предусмотрено выделение 284 млн долл. США [8].

Важное значение для ускорения решения продовольственной проблемы стран Африканского региона имели итоги 32-й сессии Региональной конференции ФАО для Африки (г. Малабо, 11–14 апреля 2022 г.), на которой было уделено особое внимание вопросам инвестирования в восстановление экосистем для эффективного преобразования агропродовольственных систем Африки, невосприимчивого к внешним воздействиям [12, с. 12].

Конференция рекомендовала странам-членам «координировать меры торговой и инвестиционной политики, затрагивающие

агропродовольственные рынки (налогово-бюджетные стимулы, нетарифные и тарифные барьеры и др.), и обеспечить, чтобы их инвестиционное законодательство было направлено на поддержку национальных и региональных инвестиций» [12, с. 12].

Было рекомендовано также использовать Комиссию Африканского союза для развития торговли сельскохозяйственными товарами и услугами между странами Африки, всемерно содействовать функционированию Африканской континентальной зоны свободной торговли [12, с. 12].

Как отмечается в докладе сессии: «Конференция одобрила меры по обеспечению устойчивого развития Африканского региона, включающие “четыре направления улучшений”: устойчивые агропродовольственные производственные системы; эффективные и равноправные системы обеспечения продовольствием и качеством питания; работа по тематике изменения климата; формирование устойчивости к воздействию внешних факторов и ликвидация нищеты» [12, с. 14].

Принципиально важно, что реализация решений конференции в Малабо, как отмечается в докладе, «возложена на Секретариат Региональной конференции для Африки и Комиссию Африканского союза (КАС) по сельскому хозяйству, развитию сельских районов, “голубой” экономике и устойчивому развитию» [12, с. 12].

Вклад России

Россия придает важное значение оказанию содействия странам Африканского региона в развитии их сельскохозяйственного сектора и наращивании производства продовольствия с прицелом на достижение этими странами в перспективе продовольственного самообеспечения.

Организационные рамки формирования всестороннего взаимодействия России и Африки в разных сферах экономики, включая сельское хозяйство, были сформированы решениями Первого саммита «Россия — Африка» (г. Сочи, 23–24 октября 2019 г.) и Второго саммита «Россия — Африка» (г. Санкт-Петербург, 26–30 июля 2023 г.)

Реальная картина развивающегося сотрудничества России со странами Африки, а также его перспективы были изложены в выступлении Президента Российской Федерации В.В. Путина на пленарном заседании Экономического и гуманитарного форума

«Россия — Африка» 26 июля 2023 года. Он подчеркнул: «Россия готова делиться с африканскими странами экспертизой в области сельхозпроизводства, оказывать содействие во внедрении самых передовых технологий» [2]. В выступлении была высказана убежденность, что «при применении соответствующих аграрных технологий и правильной организации сельхозпроизводства Африка в перспективе может не только накормить себя, самостоятельно обеспечить свою продовольственную безопасность, но и стать экспортёром различных видов продовольствия» [2].

В ходе саммита была отмечена заинтересованность стран Африки в импорте российского зерна, удобрений и продовольствия, в получении российских технологий очистки воды, в поставках продукции химической промышленности, каучука, древесины, целлюлозно-бумажных изделий и др.

В 2022–2023 годах Россия экспортировала аграрную продукцию в 43 африканские страны на сумму около 10 млрд долл. США. Крупнейшими покупателями стали Египет, Алжир, Ливия, Судан и Кения. Поставки осуществляются, несмотря на санкции Запада.

Выступая 26 июля 2023 года на пленарном заседании Экономического и гуманитарного форума «Россия — Африка» в Санкт-Петербурге, В.В. Путин сказал: «Мы будем готовы уже в ближайшие месяцы, в ближайшие три-четыре месяца, безвозмездно предоставить Буркина-Фасо, Зимбабве, Мали, Сомали, Центральноафриканской Республике, Эритрее по 25–50 тысяч тонн зерна, обеспечим и бесплатную доставку этой продукции потребителям» [2].

В.В. Путин в своем выступлении на Международной парламентской конференции «Россия — Африка в многополярном мире» в Москве 20 марта 2023 года заявил, что «наша страна добросовестно исполняет все свои обязательства — и по поставкам продуктов питания, удобрений, топлива и другой критически важной для государств континента продукции, внося тем самым вклад в обеспечение их продовольственной и энергетической безопасности» [1].

Как проинформировал замминистра сельского хозяйства С. Левин, принявший участие в саммите: «Россия играет важную роль в обеспечении Африки сельхозпродукцией, поставляя почти 20% от общего импорта пшеницы, 18% ячменя, 13% соевого и подсолнечного масла. Минсельхозом России направлены представители

в 8 африканских государств: Анголу, Гану, Нигерию, ЮАР, Марокко, Тунис, Алжир и Египет» [3].

Тем самым Россия обеспечивает страны Африки базовыми сельскохозяйственными продуктами, с которыми связана их продовольственная безопасность.

Всемирная продовольственная программа высоко оценила экономическую помощь России странам Африканского региона, ориентированную на решение их продовольственной проблемы.

Заключение

В условиях, когда Запад тратит сотни миллиардов долларов на гонку вооружений и военную помощь Украине, скромные ресурсы, которыми располагают развивающиеся страны, и ограниченные средства, которые предоставляются им по линии ФАО и других организаций системы ООН, а также международных финансовых институтов, не позволяют пока, как представляется, добиться реального сдвига в решении продовольственной проблемы стран Африки.

Со своей стороны, Россия в качестве члена Комитета ФАО по всемирной продовольственной безопасности активно участвует в разработке практических рекомендаций по достижению продовольственного самообеспечения странами региона Африки.

Решением Правительства РФ был внесен добровольный целевой взнос в фонд Всемирной продовольственной программы в размере 10 млн долл. США на финансирование гуманитарной помощи Буркина-Фасо, Судану, Сомали, Центральноафриканской Республике и Эритрее.

На втором саммите был одобрен «План действий» Форума партнерства «Россия — Африка» (План действий на 2023–2026 годы).

В «Плане действий» было признано, что «достигнута договоренность наращивать российско-африканское сотрудничество в целях включения проблематики глобальной продовольственной безопасности в число первоочередных вопросов многосторонней повестки дня и содействовать устранению коренных причин, связанных с продовольственной безопасностью проблем и установления связей между различными факторами, обостряющими ситуацию с продовольственной безопасностью в странах Африки, в особенности в тех, которые являются нетто-импортерами продовольствия» [5].

Литература

1. Выступление Президента РФ на Международной парламентской конференции «Россия — Африка в многополярном мире» (г. Москва, 20 марта 2023 г.). — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70745> (дата обращения: 15.07.2024).
2. Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Экономического и гуманитарного форума «Россия — Африка» (г. Санкт-Петербург, 26 июля 2023 г.). — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71814> (дата обращения: 12.07.2024).
3. 27–28 июля 2023 года в Санкт-Петербурге проходил II Саммит Россия — Африка. — URL: <https://agro-bursa.ru/gazeta/agrorynok/2023/07/31/27-28-iyulya-2023-goda-v-sankt-peterburge-prokhodil-ii-sammit-rossiya-afrika.html> (дата обращения: 26.08.2024).
4. Инициатива ФАО «Рука об руку» может способствовать ликвидации голода и нищеты в Африке. — URL: http://aw.belal.by/img/fao_news/2020_219.pdf (дата обращения: 11.06.2024).
5. «План действий» Форума партнерства Россия — Африка (28 июля 2023 г.). — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971> (дата обращения: 07.06.2024).
6. Положение в области продовольственной безопасности и питания в мире / ФАО. — Рим, 2024. — URL: <https://openknowledge.fao.org/items/7320e36b-9fab-4913-a32f-19b947ee09b2> (дата обращения: 26.07.2024).
7. Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН от 25 сентября 2015 г. 70/1 «Преобразование мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» / ООН. — Нью-Йорк, 2015. — URL: chrome-extension://efaidnbmninnbpcajpcglclefindmkaj/https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 21.07.2024).
8. Среднесрочный план на 2022–2025 годы и Программа работы и бюджет на 2022–2023 годы. — URL: <chrome-extension://efaidnbmninnbpcajpcglclefindmkaj/https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/bed6362a-8aa1-434f-8c3b-573abd8019c2/content> (дата обращения: 01.04.2024).
9. Стремление к устойчивой механизации сельского хозяйства в Африке (Африканский союз). — URL: <https://www.fao.org/support-to-investment/our-work/success-story-detail/ru/c/1398160/> (дата обращения: 22.06.2024).
10. Шесть африканских стран подписали соглашение о развитии сельского хозяйства для борьбы с голодом // ИА «Африканская инициатива». — 15.11.2023. — URL: <https://afrinz.ru/2023/11/shest-afrikanskih-stran-podpisali-soglashenie-o-razvitiiselskogo-hozyajstva-dlya-borby-s-golodom/> (дата обращения: 11.06.2024).
11. Doc. ARC/20/4. Rev. 1. — URL: <chrome-extension://efaidnbmninnbpcajpcglclefindmkaj/https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/aac071f7-0cfa-4a86-8172-78a5e36b5538/content> (accessed: 12.05.2024).
12. Doc. ARC/22/REP. Rev. 1. — URL: <chrome-extension://efaidnbmninnbpcajpcglclefindmkaj/https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/5bc52114-da9e-4372-8655-af13bb70c93c/content> (accessed: 21.08.2024).
13. Doc. ARC/24/6. — URL: <https://www.fao.org/about/meetings/regional-conferences/arc33/documents/fr/> (accessed: 12.05.2024).
14. Doc. CL 17/4. — URL: <https://www.fao.org/3/nk833en/nk833en.pdf> (accessed: 10.05.2024).
15. CL 163/6 — Information Note 1. — November 2019. — URL: <https://www.fao.org/governing-bodies/council/cl163/en> (accessed: 12.05.2024).
16. Global Report on World Food Crises 2024 / FAO. — Rome, 2024. — URL: <https://www.wfp.org/publications/global-report-food-crises-grfc-2024> (accessed: 16.07.2024).

Серегина Антонина Александровна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Antonina A. Seregina,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (University),
Moscow.

E-mail: a.seregina@dipacademy.ru

Галицкая Елена Александровна,

кандидат физико-математических наук,
Центр компетенций технологического развития ТЭК при Министерстве
энергетики Российской Федерации, Москва.

Elena A. Galitskaya,

PhD in physics and mathematics,
Competence Centre for Technological Development of the Fuel and Energy
Complex of the Ministry of Energy of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: galitskaya@rosenergo.gov.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
БАЛАНСА БРАЗИЛИИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ
НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКО-БРАЗИЛЬСКОГО
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**TRANSFORMATION OF BRAZIL'S FUEL AND ENERGY
BALANCE: PROMISING DIRECTIONS OF
RUSSIAN-BRAZILIAN ENERGY COOPERATION**

Аннотация: энергетический сектор Бразилии имеет относительно сбалансированное распределение между традиционными и альтернативными источниками энергии. Согласно текущим данным, на долю традиционных энергоресурсов приходится около 55% от общего объема производства энергии в стране, а на долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) — около 46%. Детальный анализ структуры потребления первичной энергии в Бразилии до 2020 года показывает следующее распределение: доминирует нефть — 38,4%, за ней следует гидроэнергетика — 28,3% энергопотребления, затем идут другие возобновляемые источники энергии — 16,7%, а природный газ завершает четверку основных энергоресурсов, составляя 9,6% от общего потребления. Доля остальных энергоресурсов в структуре потребления незначительна: уголь — 4,8% и атомная энергия — 1,2%. Ожидается, что производство энергии в Бразилии будет расти благодаря росту мощностей ВИЭ. Уже сегодня наблюдается рост суммарной установленной мощности объектов генерации и инвестиций в проекты, связанные с ВИЭ, благодаря Плану развития энергетического сектора до 2026 года. Сектор чистой энергетики является перспективным направлением для укрепления энергетического сотрудничества между

Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилия. При рассмотрении потенциальных областей взаимодействия и точек соприкосновения в области технологий энергетического перехода между двумя странами необходимо учитывать не только их уникальные ресурсные базы и технологические компетенции, но и общие стратегические интересы в области развития экологически чистых и устойчивых энергетических систем. Комплексный подход к оценке возможностей для сотрудничества должен учитывать как текущие энергетические профили обеих стран, так и их долгосрочные цели в области декарбонизации и энергоэффективности. Такой комплексный анализ позволит выявить наиболее перспективные сферы для реализации совместных проектов и инициатив в области чистой энергетики, что будет способствовать устойчивому развитию энергетических секторов России и Бразилии. Авторами статьи разработаны и предложены направления для взаимодействия и потенциального сотрудничества между странами в сфере альтернативной энергетики.

Ключевые слова: гибридные автономные энергокомплексы, производство низкоуглеродного водорода, сети передачи и хранения энергии, технологии CCUS.

Abstract: Brazil's energy sector has a relatively balanced distribution between conventional and alternative energy sources. Recent statistics show that in Brazil's total energy production, traditional energy sources account for about 55% of total production, while renewable energy sources account for about 46%. A comprehensive study of the primary energy consumption pattern in Brazil until 2020 reveals the following distribution: petroleum products dominate the energy balance, accounting for 38.4% of consumption. Hydropower comes second, accounting for 28.3% of the country's energy consumption. Other renewable energy sources account for 16.7%, and natural gas rounds out the top four, accounting for 9.6% of total energy consumption. The share of the other energy resources in the consumption structure is insignificant: coal at 4.8% and nuclear power at 1.2%. Brazil's energy production is expected to grow due to the growth of RES capacity. There is already an increase in the total installed capacity of generation facilities and investments in renewable energy projects, thanks to the Energy Sector Development Plan 2026. The clean energy generation sector has the potential to develop energy cooperation between Russia and Brazil. When considering potential areas of collaboration and points of convergence in energy transition technologies between the two countries, it is necessary to take into account not only their unique resource bases and technological competences, but also their common strategic interests in the development of clean and sustainable energy systems. An integrated approach to assessing opportunities for cooperation should take into account both the current energy profiles of both countries and their long-term decarbonisation and energy efficiency goals. Such an integrated analysis will identify the most promising areas for joint clean energy projects and initiatives, which will contribute to the sustainable development of the energy sectors of Russia and Brazil. The authors formulated and proposed strategies for co-operation and prospective partnership between countries in the field of renewable energy technologies.

Key words: Hybrid off-grid energy complexes, low-carbon hydrogen production, transmission and storage networks, CCUS technologies.

Введение

Бразилия — одна из крупнейших латиноамериканских индустриально-аграрных стран, 8-я экономика мира (ВВП по ППС). Топливо-энергетический баланс страны достаточно сильно диверсифицирован: на долю традиционных источников энергии в общем объеме энергопотребления приходится около 55%, на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) — порядка 46%. Вместе с тем особенностью энергетического развития

страны является отставание производства первичной энергии от спроса на нее. Бразилия остается одним из крупнейших в мире потребителей энергии: на ее долю приходится 2,0% мирового потребления и 53,3% потребления Южной Америки (преимущественно за счет промышленного и транспортного секторов) [22]. В структуре потребления первичных энергоресурсов в 2020 году наибольшая доля принадлежит нефти (38,4%), гидроэнергетике (28,3%), ВИЭ (16,7%) и природному газу (9,6%). Доля остальных энергоресурсов в структуре потребления значительно ниже: уголь — 4,8% и атомная энергия — 1,2%.

В настоящее время акценты в развитии ТЭК Бразилии сосредоточены в следующих направлениях: разработка новых нефтяных месторождений, строительство гидроэлектростанций, производство и начало экспорта этанола [14, с. 71].

Ожидается, что производство энергии в стране будет расти на уровне 5,5% в год и к 2029 году достигнет 520 млн т н. э., без учета 31 млн т н. э. неиспользованной энергии и обратной закачки. Такое производство превысит общее предложение первичной энергии на 140 млн т н. э. и обеспечит профицит энергетического баланса в размере более чем 35%.

Нефтяная отрасль Бразилии

Нефтяная промышленность Бразилии характеризуется преобладанием морской добычи, на долю которой приходится подавляющее большинство (94%) общего объема добычи нефти в стране. Географическое распределение нефтедобычи показывает значительную концентрацию в прибрежных регионах, при этом штат Рио-де-Жанейро является ключевым центром нефтяной промышленности страны, на долю которого приходится 80% национальной добычи. Вторым по величине производителем нефти является штат Сан-Паулу, на долю которого приходится 10% от общего объема добычи. Такая структура нефтяного сектора Бразилии подчеркивает стратегическую важность разработки шельфовых месторождений и технологий глубоководной добычи для сохранения и увеличения нефтяного потенциала страны.

Планируется, что инвестиции в разведку и добычу к 2029 году превысят 70% от общего объема инвестиций в развитие энергетического сектора [14, с. 61].

В 2021 году запасы нефти в Бразилии достигли 11,9 млрд барр., делая ее второй страной по величине нефтяных запасов в регионе (1-е место по запасам нефти — Венесуэла) [20].

В стране открыто порядка 27 нефтяных месторождений. Среди них выделяется перспективное месторождение Lula, которое считается самым крупным. По оценкам экспертов, его извлекаемые запасы превышают 1000 млн т нефти [28, р. 30073].

Согласно подсчетам, в 2029 году добыча нефти в Бразилии достигнет отметки 5,54 млн барр. в день, 60% от ожидаемого числа добычи нефти на месторождениях будет отправляться на экспорт. Традиционно наибольшую долю в общем экспорте нефти занимают Китай и США (рис. 1).

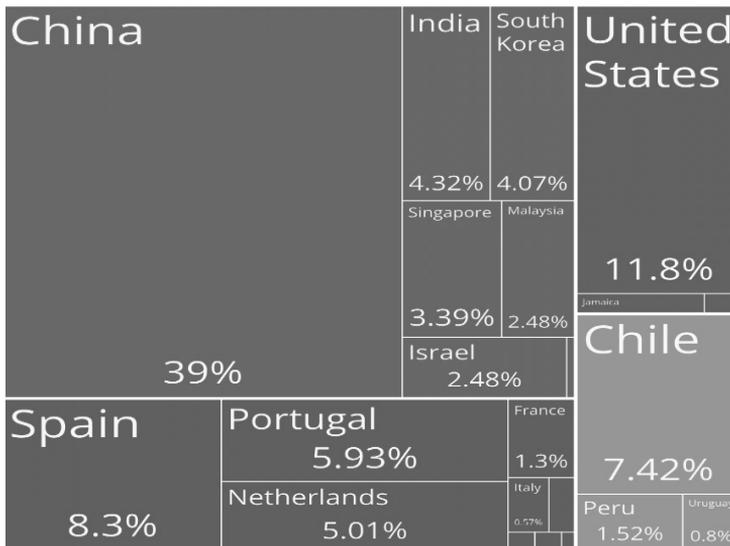

Рис. 1. Ключевые экспортные направления нефти Бразилии (%) [23]

Стратегический план развития ключевого государственного нефтегазового концерна Бразилии «Petrobras» на 2021–2025 годы предусматривает увеличение капиталовложений, 84% которых пойдет на разведку новых месторождений, а также на самую добычу нефти и газа.

В крупных проектах Petrobras участвуют также и другие международные нефтяные компании. Так, еще в 2018 году был осуществлён запуск новых объектов нефтедобычи на месторождениях Búzios и Lula, а также инфраструктурного объекта — установки

для производства, хранения и отгрузки (FPSO Cidade de Campos dos Goytacazes) на месторождении Tartaruga Verde. Затем, в феврале 2019 года, на глубоководном проекте Lula North с помощью плавучей установки начали добычу углеводородов — проект Lula функционирует в рамках концессионного соглашения VM-S-11, в которое входят следующие компании: «Petrobras» (65%), «Shell Brasil Petroleo» (25%) и «Petrogal Brasil» (10%).

Целевыми ориентирами Бразилии в нефтяной отрасли являются наращивание добычи и увеличение показателей по объемам экспорта нефти в мире, а также привлечение дополнительных инвестиций в нефтяную отрасль. До 2030 года планируется увеличить нефтедобычу до 4,3–5 млн барр. в сутки, в основном за счёт месторождений подсоловой нефти. Тем не менее успех этих планов зависит от ряда факторов: сбалансированной государственной политики в сфере энергетики; демонополизации энергетической сферы; повышения прозрачности системы налогообложения для привлечения иностранных инвестиций; реформирования трудового законодательства; улучшения подготовки и увеличения числа профессиональных кадров для целей отраслевого развития; финансирования и увеличения инвестиций сектора научно-исследовательских разработок; строительства инфраструктуры; модернизации старых нефтеперерабатывающих заводов [16, с. 362].

Газовая отрасль Бразилии

Ресурсная база природного газа в Бразилии мала — 0,2% от мировых объёмов (0,349 трлн куб. м.). Газоснабжение Бразилии осуществляется на основе комплексного подхода, включающего в себя внутреннюю добычу, трубопроводный импорт из соседних стран и поставки сжиженного природного газа (СПГ). Структура газодобычи в стране характеризуется преобладанием морской добычи, на долю которой приходится 83,5% от общего объема добычи природного газа. Основные морские месторождения расположены у побережья штатов Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и Эспириту-Санту. Континентальная добыча, составляющая 16,5% от общего объема, сосредоточена в основном в штате Амазонас.

В 2020 году уровень производства газа относительно предыдущего года снизился, однако ожидается увеличение добычи,

которая к 2029 году должна достигнуть 92 млрд куб. м (+8% ежегодно) (рис. 2) [17].

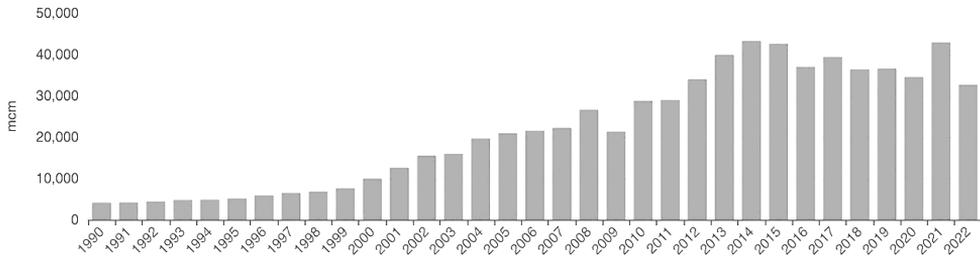

Рис. 2. Внутреннее потребление природного газа в Бразилии
(млн куб. см) [18]

Программа «Новый газовый рынок» — это комплексная стратегия модернизации и расширения газовой инфраструктуры Бразилии. Ключевым элементом этой инициативы является строительство регазификационных терминалов в регионах, не охваченных существующей сетью газопроводов. Это решение призвано повысить доступность природного газа в ранее недоступных районах. Программа также предусматривает меры по увеличению потребления природного газа в западных и южных регионах страны. Для достижения этой цели планируется активизировать импорт из Боливии, а также укрепить сотрудничество с Аргентиной в газовой сфере. Такой подход способствует диверсификации источников поставок и повышению энергетической безопасности страны. Основной целью программы является повышение доступности природного газа для конечных потребителей. Это должно быть достигнуто за счет оптимизации логистических процессов и совершенствования маркетинговых стратегий. Ожидается, что реализация этих мер позволит снизить стоимость газа для потребителей и стимулировать развитие бразильского газового рынка.

Процесс региональной газификации Бразилии сталкивается с двумя ключевыми проблемами, которые значительно замедляют его темпы и эффективность.

Первая — недостаточное развитие газотранспортной инфраструктуры. Отсутствие разветвленной сети трубопроводов ограничивает возможности доставки природного газа в разные регионы страны, особенно в отдаленные и малонаселенные районы.

Вторая и, пожалуй, более значимая проблема связана с особенностями административно-территориального устройства Бразилии и распределением полномочий между федеральным центром и штатами. Существующая система разделения полномочий создает определенные трудности для формирования единого национального газового рынка. Согласно действующему законодательству федеральное правительство отвечает за добычу и транспортировку газа, а правительства штатов контролируют газораспределительные сети на своих территориях.

Такое разделение полномочий приводит к фрагментации рынка и затрудняет координацию между разными уровнями власти. Это, в свою очередь, затрудняет реализацию масштабных проектов газификации, требующих согласованных действий на федеральном и региональном уровнях.

Угольная отрасль Бразилии

Разведанные запасы угля в Бразилии оцениваются в 6,6 млрд т. Значительную долю этих запасов составляют низкокачественные виды угля, в основном бурый и лигнит. Эти виды угля характеризуются более низкой теплотворной способностью, чем каменный уголь, что влияет на их энергетическую ценность и возможность использования в промышленности и энергетическом секторе страны.

Угольные бассейны расположены в ряде штатов Бразилии: наибольшими запасами располагает Рио-Гранде де Сул — 55% запасов; затем следует Санта-Катарина — 43%, далее — Парана (2%). Следует выделить 13 компаний, работающих в сфере производства и распределения угольных ресурсов: «Riograndense de Mineração» (CRM) и «COPELMI Mineração Ltda» — одни из наиболее значимых.

К числу крупнейших угольных электростанций относятся: комплекс Tractebel (общая мощность 7027 МВт), Jorge Lacerda (857 МВт), Presidente Médici (383 МВт), Candiota II (350 МВт).

Согласно прогнозу, представленному в Плане развития энергетики до 2029 года (ПРЭ-2029), ожидается, что к 2029 году внутренняя добыча энергетического угля в Бразилии достигнет 2,4 млн т. Для сравнения: в том же году планируемый импорт угля составит 24 млн т.

Вместе с тем, обращаясь к статистике за 2020 год, стоит отметить, что добыча угля в стране составила 6 млн т н. э., что на 20%

выше, чем в 2019 году. Между тем потребление угля в 2020 году зафиксировано на уровне 23 млн т н. э. Данная цифра отражает снижение на 8% по сравнению с предыдущим 2019 годом [25].

Электроэнергетика Бразилии

Бразильский электроэнергетический сектор представлен компаниями разного уровня. На национальном уровне крупнейшими компаниями являются «Furnas», «Chesf» и «Eletronorte», которые входят в состав государственного холдинга «Eletrobras». На уровне штатов работают такие компании, как «Cesp», «Cemig» и «Copel».

На местных рынках электроэнергии также есть свои представители. К ним относятся «AES Teiete», дочерняя компания американской корпорации AES, и «Tractebel», дочерняя компания французской компании «GDF Suez» [15].

Структура генерации электроэнергии в Бразилии характеризуется преобладанием гидроэлектростанций, на долю которых приходится около 75% всей вырабатываемой электроэнергии. В то же время значительную роль в энергетическом комплексе страны играют и другие виды электростанций. В частности, активно используются солнечные (СЭС), ветровые (ВЭС), тепловые (ТЭС) и атомные электростанции, что способствует диверсификации источников энергии в стране (рис. 3). Согласно ПРЭ-2029, доля мощностей солнечной и ветроэнергии возрастёт на 12% (в то время, как удельный вес мощностей от ископаемых видов топлива составит +3%).

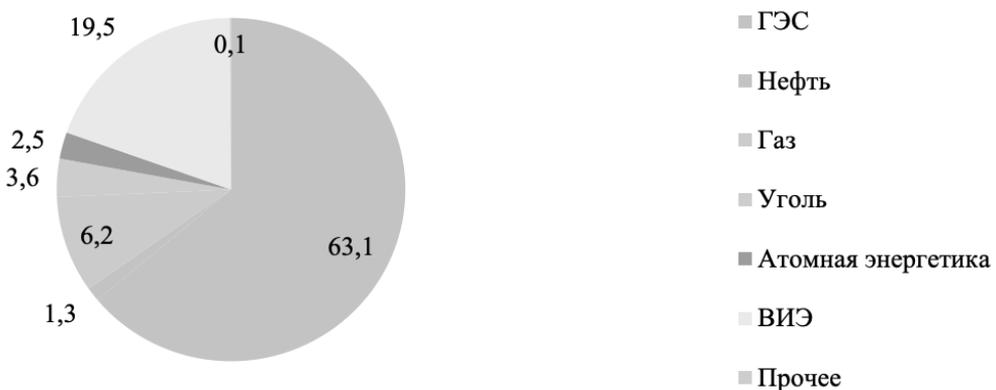

Рис. 3. Выработка электроэнергии в Бразилии по источникам, 2022 г. (%) [24]

Мощностей, вырабатываемых на ГЭС, однако, пока не хватает для покрытия растущего спроса на электроэнергию, решить эту проблему должно введение в эксплуатацию крупных ГЭС Belo Monte, Santo Antonio и Jirau. Кроме того, в 2029 году планируются инвестиции в энергетическую инфраструктуру в размере \$118 млрд — 19% от общего числа инвестиций.

Электроэнергетическая сфера обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития, что расширяет возможности для инвестирования в данный сегмент в долгосрочной перспективе. Так, на строительство электрогенерирующих мощностей до конца 2024 года запланировано привлечь 268,5 млрд бразильских реалов (\$53,8 млрд) не только частного, но и государственного капитала, из которых 60% будет потрачена на сферу ВИЭ.

Атомная энергетика Бразилии

Атомная энергетика в Бразилии контролируется рядом государственных ведомств, действующих в рамках скоординированной системы управления. Ключевую роль в этой структуре играют три министерства: Министерство науки и технологий, Министерство обороны и Министерство горнорудной промышленности и энергетики. Каждое из этих министерств вносит свой вклад в развитие и регулирование атомной отрасли страны, исходя из своей специфической компетенции и полномочий.

Особое место в этой системе занимает Национальная комиссия по ядерной энергии (CNEN), выступающая в качестве ключевого регулятора в области ядерной безопасности и защиты.

Программа развития атомной энергетики Бразилии до 2030 года включает в себя несколько ключевых направлений:

- завершение строительства и ввод в эксплуатацию третьего энергоблока АЭС «Ангра-3»;
- строительство четырех новых АЭС общей мощностью до 1300 МВт;
- развитие сети атомных электростанций малой мощности.

Чтобы стимулировать развитие атомной генерации, Бразилия активно привлекает инвестиции — важным шагом в этом направлении стало принятое в 2021 году решение, разрешающее иностранным компаниям участвовать в разработке урановых месторождений на территории страны. Однако стоит отметить, что

переработка урана и производство ядерного топлива остаются под полным контролем государства.

ВИЭ и энергоэффективность Бразилии

Национальная стратегия развития на 2020–2031 годы, описывающая принципы устойчивого развития страны, ставит целью снижение выбросов (на 37% — к 2025 г. и 50% — к 2030 г. от уровня 2005 г.) и достижение углеродной нейтральности к 2050 году. Для выполнения Стратегии разработан и в 2019 году утвержден Национальный энергетический план (до 2050 г.).

Национальные энергетические планы составляют основу планирования энергетики Бразилии. Актуализация таких планов проводится ежегодно, включает несколько периодов: краткосрочные, текущие и десятилетние планы. Все эти планы действуют одновременно, по всем планам проводится мониторинг исполнения решений.

Вместе с тем ключевые направления энергоперехода в Бразилии закрепились, прежде всего, в следующих нормативных правовых актах: Экологическая политика Бразилии (Закон № 6938 от 1981 г.); Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года; Киотский протокол к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1997 года; Закон об экологических преступлениях (Закон № 9605 от 1998 г.); Политика Бразилии в области изменения климата (Закон № 1287 от 2009 г.); Политика управления твердыми отходами в Бразилии (Закон № 12305 от 2010 г.); Парижское соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата 2015 года и др. В стране также утверждена Национальная система сокращения выбросов парниковых газов (SINARE).

В настоящее время 45% от потребления первичной энергии в Бразилии приходится на ВИЭ. Общая мощность электростанций, работающих на возобновляемых источниках энергии, равна 150,0 МВт [21].

В области производства экологически чистой энергии лидируют гидроэлектростанции (ГЭС), которые вырабатывают 396,8 тераватт-часов электроэнергии. На 2-м месте находятся ветровые электростанции (ВЭС) с показателем 57,0 тераватт-часов. Геотермальная энергетика также вносит значительный вклад, вырабатывая 55,4 тераватт-часа. Завершают список сол-

нечные электростанции (СЭС), вырабатывающие 8,0 тераватт-часов энергии (рис. 4).

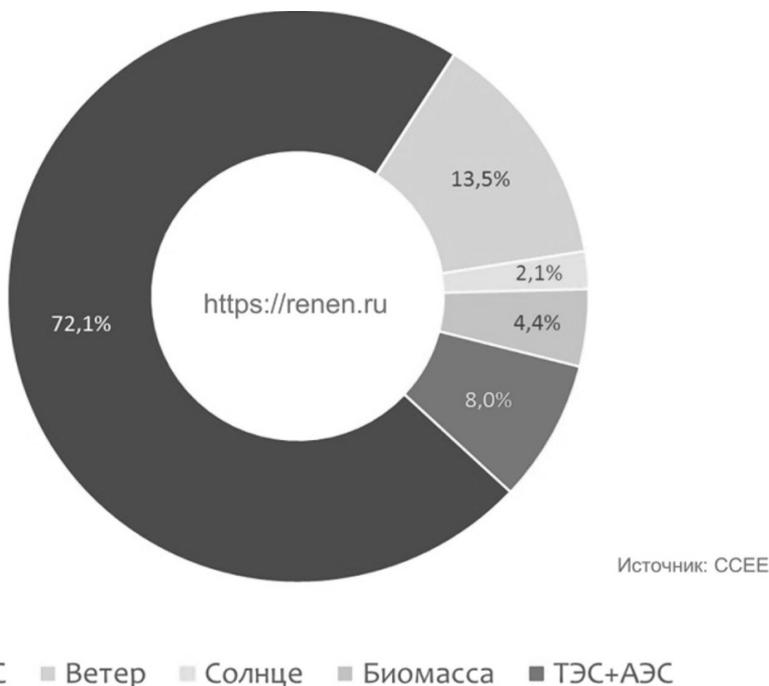

Рис. 4. Структура выработки электроэнергии в Бразилии (2022 г.) (%) [2]

Биоресурсы, такие как биоэтанол и отходы переработки сахарного тростника, стали основой возобновляемой энергетики Бразилии, кроме того, применяется и биодизель, но пока он остается менее популярным [7, с. 151]. В 2017 году в Бразилии был принят документ, направленный на реализацию национальной политики в области применения биотоплива (RenovaBio) (Закон № 13576), в соответствии с которым действия правительства страны должны быть направлены на сокращение выбросов парниковых газов, повышение энергоэффективности от производства биотоплива и развитие национальной биотопливной промышленности в целом, планируется снижение уровня углеродоемкости в электроэнергетике на 10,1% к 2028 году.

Вместе с тем можно также констатировать тренд на снижение объемов генерации за счет гидроэнергии. Вторая в мире

по мощности ГЭС расположена в Бразилии, она же занимает первую строчку по показателям выработки, принадлежит государственной компании «Itaipu Binacional» (50% — Бразилия и 50% — Парагвай) [26, с. 651].

В Бразилии наблюдается постоянный рост установленной мощности ВИЭ: к 2020 году общая установленная мощность энергетических объектов страны составила 150,0 ГВт. Структура генерации выглядит следующим образом: доминируют ГЭС — 109,3 ГВт, за ними следуют ВЭС — 17,2 ГВт, а замыкают тройку лидеров СЭС — 7,8 ГВт установленной мощности [11, с. 51] (рис. 5).

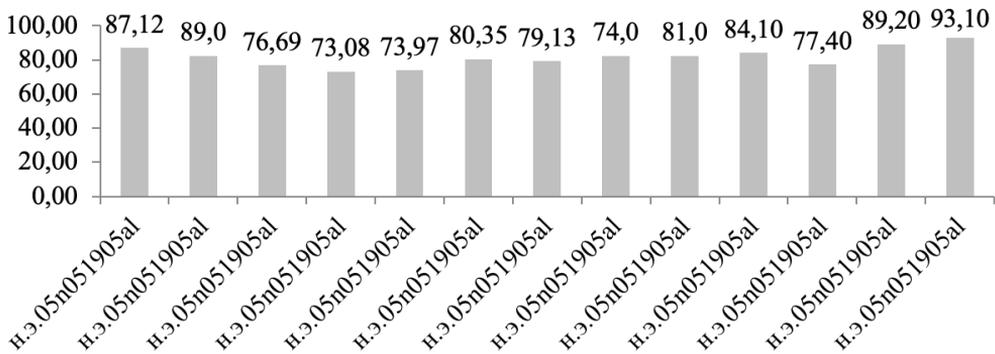

Рис. 5. Доля ВИЭ в общем объеме электрогенерации в Бразилии, 2011–2023 гг. (%) [19]

В настоящее время ветроэнергетика демонстрирует значительный рост и становится всё более важным компонентом в структуре возобновляемых источников энергии [10, с. 95]. В Бразилии действуют более 500 ветропарков, которые в большинстве своём расположены в штатах Риу-Гранди-ду-Норте и Баия.

Иностранные партнеры стремятся инвестировать в ВИЭ в Бразилии: итальянская компания «Enel», инвестируя \$1,1 млрд, приняла решение построить в Бразилии пять электростанций на основе ВИЭ, среди которых четыре ветропарка и одна СЭС. Когда объекты будут введены в эксплуатацию, их выработка электроэнергии составит более 5,5 ТВт·ч в год, что означает, что в атмосферу будет выброшено на 3 млн т углекислого газа меньше [4, с. 67].

Рост мощностей ВЭС и СЭС в Бразилии позволяет заявить о росте доли ВИЭ в общем объеме генерации (рис. 6). Благодаря Плану развития энергетического сектора до 2026 года наблюдает-

ся рост суммарной установленной мощности объектов генерации, а также рост инвестиций в проекты, связанные с ВИЭ [14, с. 21].

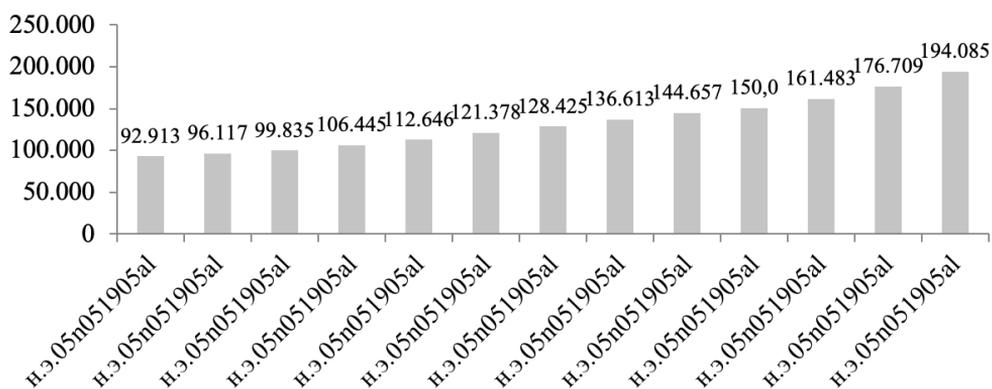

Рис. 6. **Общая мощность объектов ВИЭ в Бразилии, 2011–2023 гг.** (МВт) [29]

Несмотря на последовательные и систематичные шаги в направлении энергоперехода, в настоящее время показатели декарбонизации в стране не в полной мере соответствуют планам правительства в данной области. Для удовлетворения растущего энергетического спроса правительство Бразилии планирует поддерживать энергобаланс, в том числе за счет развития технологий и оборудования для энергоперехода.

Перспективные направления российско-бразильского энергетического сотрудничества

Россия продолжает придавать особое значение укреплению и развитию отношений с Бразилией. Внешнеполитический курс Российской Федерации направлен на углубление всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества с Федеративной Республикой Бразилия. В основе такого подхода лежат принципы прагматизма, отсутствия идеологических барьеров и взаимной выгоды. Москва стремится к дальнейшему укреплению дружественных связей, расширению взаимопонимания и развитию многопланового партнерства с Бразилией, рассматривая эти отношения в качестве одного из приоритетных направлений своей внешней политики [9].

Среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна Бразилия занимает лидирующие позиции по объему товарооборота

с Российской Федерацией. Это свидетельствует о высоком уровне экономического взаимодействия между двумя странами и подчеркивает важность Бразилии как ключевого торгового партнера России в данном географическом регионе. Динамичное развитие торгово-экономических связей отражает общую тенденцию к расширению и углублению двустороннего сотрудничества во многих областях [5, с. 417]. Сотрудничество России и Бразилии в энергетической сфере открывает исключительные возможности для укрепления позиций обеих стран и реализации их потенциала на мировом энергетическом рынке [1, с. 109].

Говоря о перспективах сотрудничества и потенциальных точках соприкосновения в области технологий энергоперехода между Россией и Бразилией, важно учитывать не только их уникальные ресурсы и технологические возможности, но также их общие интересы в развитии чистой и устойчивой энергетики [6, с. 129]. Россия и Бразилия обладают значительным потенциалом в области научных исследований и разработок в сфере энергетики. Совместные исследовательские проекты и программы могут способствовать обмену опытом и экспертизой в области новых технологий энергоперехода, что позволит обеим странам произвести значимый вклад в мировые усилия по борьбе с изменением климата, а также диверсифицировать топливно-энергетические комплексы.

Обе страны обладают значительным потенциалом для развития ВИЭ. Бразилия, например, уже является лидером в производстве биотоплива и имеет огромный потенциал для развития гидро-, ветро- и солнечной энергетики [13, с. 51]. Россия так же активно развивает свою солнечную и ветровую энергетику, особенно в отдаленных и малонаселенных регионах. Совместные проекты в области ВИЭ могут способствовать обмену технологиями и опытом, а также снижению затрат на производство и эксплуатацию возобновляемых источников энергии [27, с. 204].

По итогам проведения на системной основе консультаций сотрудников Центра компетенций технологического развития ТЭК при Минэнерго России с представителями компаний ТЭК Бразилии по вопросам технологического развития в ТЭК, а также по результатам участия в заседаниях Комитета старших должностных лиц БРИКС по энергетике следует выделить ряд технологических ниш, требующих внимания двух сторон.

С технологической точки зрения в качестве перспективных направлений для совместных инновационных исследований в области солнечной энергетики можно отметить:

- работы по созданию стабильных перовскитов с использованием перспективных органических и неорганических соединений, таких как формаидиний, цезий и др., направленных на повышение долговечности перовскитов и солнечных панелей;
- совместные исследования новых полимерных материалов, таких как поли(3-гексилтиофен), фуллерены и др., для создания тонких и гибких солнечных панелей, работы в области квантовых точек для повышения эффективности солнечных элементов;
- совместные исследования, направленные на создание сенсорных слоев на основе органических материалов, таких как плавные перовскиты и органические транзисторы, для улучшения контроля и мониторинга работы солнечных установок;
- изучение инновационных систем, таких как графеновые аккумуляторы, способных обеспечивать эффективное хранение и распределение энергии.

В области ветроэнергетики следует проводить совместные исследования, направленные на повышение качества и снижение стоимости технологий и материалов, используемых в ветрогенераторах:

- совместная разработка передовых алгоритмов прогнозирования ветра и систем искусственного интеллекта для оптимизации работы ветроэнергетических установок;
- создание технологий «смарт-роторов», реагирующих на изменения ветровых условий, изменяя угол наклона лопастей и скорость вращения для оптимизации эффективности генерации электроэнергии;
- разработка ветровых турбин с вертикальной осью вращения, менее подверженных вариациям в направлении ветра по сравнению с горизонтальной, имеющих перспективы использования в густонаселенной местности;
- синтез материалов с памятью формы и материалов с улучшенными аэродинамическими свойствами.

У России и Бразилии есть значительные возможности для расширения взаимовыгодного партнерства в области передовых экологических технологий. Особенно перспективным направлением является сотрудничество в области разработки и практического применения методов улавливания и долгосрочного хранения диоксида углерода (CCUS), что может включать в себя разработку методов захвата углекислого газа на месте его образования в энергетических и промышленных процессах, его транспортировку и хранение в подземных образованиях.

Совместные проекты могут помочь обеим странам снизить их углеродный след и повысить экологическую устойчивость своих энергетических систем:

- совместная разработка новых сорбентов для улавливания углерода, включая металлоорганические каркасы, представляющие собой кристаллические структуры, содержащие металлические узлы и органические лиганды;
- создание новых составов с высокой плотностью для эффективной транспортировки улавливаемого CO_2 через трубопроводы;
- совместные исследования геологических формаций, включая доломиты и песчаники, для оптимального подземного хранения CO_2 , а также разработка полимерных композитов и цементных формул для обеспечения надежной герметизации и предотвращения утечек;
- совместная работа в области использования диоксида углерода, например изучение процессов электролиза и электрохимического преобразования CO_2 в высокоценные химические продукты, включая синтетические топлива.

Россия и Бразилия имеют значительный потенциал для развития водородной энергетики. Водородный сектор демонстрирует существенные темпы роста и развития. Российская Федерация располагает обширной ресурсной базой для производства водорода, в частности методом электролиза природного газа. В то же время Федеративная Республика Бразилия обладает огромным потенциалом для производства водорода из возобновляемых источников энергии, в основном ветра и солнца.

Объединение усилий двух стран в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по водородной

энергетике может стать основой для создания совместных производственных комплексов и развития инновационных технологий.

В связи с этим приоритетные направления совместной деятельности могут включать в себя:

- совместную разработку электролизеров, способных быстро адаптироваться к изменениям в электрической сети, что позволит оптимально использовать энергию из возобновляемых источников;
- синтез материалов для хранения водорода, таких как металлоорганические каркасы, гидридообразующие сплавы, углеродные нанотрубки и графеновые структуры для улучшенного физического поглощения водорода;
- совместную разработку высокоэффективных топливных элементов, включая работы по созданию новых мембран для улучшения механической прочности и снижения кроссовера топлива;
- работу по оптимизации катализаторов для топливных элементов, включая применение легированных сплавов на основе платины и переходных металлов для повышения каталитической активности и устойчивости к отравлению и исследование наноструктурированных катализаторов для увеличения площади поверхности платины;
- совместную разработку материалов для обеспечения безопасности хранения, таких как тепловые оболочки с интегрированными датчиками, обеспечивающих безопасность хранения водорода при высоких давлениях и температурах.

Кроме того, всё большую популярность во всем мире набирает идея существования геологического (природного) водорода. Совместные исследования могут быть направлены на разработку фундаментальных основ поиска и добычи геологического водорода, а также на проведение геотермальных исследований, бурение и добычу насыщенных водородом горных пород.

В целом сотрудничество между Россией и Бразилией в области технологий энергоперехода представляет огромные возможности для обеих стран. Совместные усилия в этой области могут привести к развитию инновационных решений, увеличению энергетической эффективности и снижению негативного воздействия на окружающую среду.

Заключение

Приоритеты технологической политики в сфере развития возобновляемой энергетики в Российской Федерации и Федеративной Республике Бразилия определяются задачами создания и развития инновационных наукоемких технологий и оборудования в энергетической сфере и обеспечения локализации производства основного и вспомогательного генерирующего оборудования для производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии.

В солнечной генерации необходимо дальнейшее развитие производства фотоэлектрических модулей, включая фотоэлектрические модули на основе гетероструктурных технологий, создание производства кремниевых пластин и фотоэлектрических преобразователей, а также сопутствующих производств.

В ветрогенерации требуется производство оборудования ветроэнергетических установок с формированием технологических цепочек производства основных компонентов ветроэнергетической установки, а также с дальнейшим углублением локализации, в том числе посредством вовлечения российских и бразильских сквозных и критических технологий.

Для развития энергоснабжения удаленных и изолированных территорий необходимо создание линеек оборудования гибридных автономных энергокомплексов, включая системы управления, а также оборудования ветроэнергетических установок субмегаваттного класса.

Предстоит решить задачи эффективного производства низкоуглеродного водорода, хранения и транспортировки водорода в жидком, компримированном и связанном состоянии, в том числе в виде металлгидридных систем и жидких органических носителей. В части применения водорода разработки требуют технологии топливных элементов, как для водородной генерации, так и для транспортных применений.

Россия и Бразилия также имеют перспективы сотрудничества в области развития энергетической инфраструктуры, включая сети передачи и хранения энергии. Обмен опытом и технологиями в этой области может способствовать более эффективному использованию энергии и повышению надежности энергетических систем обеих стран.

Российская Федерация и Федеративная Республика Бразилия обладают исключительным сочетанием природных ресурсов и передовых технологических компетенций, которые при правильном использовании могут создать синергетический эффект. Взаимодополняющий характер ресурсной базы и научно-технического потенциала этих двух стран открывает широкие перспективы для плодотворного сотрудничества. Такое партнерство может стать мощным катализатором экономического развития, стимулируя появление инновационных решений и технологий в разных отраслях [4, с. 9].

Предложения по углублению партнерства между странами в области инновационных энергетических решений охватывают:

- 1) установление кооперационных связей между научными и исследовательскими институтами обеих стран для проведения совместных исследований и разработок в области новых технологий энергоперехода;
- 2) поддержку совместных инвестиционных проектов в области производства и использования чистой энергии, включая ВИЭ, водородную энергетику и технологии CCUS;
- 3) обмен опытом и передачу технологических знаний между компаниями и организациями обеих стран для ускорения внедрения новых технологий;
- 4) развитие правовой и регуляторной базы для поддержки чистых энергетических технологий и создание стимулов для инвестирования в отрасль;
- 5) продолжение диалога и взаимодействия на международном уровне в рамках международных энергетических организаций и инициатив, направленных на содействие устойчивому развитию и борьбу с изменением климата.

Сотрудничество между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилия в области технологий энергетического перехода имеет значительный потенциал для трансформации в полноценное стратегическое партнерство. Такое сотрудничество направлено на достижение двойного эффекта: повышение экологической устойчивости и стимулирование экономического роста в обеих странах. Объединение усилий России и Бразилии в этой сфере открывает перспективы для занятия лидирующих позиций на мировом рынке технологий и оборудования для чистой

энергетики. Это не только укрепит экономические позиции обеих стран, но и позволит им стать ключевыми игроками в глобальной энергетической трансформации.

Кроме того, такое партнерство может внести значительный вклад в решение мировых энергетических и экологических проблем. Совместные разработки и инновации в области чистой энергетики могут оказать существенное влияние на глобальные усилия по смягчению последствий изменения климата и обеспечению устойчивого развития мировой энергетической системы.

Литература

1. *Барышев И.С.* Россия и Бразилия — новые формы сотрудничества // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. — 2012. — № 19 (99). — С. 104–111.
2. В Бразилии 92% электроэнергии выработано на основе ВИЭ в 2022 году — 2023. — URL: <https://rener.ru/v-brazilii-92-elektroenergii-vyrabotano-na-osnove-vie-v-2022-godu/> (дата обращения: 04.02.2024).
3. *Головин А.А., Яцейко И.В.* Инвестиции в возобновляемую энергетику мира // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты. — Курск: Изд-во Юго-Западн. гос. ун-та, 2020. — С. 66–69.
4. *Горкина Т.И.* Энергетическая программа Бразилии как часть общей стратегии БРИКС // Экономические отношения. — Т. 8. — 2018. — № 3. — С. 407–418.
5. *Жданев О.В., Серегина А.А.* Векторы технологической кооперации БРИКС в топливно-энергетическом комплексе (часть 2) // Международный технико-экономический журнал. — 2021. — № 2. — С. 7–22.
6. *Жуков С.В.* Мировая экономика и энергетика: драйверы перемен // Глобальные энергетические и экономические тренды: матер. Седьмой междунар. конф. (13 декабря 2019 г.) / Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина; [отв. ред. С.В. Жуков]. — М.: Нац. исследовательский ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е.М. Примакова РАН, 2020. — 164 с.
7. *Игнатова А.Д.* Сотрудничество России и Бразилии в области мирного использования атомной энергетики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 6–1 (81). — С. 186–190.
8. *Клавдиенко В.П.* Возобновляемая энергетика: мировые тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия: Экономика. — 2020. — № 2. — С. 147–160.
9. Концепция внешней политики Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229]. — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 04.03.2024).
10. *Кошкин С.П.* Оценка потенциала развития ветровой энергетики на региональном уровне (на примере штата Риу-Гранди-Ду-Норти, Бразилия) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2019. — № 3. — С. 93–98.
11. *Крамской М.В.* Анализ стимулирования развития энергетики на основе солнечной и ветровой генерации крупнейшими странами Латинской Америки // Инновации и инвестиции. — 2022. — № 2. — С. 48–55.
12. *Мастепанов А., Сумин А.* Энергетическая политика Бразилии // Энергетическая политика. — 2021. — № 3 (157). — С. 58–79.
13. *Медведева Н.Д.* Перспективы развития производства биотоплива // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. — 2019. — № 3. — С. 45–53.
14. *Подобова З.С., Крышнёва Д.А.* «Зеленая энергетика» в странах БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. — Т. 62. — 2018. — № 2. — С. 17–27.

15. Портал внешнеэкономической информации. 2021. — URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/economics_review/ (дата обращения: 09.02.2024).
16. Хейфец В.Л., Правдюк Д.А. Влияние энергетического фактора на систему международных отношений в Латинской Америке в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — Т. 19. — 2019. — № 3. — С. 354–367.
17. Brazil energy information. 2021. — URL: <https://www.enerdata.net/estore/energy-market/brazil/> (accessed: 04.02.2024).
18. Brazil energy information. 2022. — URL: <https://www.enerdata.net/estore/energy-market/brazil/> (accessed: 07.02.2024).
19. Brazil energy report. 2024. URL: <https://www.enerdata.net/estore/country-profiles/brazil.html> (accessed: 15.02.2024).
20. Brazil's proven oil reserves up 11% in 2021. — 2022. — URL: <https://agenciabrasil.ebc.com.br/en/economia/noticia/2022-04/brazils-proven-oil-reserves-11-2021> (accessed: 04.02.2024).
21. Brazil Sources 45% of its Energy from Renewables. — 2021. — URL: <https://www.climatecorecard.org/2021/01/brazil-sources-45-of-its-energy-from-renewables/> (accessed: 19.02.2024).
22. Country analysis Executive Summary: Brazil. — 2023. — URL: <https://www.eia.gov/international/analysis/country/BRA> (accessed: 04.02.2024).
23. Crude Petroleum in Brazil. — 2022. — URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/crude-petroleum/reporter/bra> (accessed: 04.05.2024).
24. Energy system of Brazil. 2022. — URL: <https://www.iea.org/countries/brazil> (accessed: 04.02.2024).
25. Executive summary PDE 2029. — 2019. — URL: <https://www.epe.gov.br/sites-en/publicacoes-dados-abertos/publicacoes/PublicacoesArquivos/publicacao-212/Executive%20Summary%20PDE%202029.pdf> (accessed: 08.02.2024).
26. *Fraundorfer M., Rabitz F.* The Brazilian renewable energy policy framework: instrument design and coherence // Climate Policy. — Vol. 20 (5). — P. 652–660.
27. *Grassi M.C.B., Pereira G.A.G.* Energy-cane and RenovaBio: Brazilian vectors to boost the development of Biofuels // Industrial Crops and Products. — 2019. — Vol. 129. — P. 201–205.
28. *Mele M.* Economic growth and energy consumption in Brazil: cointegration and causality analysis // Environmental Science and Pollution Research. — 2019. — Vol. 26. — P. 30069–30075.
29. Renewable capacity statistics. 2024. — URL: <https://www.irena.org/Publications/2024/Mar/Renewable-capacity-statistics-2024> (accessed: 20.03.2024).

Мамедов Алексей Владимирович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Aleksey V. Mamedov,

PhD student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: MamedovAV@mosreg.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

FOREIGN POLICY OF KAZAKHSTAN IN THE CASPIAN REGION

Аннотация: в статье исследуются основные направления внешней политики Казахстана в Каспийском регионе. Это региональное направление внешней политики имеет для Казахстана особое значение. Рассматриваются отдельные составляющие каспийского вектора внешней политики, которые получили свое развитие в последние годы под влиянием происходящих изменений в мировой политике. Особое внимание уделяется влиянию внешнего фактора, который имеет ключевое значение для внешнеполитического курса Казахстана.

Ключевые слова: Казахстан, Каспийский регион, безопасность, инфраструктурные проекты, трубопроводы, нефть, газ.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the main directions of Kazakhstan's foreign policy in the Caspian region. This geographical area has special importance for Astana. The research characterizes various components of the Caspian vector of foreign affairs, that have been put into practice in recent years amid ongoing changes in world politics. In addition, the article pays special attention to the influence of external factor, which has a great impact on the foreign policy course of Kazakhstan.

Key words: Kazakhstan, Caspian region, security, infrastructure projects, pipelines, oil, gas.

Введение

Каспийский вектор внешней политики Казахстана в течение длительного времени ориентировался на решение вопросов, связанных с международно-правовым статусом Каспийского моря и формированием новых маршрутов экспорта углеводородных ресурсов на внешние рынки. Данные задачи предопределили внешнеполитический курс Казахстана с другими прикаспийскими государствами и внерегиональными акторами.

В вопросах организации поставок нефти Казахстан также добился значительных успехов, поскольку получил надежный маршрут, проходящий через российскую территорию. Строительство нефтепровода Каспийским трубопроводным консорциумом позволило Казахстану получить надежный доступ к внешнему рынку нефти. По разным оценкам, «через территорию России поставляется порядка 85–90% нефти, добываемой в Казахстане» [2, с. 76–87]. При этом «незначительный объем поставок осуществлялся через Каспийское море танкерами в Азербайджан и далее казахстанская нефть поступала в нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан» [2, с. 76–87].

В 2018 году была подписана Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Она была подписана на саммите глав прикаспийских государств. Это сняло с повестки дня один из острых вопросов, который обсуждался прикаспийскими государствами с момента распада СССР.

Одновременно в фокусе интересов Казахстана находились вопросы, связанные с евразийской интеграцией, продвижением Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Этот вектор имел для Казахстана большое значение [3, с. 7–15].

Ориентиры развития

В основе внешней политики Казахстана, в том числе в Каспийском регионе, лежит Концепция внешней политики. Последняя редакция этого ключевого документа была принята в Казахстане в 2020 году [9].

Концепция заложила принципы внешнеполитического курса страны, исходя из тех изменений, которые происходили в мировой политике в целом и в Каспийском регионе в частности. В Концепции подчеркивалось, что «ряд приоритетов, определяемых в документе, связан с происходящими в последние годы изменениями на международной арене. Среди них, в частности, отмечается расширение сотрудничества в регионе Каспия в сфере энергетики, транспорта, охраны окружающей среды и безопасности, что стало возможным с принятием в 2018 году Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» [5, с. 74–84]. Также документ зафиксировал, что необходимо предпринимать шаги «по превращению Казахстана в трансконтинентальный транзитно-логистический хаб

на магистральных путях Восток — Запад и Север — Юг с опорой на потенциал государственной программы «Нұрлы жол», внедряя режим «открытого неба» и инфраструктурные инициативы зарубежных партнеров [9].

Наряду с каспийским вектором внешней политики в документе были зафиксированы и иные страновые приоритеты. Российской Федерации уделялся особый статус, но при этом отмечалось, что Казахстан будет развивать «всестороннее стратегическое партнерство с Китаем, расширенное стратегическое партнерство с США и стратегическое взаимодействие с государствами Центральной Азии» [9]. В целом в документе нашли отражение отношения Казахстана с внерегиональными государствами и странами Центральной Азии.

Смещение приоритетов

После 2022 года внешняя политика Казахстана начала трансформироваться. Проведение Россией специальной военной операции (СВО) с февраля 2022 года привело к усилению санкционного давления Запада в том числе на прикаспийские государства. Под влиянием сложившейся ситуации в мировой политике Казахстан стал демонстрировать готовность учитывать требования Запада, придерживаться антироссийских санкций. В то же время прикаспийское государство было заинтересовано в сохранении высокого уровня торгово-экономического сотрудничества с Россией, а также развития отношений в рамках ЕАЭС. По этой причине, делая заявления о поддержке санкций Запада в отношении России, Казахстан в целом продолжал придерживаться прежнего внешнеполитического курса, поддерживая развитие российско-казахстанских отношений.

Одновременно с этим Казахстан активизировал энергетическую политику. Руководство страны поставило вопрос о разработке новой политики, направленной на диверсификацию маршрутов поставок нефти на внешние рынки. Помимо российского направления экспорта углеводородных ресурсов Казахстан стал рассматривать альтернативные пути доставки своей нефти на внешний рынок. «Казахстан не прочь был заместить Россию в качестве альтернативного поставщика энергоресурсов и товаров в Европу. Такую цель преследовала, например, организованная 8 июня

2022 года встреча руководителей транснациональных компаний («Chevron», «Exxon Mobil» и др.), глубоко интегрированных в экономику Казахстана. Актуализировались в этой республике и планы по развитию Транскаспийского международного транспортного маршрута... по которому товаропотоки идут из Китая в Европу — в обход России. Призвал Казахстан и к возобновлению переговоров о запуске Транскаспийского газопровода» [6, с. 60–71].

Актуализация внешней политики

В июле 2024 года Президент Казахстана утвердил «Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года» [8]. В документе нашли отражение ключевые направления политики Казахстана на перспективу. Кроме этого в представленном документе в отличие от редакции Концепции внешней политики более четко были обозначены конкретные задачи, связанные с увеличением добычи углеводородных ресурсов, ростом поставок товаров и так далее.

Документ зафиксировал значительный вклад углеводородных ресурсов в развитие экономики страны. В частности, было отмечено, что «добыча нефти и газа сохраняет высокий вклад в экономику Казахстана: по итогам 2022 года валовая добавленная стоимость... отрасли составила 11% ВВП, при этом доля сектора в общем экспорте товаров превышает 50%, в чистом притоке инвестиций — почти 40%» [8].

Вместе с тем в документе отмечено, что «ежегодно перспективы добычи нефти в Казахстане не оправдывают ожиданий» [8]. Подобные констатации в современной истории Казахстана звучали не раз. В 1990-х годах были сделаны амбициозные прогнозы относительно уровня добычи, которые так и не были реализованы. Причины значительного отставания реальных показателей от прогнозных значений были связаны с техническими и технологическими трудностями, сложными условиями добычи и недостатком инвестиций. Соответственно, в последние годы Казахстан сохранял добычу на достаточно стабильном уровне. Тем не менее авторы документа отмечали, что «с учетом модернизации производств на крупных месторождениях пиковый уровень добычи составит 104 млн тонн до 2030 года» [8]. При этом «среди действующих крупных месторождений основное снижение добычи прогнози-

руется по Кашагану: в 2021 году его ожидаемый объем пиковой добычи сократился на 40% относительно прогноза 2017 года» [8].

Незначительные объемы каспийской нефти

Одной из ключевых проблем, с которыми сталкивается Казахстан, является истощение месторождений углеводородных ресурсов. Это создает предпосылки для снижения добычи нефти и газа в Казахстане. Как отмечалось в документе, «согласно прогнозу международных экспертов, по ряду крупнейших компаний группы АО НК «КазМунайГаз» ожидается снижение добычи на 15–30% к 2030 году» [8]. В данных условиях, как отмечается в документе, для Казахстана особый интерес представляют вопросы «устойчивого снижения добычи и закрытия истощающихся месторождений как с экологической, так и с социальной стороны. Более того, в среднесрочной перспективе возможен риск нехватки нефтяного сырья вдобавок к ожидаемому в 2024–2025 годах дефициту газа, поскольку локальный спрос удовлетворяется именно группой месторождений АО НК «КазМунайГаз»» [8].

Действительно, в последние годы уровень добычи нефти в Казахстане демонстрирует очень скромный рост. В 2010 году добыча составила 80 млн т и затем практически не менялась. В 2023 году добыча составила 90 млн т нефти. Как подчеркивалось в документе, «международные эксперты отмечают, что в период с 2017 по 2022 год прогноз добычи на месторождениях в стадии разработки и разведки также снизился с 65 до 6 млн тонн» [8].

Транспортные коридоры

С середины 2022 года Казахстан стремится диверсифицировать маршруты поставок углеводородных ресурсов на внешние рынки. Речь идет о поставках нефти. Основным направлением диверсификации выступает западный маршрут — в сторону европейских государств. Как отмечалось в Национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 года, «наблюдается ряд возможностей для развития дополнительных коридоров поставок по транскаспийскому и китайскому направлениям. Текущая перевалка нефти через порт Актау составляет 2,2 млн тонн в год при технической мощности порта в 7 млн тонн в год (свободные объемы — 4,8 млн тонн)» [11].

Одним из направлений экспорта нефти является Китай. В документе подчеркивается, что «по нефтепроводу Атасу — Алашанькоу прокачивается порядка 11 млн тонн в год, включая 10 млн тонн транзита. При этом техническая возможность данного нефтепровода составляет порядка 17,5 млн тонн в год (свободные объемы — 6,5 млн тонн)» [8].

Таким образом, Казахстан рассчитывает увеличить поставки своей нефти не только в сторону Азербайджана, но и в восточном направлении — в Китай. При этом в ближайшие годы основным экспортным направлением останется Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), через который идет большая часть углеводородных ресурсов. В 2023 году по КТК было прокачено 63,4 млн т нефти [7].

Несмотря на такие объемы экспорта и надежность маршрута, власти Казахстана рассматривают альтернативные варианты поставок нефти на внешний рынок. В представленном в Казахстане документе говорится, что «ключевым дополнительным экспортным маршрутом является срединный международный транспортный коридор через Каспий. Также в случае прекращения транспортировки нефти по системе Каспийского трубопроводного консорциума могут быть задействованы свободные мощности нефтепроводов Атырау — Самара и Казахстан — Китай» [8]. Таким образом, в Казахстане потенциально не исключают возможности прекращения поставок нефти по КТК. Хотя этот сценарий, при ограниченных возможностях других направлений, нанесет сильный удар по экономике страны.

Наконец, расширение поставок нефти в западном направлении требует значительных финансовых средств, направленных на расширение возможностей инфраструктуры. В частности, необходимо провести модернизацию портов, построить новые танкеры.

Казахстан рассчитывает по помощь ЕС, который уделяет большое внимание организации поставок грузов из Казахстана в сторону Азербайджана. В этом вопросе ставка делается на расширение возможностей Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ). Он начал свою деятельность в 2017 году.

Пока объемы поставок скромные. В 2023 году объемы перевозок грузов по ТМТМ составили 2,7 млн т [10]. При этом Казахстан строит планы по увеличению транспортировки в западном направлении. «В среднесрочной перспективе планируется уве-

личение транскаспийских перевозок нефти в пределах существующих мощностей порта Актау (до 7 млн тонн в год). Также будет рассмотрена возможность реализации проектов по строительству нефтепровода Ескене — Курык, морских терминалов на казахстанском и азербайджанском побережьях Каспийского моря, а также специального крупнотоннажного танкерного флота для дальнейшего увеличения транскаспийских перевозок до 20 млн тонн в год и более» [8]. Впрочем, в 2024 году Президент Казахстана оценил перспективы расширения поставок по ТМТМ в 10 млн т [10].

Однако, даже в случае расширения мощностей ТМТМ, большое значение будут иметь темпы реализации углеводородных проектов на Каспии. Пока здесь больше вопросов. «Высокие инвестиции, включая строительство новых крупных объектов, обуславливают риски задержки или заморозки проекта освоения на Кашагане» [8].

В последние годы Казахстан вынужден решать вопросы, связанные с поставками газа: как на внешний рынок, так для обеспечения внутренних потребностей. Рост потребления внутри страны привел к приостановке поставок на внешний рынок. В будущем Казахстан рассчитывает увеличить газоперерабатывающие мощности. «На Кашагане в процессе строительства находится проект по переработке газа мощностью 1 млрд кубометров. Также к 2030 году ожидается запуск газоперерабатывающего завода (далее — ГПЗ) мощностью 2,5 млрд кубометров газа. На Карачаганакском месторождении к 2028 году ожидается ввод в эксплуатацию нового ГПЗ мощностью 4 млрд кубометров газа в год» [8].

Перспективным направлением экспорта нефти для Казахстана является Китай. Пока объемы поставок углеводородных ресурсов в направлении Китая незначительны. При этом в документе говорится, что «с 2024 года также будет увеличен импорт казахстанской нефти по нефтепроводу Атасу — Алашанькоу до 2 млн тонн в год. При дальнейшем росте поставок будет рассмотрена необходимость расширения пропускной способности питающих нефтепроводов Атырау — Кенкияк и Кенкияк — Кумколь» [8].

Таким образом, амбициозные планы Казахстана в сфере добычи нефти и газа и их поставок производят двойственное впечатление. С одной стороны, и это отражено в Национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 года, поставлены задачи, которые должны привести к изменениям в энергетической по-

литике Казахстана. С другой стороны, Казахстан сталкивается с определенными проблемами, которые также нашли отражение в этом документе. В итоге задачи, сформулированные в нем, могут быть не выполнены.

Транспортный хаб

Географическое положение Казахстана создает для него определенные возможности, чтобы стать частью в глобальных цепочках поставок между крупными производителями товаров и потребителями. Казахстан рассчитывает стать одним из транспортно-логистических хабов на Каспии. По этой причине руководство страны уделяет повышенное внимание развитию ТМТМ и международному транспортному коридору «Север — Юг», которые могут усилить вовлеченность в глобальные цепочки поставок товаров на международные рынки. Как отмечал министр иностранных дел Мухтар Тлеуберди на заседании коллегии Министерства иностранных дел Республики Казахстан, «в связи с резким изменением геополитической ситуации в мире и нарушением традиционных цепочек поставок была обозначена актуальность развития транзитно-логистической взаимосвязанности Казахстана. Учитывая расположение РК в центре Евразийского континента, ключевое значение для нас имеет дальнейшее развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута, развитие коридора «Север — Юг»» [4].

Однако пока Казахстан сталкивается с определенными трудностями, которые вызваны ограниченными возможностями инфраструктуры. «Кроме того, из-за недостатка сухогрузов, паромов, танкеров и контейнеровозов казахстанский флот не может конкурировать с более развитыми флотами других стран Каспийского бассейна» [8].

Неслучайно, что ключевой задачей Казахстана является расширение инфраструктуры, которая примыкает к портам на Каспии. Без этого Казахстан не сможет существенно повысить пропускную способность транспортных маршрутов. «В рамках строительства и модернизации приоритетных железнодорожных путей и станций необходимо осуществить расширение существующих железнодорожных путей и пропускной способности наиболее загруженных станций на казахстанском участке международных транспортных

маршрутов ТМТМ, «Север — Юг» и Северного коридора Трансазиатской железнодорожной магистрали» [1].

Первоочередными задачами является расширение возможностей портовой инфраструктуры. Прежде всего, необходимо «проводить дноуглубительные работы, расширить и модернизировать мощности морских портов и подходных каналов, а также запустить современный контейнерный хаб. Еще одним инструментом станет повышение эффективности управления портами через привлечение международного стратегического инвестора, которое позволит увеличить пропускную способность еще на треть» [8].

Заключение

В последние годы Казахстан уделяет повышенное внимание реализации своей внешней политики на каспийском направлении. С развитием портовой инфраструктуры, увеличением поставок углеводородных ресурсов в западном направлении Казахстан связывает планы по укреплению своих позиций в Центральной Азии, расширению сотрудничества с ЕС и Китаем. Однако амбициозные планы Казахстана сталкиваются с объективными трудностями: сложностями при разработке месторождений нефти и газа, зависимостью от политики внерегиональных государств, ограниченными возможностями транспортных коридоров. В итоге существует вероятность, что Казахстану не удастся в полной мере реализовать намеченные планы.

Литература

1. Амбициозные планы КТЖ. — URL: <https://1520international.com/content/2024/sentyabr-2024/ktz-s-ambitious-plans/> (дата обращения: 11.08.2024).
2. Жильцов С.С. Энергопотоки Центральной Азии и Каспийского региона: новые возможности и новые вызовы // Центральная Азия и Кавказ. — Т. 17. — 2014. — № 4. — С. 76–87.
3. Жильцов С.С. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2016. — № 1. — С. 7–15.
4. Коллегия МИД: Многовекторная внешняя политика Казахстана доказывает свою безальтернативность и востребованность. — 13.01.2023. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/488521?lang=ru&ysclid=m13z5wwlc2887787880> (дата обращения: 18.08.2024).
5. Курмангужин Р.С., Чеботарёв А.Е. Дипломатия Республики Казахстан: эволюция внешнеполитических концепций // Мировая экономика и международные отношения. — Т. 67. — 2023. — № 7. — С. 74–84.
6. Малышева Д.Б. Казахстан: внешнеполитические дилеммы // Международная жизнь. — 2023. — № 8. — С. 60–71.
7. Мамышев Ж. КТК увеличил в 2023 году отгрузку казахстанской нефти. — 04.01.2024. — URL: <https://kz.kursiv.media/2024-01-04/zhnbt-ktkoilnettoout/?ysclid=m16nxeqafy844379207> (дата обращения: 26.07.2024).

8. Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года [утв. Указом Президента Республики Казахстан от 30 июля 2024 г. № 611]. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32327039&pos=3;-52#pos=3;-52 (дата обращения: 07.09.2024).
9. О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы. — 09.03.2020. — URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 08.08.2024).
10. Объем перевозок по ТМТМ в 2023 году вырос на 65% // Капитал. — 11.03.2024. — URL: <https://kapital.kz/economic/123866/ob-uem-perevozok-po-tmtm-v-2023-godu-vyros-na-65.html> (дата обращения: 24.07.2024).
11. Про риск нехватки нефтяного сырья вдобавок к дефициту газа предупредили власти Казахстана. — 07.08.2024. — URL: <https://azh.kz/ru/news/view/104921> (дата обращения: 23.08.2024).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В РОССИИ ДЛЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

PERSONNEL TRAINING IN RUSSIA FOR DIPLOMATIC ACTIVITY: PAST AND PRESENT

Аннотация: в последние столетия все государства готовили кадры для ведения внешнеполитической деятельности. Эта задача приобрела особую актуальность после формирования современной системы международных отношений, что потребовало системной работы на внешнеполитической арене. В СССР этой проблеме уделяли повышенное внимание. Государство нуждалось в подготовленных дипломатах, способных защищать интересы государства в сложной и постоянно меняющейся геополитической ситуации. В СССР, который развивался в непростых условиях, задача подготовки дипломатических кадров была возложена на Дипломатическую академию МИД СССР. Именно перед этим учебным заведением была поставлена задача подготовки высокопрофессиональных дипломатов, способных отстаивать интересы государства на внешнеполитической арене.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломаты, международные отношения, мировая политика, Дипломатическая академия.

Abstract: in the last centuries all states have been training personnel for foreign policy activities. The establishment of modern system of international relations which required multidimensional work in the international arena made this task especially urgent. The USSR paid increased attention to this issue. The government needed trained diplomats capable of protecting the state interests in complex and constantly changing geopolitical situations. The development of the USSR was surrounded by complicated external conditions and the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs was responsible for training diplomatic personnel. The major task of this

educational institution was to prepare professional diplomats of high class capable of defending and promoting the interests of the country in the international arena.

Key words: foreign policy, diplomats, international relations, world politics, Diplomatic Academy.

Введение

На протяжении столетий все государства использовали дипломатию и дипломатическую службу для отстаивания своих интересов. Со временем изменялась расстановка сил между государствами, исчезали и появлялись новые государства. Лишь дипломатическая служба продолжала свою деятельность. Все государства создавали учебные заведения, в которых шла подготовка опытных кадров.

В России, до этого в Российской империи, был накоплен огромный опыт. Еще в XVII веке вопросу подготовки кадров уделяли повышенное внимание. «К дьякам и подьячим Посольского приказа предъявлялись и другие требования, такие, например, как владение особым стилем деловой речи, умение писать аккуратным почерком, обладание высокими нравственными качествами, патриотизмом, преданностью государю и другие. Кандидатуры для работы в Посольском приказе тщательно отбирались» [1]. Более того, уже в тот период времени повышенное внимание уделялось профессиональным навыкам работников. «Для удовлетворения всевозрастающей потребности в квалифицированных кадрах в Посольском приказе на рубеже XVI–XVII веков была развернута работа по подготовке дипломатических кадров, которая осуществлялась по следующим направлениям: языковая подготовка, обучение профессии, обучение тайнописи и шифровальному делу, а также нравственное и патриотическое воспитание. В это время были созданы и успешно работали посольская и разноязычные школы для обучения иностранным языкам. В Посольском приказе была начата работа по подготовке кадров путем наставничества в ходе практической работы, когда в качестве наставников выступали опытные, проработавшие в посольствах за рубежом дипломаты» [1].

На пути к созданию новой дипломатической службы

В России ключевым учебным заведением, в котором готовятся кадры для дипломатической службы, является Дипломатическая академия МИД России. В 2024 году этому учебному заведению

исполнилось 90 лет, что дало основания для подведения итогов в подготовке кадров. Учебное заведение проделало долгий путь, и в последнее десятилетие, когда Россия столкнулась с давлением со стороны коллективного Запада, подготовленные кадры, способные вести работу по защите государственных интересов, оказались востребованы как никогда.

В книге, выпущенной к 90-летию отмечается, что «история подготовки высококвалифицированных дипломатических кадров в России после Октябрьской революции 1917 года началась не с “чистого листа”. В 1913 году в центральном аппарате МИД России насчитывалось 570 человек, значительная часть которых были выходцами из высших аристократических слоев» [2]. Сложившаяся система рекрутирования кадров была разрушена после Октябрьской революции, и молодому Советскому государству пришлось в спешном порядке создавать собственную систему подготовки кадров. Тем более, что «разрыв между кадровой структурой МИД и новыми политическими реалиями возник уже в первые месяцы существования новой власти. Остро встал вопрос нехватки специалистов, поскольку для многих из них происшедшие в стране социально-экономические перемены оказались принципиально неприемлемыми» [2].

В итоге лишь очень небольшая часть прежних сотрудников согласилась работать при новой власти. Еще более сложная ситуация складывалась в заграничных учреждениях, поскольку требовались специалисты, обладающими знаниями по международным отношениям и знающие иностранные языки. В декабре 1917 года Нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий издал приказ, в котором говорилось, что «послам, посланникам и сотрудникам посольств было объявлено, что они увольняются без права на пенсию и поступления на какую-либо государственную должность. На своих постах сохранились лишь поверенные в делах в Португалии и Испании. Молодому государству нужны были профессиональные кадры, способные работать в новой системе с учетом новых политико-идеологических реалий» [2]. В результате в конце 1917 — начале 1918 года началось формирование аппарата Народного комиссариата иностранных дел (НККИД). Исходя из текущей политической ситуации и отказа многих прежних сотрудников МИД работать с новыми властями, к дипломатической работе привлекались чле-

ны РКП(б). В первую очередь это касалось руководящих должностей. Внимание обращали, прежде всего, на тех представителей партии, которые ранее участвовали в международном рабочем движении, имели широкий кругозор, обладали знанием текущих международных событий и знали иностранные языки.

Расширение контактов привело к активизации и одновременно к усложнению внешнеполитической работы. Всё отчетливее становилась потребность в подготовке дипломатических кадров. Для решения этой задачи осенью 1920 года Наркоматом по иностранным делам и внешней торговле были открыты краткосрочные курсы. На них готовили сотрудников для Наркомата. Первые курсы окончили лишь 17 человек. Однако этот первый опыт показал, что необходима организация системной работы по подготовке кадров и действовать они должны более масштабно. В результате уже в 1921 году были организованы новые курсы, куда принимали людей с высшим образованием, по рекомендациям, которые обладали организаторскими способностями. Большое внимание уделялось изучению иностранных языков.

На протяжении последующих лет упор был сделан на подготовку кадров, обладающих знаниями в международной сфере. Например, еще до революции в МГУ на юридическом и на историко-филологическом факультетах значительную долю дисциплин составляли предметы, связанные с международной деятельностью.

Следующий этап в подготовке кадров начался с созданием факультета общественных наук в МГУ, при котором было организовано отделение внешних сношений. «Оно стало готовить специалистов в области внешней торговли, а также работников дипломатической и консульской службы. На это отделение принимали преимущественно членов партии и обязательно со стажем ответственной партийной или государственной работы. Особое место в учебном плане занимало изучение иностранных языков, а обязательным условием было овладение двумя иностранными языками» [2].

В 1925 году факультет был упразднен, несмотря на то что ощущалась острая потребность в подготовке опытных кадров, способных работать в странах, с которыми советское государство установило дипломатические отношения. В 1924 году обсуждался вопрос о создании Института внешних сношений или Дипломатической академии СССР. Однако дальше обсуждения дело не продвинулось.

В 1930-х годах СССР установил широкий круг международных связей. Требовались опытные и подготовленные кадры, которые могли бы отстаивать интересы государства. В итоге «в 1934 году при Народном комиссариате иностранных дел (НКВД) был создан Институт для подготовки дипломатических и консульских работников с двухлетним сроком обучения» [2]. Это было ведомственное учебное заведение. В нем могли учиться члены ВКП(б) от 25 до 32 лет. При этом они должны были иметь партийный стаж более 5 лет. Кроме того, «студенты» должны были иметь высшее образование и могли попасть туда только после сдачи испытательных заданий. В том же году был объявлен набор в Институт. Однако в 1938 году свободный прием отменили. Вместо него стали принимать через ЦК ВКП(б).

В 1939 году Институт для подготовки дипломатических и консульских работников реорганизовали. Он стал называться Высшая дипломатическая школа (ВДШ) НКВД и должен был решать задачи, связанные с «подготовкой работников, владеющих основами советской дипломатической науки и иностранными языками, способных отстаивать международные интересы в практической работе. В учебном заведении было образовано 2 отделения: восточное и западное со сроками обучения 3 и 2 года соответственно. Согласно учебному плану, большое количество часов отводилось на изучение специальных дисциплин и иностранных языков» [2].

Великая Отечественная война оказала сильное влияние на учебный процесс. Большинство слушателей школы были призваны в армию. В октябре 1941 года ВДШ эвакуировали из Москвы в Фергану. После выпуска 1942 года в учебном заведении было всего 7 слушателей. В 1942 году ВДШ была переведена в Куйбышев, и учебный процесс был восстановлен. В 1944 году ВДШ была возвращена в Москву, поскольку дипломатическая деятельность требовала подготовленных кадров. В этот период в ВДШ изучали 23 иностранных языка.

Изменение хода войны и новые перспективы в развитии международной системы привели к принятию ряда организационных решений. Нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов выступил с рядом предложений, связанных с подготовкой кадров. В итоге 14 октября 1944 года Совет народных комиссаров СССР принял

решение о создании МГИМО — института на базе международного факультета МГУ, который появился годом ранее.

В результате «в 1950 году ВДШ переходит от обучения дипломатов среднего звена к подготовке кадров высокой квалификации — секретарей и советников. В 1964 году ВДШ начинает прием слушателей из Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии Кубы, ГДР и ряда других стран и получает заслуженное международное признание» [2].

Дипломатическая академия — начало пути

Дипломатическая академия МИД СССР¹ ведет свой отсчет с 8 января 1974 года. Академия рассматривалась как «закрытое специальное высшее учебное заведение первой категории, подчиненное непосредственно Министерству иностранных дел СССР, обучение в Академии обозначалось высшей формой подготовки и переподготовки руководящих дипломатических кадров. На Академию также возлагалась обязанность заниматься повышением квалификации специалистов по информационно-пропагандистской деятельности и культурным связям» [2].

Руководство страны уделяло Академии большое внимание. Статус учебного заведения подчеркивали назначения на должность ректора. Так, на руководство назначались работники, которые имели большой международный опыт в ранге послов СССР.

Учебное заведение занималось не только учебной работой. В стенах Академии проводилась научно-исследовательская работа, выпускалась научная литература, проводились многочисленные исследования по актуальным проблемам международных отношений. В Академии предметно изучали и обобщали опыт диплома-

¹ Здание расположено в конце улицы Остоженка, при въезде на Крымский мост. Оно построено в классическом стиле в 1875 г. по проекту венского архитектора А.Е. Вебера на месте ампириного дворца (архитектор Жильярди), принадлежавшего жене великого князя Михаила Павловича Елене Павловне. Парадный фасад здания развернут к Крымскому мосту, в нишах над главным входом установлены две скульптуры ученых старцев (одни склонны видеть в них Платона и Аристотеля, другие — Кирилла и Мефодия). Здание построили специально для образцового мужского учебного заведения — Московского лицея Цесаревича Николая. Лицей был назван в честь старшего сына императора Александра II Николая, умершего в 1865 г. Неофициально учебное заведение именовалось Катковским по фамилии его основателя — публициста М.Н. Каткова. Лицей был закрытым, элитарным высшим учебным заведением, в котором преимущественно воспитывались отпрыски дворянских родов, а также дети богатого купечества и священнослужителей. Лицей должен был стать оплотом консервативного гуманитарного образования. Лицейисты обучались по университетским программам на филологическом, физико-математическом и юридическом отделениях.

тической службы. В рамках научной деятельности были опубликованы работы по искусству дипломатии, монографии, сборники научных трудов, учебники и учебные пособия. «Для продолжения научной работы в Академии была открыта аспирантура. Ее работа была направлена на повышение квалификации действующих работников в области международных отношений» [2].

Новый этап в деятельности Академии начался после 1991 года, когда распался СССР и возникла необходимость подготовки дипломатических кадров для российского внешнеполитического ведомства. Однако под влиянием происходящих в стране изменений, в том числе и в сфере образования, менялись подходы к набору слушателей Академии и их обучению. Так, одним из нововведений стало создание в Академии в 1999 году факультета мировой экономики. В рамках учебного процесса и научной работы стали изучаться проблемы экономической дипломатии.

С 2010 года Дипломатическая академия МИД России стала проводить набор абитуриентов в магистратуру. Позже, в 2012 году, был открыт прием в бакалавриат.

В Академии продолжают работу курсы по переподготовке и повышению квалификации сотрудников МИД России.

В Академии широко распространена научно-исследовательская работа, которая направлена на подготовку различных материалов по актуальным проблемам международных отношений, а также на разработку документов стратегического планирования, определяющих внешнюю и внутреннюю политику России. Опираясь на результаты своей 90-летней истории и опыт прошлых поколений российских дипломатов, Академия на нынешнем этапе продолжает вести работу по формированию у слушателей глубокого понимания национальных интересов, развитию и модернизации путей укрепления национальной и международной безопасности.

Заключение

В условиях нарастающих противоречий между Россией и Западом, который проводит агрессивную антироссийскую политику, от внешнеполитического ведомства, его сотрудников требуются новые профессиональные качества. Необходимо отстаивать интересы государства в новых геополитических условиях, которые требуют поиска нестандартных решений.

На протяжении десятилетий Дипломатическая академия МИД России вносила свой вклад в реализацию внешнеполитического курса страны, готовя квалифицированные кадры. В настоящее время перед Академией стоят новые задачи, требующие нестандартных подходов к формированию профессиональных навыков, которые будут востребованы в практической деятельности российских дипломатов.

Литература

1. *Бажан Н.С.* Посольский приказ: история создания, цели, задачи и направления деятельности // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2023. — № 1 (35). — С. 150–171.
2. Дипломатическая академия МИД России: 90-летие. Во благо Отечества. (1934–2024) / под ред. А.В. Яковенко. — М.: Харизма, 2024. — 144 с.

Самолетов Тимур Алексеевич,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Timur A. Samoletov,

postgraduate student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: T89055492430@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛИЗМА ИГБО В НИГЕРИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БИАФРЫ

ECONOMIC AND POLITICAL ASPECTS OF IGBO NATIONALISM IN NIGERIA: THE HISTORY AND CURRENT STATE OF BIAFRA

Аннотация: этнорелигиозное противостояние между народами, населяющими Нигерию, стало складываться еще в период британского контроля над данной территорией. В 1967–1970 годах, через несколько лет после получения Нигерией независимости, началась гражданская война, связанная со стремлением южной части страны, населенной преимущественно народом игбо и провозгласившей себя Биафрой, выйти из состава Нигерии. Войне предшествовали как социально-политические (притеснение народа игбо), так и сугубо экономические (возможность юго-востока страны обрести экономическую независимость за счет доступа к значительным запасам нефти) причины. Несмотря на поражение Биафры в войне, идея национального самоопределения на этой территории не исчезла. В XXI веке наблюдается возрождение идеи восстановления независимости Биафры. В статье исследуется история биафрийско-нигерийских противоречий и определено их современное состояние с политической и экономической точек зрения. Автор приходит к выводу о том, что маловероятным является то, что Биафра сможет добиться независимости в обозримом будущем, однако подчеркивает, что без изменений в политике страны и плодотворных усилий международного сообщества общественно-политическая нестабильность так и будет сохраняться как в Нигерии, так и в ряде других западноафриканских стран. Более того, эта нестабильность имеет широкие негативные экономические последствия, преимущественно связанные с тем, что страна и иностранные инвесторы не имеют возможности свободно развивать энергетический сектор страны в силу отсутствия безопасности.

Ключевые слова: Нигерия, Биафра, игбо, хауса, фулани, йоруба, сепаратизм, национализм.

Abstract: the ethno-religious confrontation between the peoples inhabiting Nigeria began to take shape during the period of British control over this territory. In 1967–1970, a few years after Nigeria gained independence, a civil war began related to the desire of the southern part of the country, inhabited mainly by the Igbo people and proclaimed itself Biafra, to secede from Nigeria. The war was preceded by both socio-political (oppression of the Igbo people) and purely economic (opportunities for the south-east of the country to gain economic independence through access to significant oil reserves) reasons. Despite the defeat of Biafra

in the war, the idea of national self-determination in this territory has not disappeared. In the XXI century, there is a revival of the idea of restoring the independence of Biafra. This article is aimed at researching the history of the Biafran-Nigerian contradictions and determining their current state. The author concludes that it is unlikely that Biafra will be able to achieve independence in the foreseeable future, but emphasizes that without changes in the country's policy and fruitful efforts of the international community, socio-political instability will persist both in Nigeria and in a number of other West African countries. Moreover, this instability has widespread negative economic consequences, mainly related to the fact that the country and foreign investors are unable to freely develop the country's energy sector due to insecurity.

Key words: Nigeria, Biafra, Igbo, Hausa, Fulani, Yoruba, separatism, nationalism.

Введение

Рост сепаратистских тенденций в XXI веке для широкого ряда африканских стран превратился в достаточно привычное явление. Можно отметить не менее 24 государств, где сепаратизм проявляется с разной степенью интенсивности и с разной шириной требований — от расширения автономии до полной независимости [5, с. 180].

В свою очередь, истоки современного сепаратизма стоит искать еще в период деколонизации и последующие десятилетия XX века. Тогда вспышки насилия были не такими частыми, что объяснялось особенностями становления государственности новых африканских стран. С одной стороны, состав населения таких стран стал многоконфессиональным и полиэтничным, а ресурсы были расположены по территории неоднородно, что порождало возможности внутренней борьбы как по этническим и религиозным причинам, так и по экономическим. Более того, у новых правительств зачастую недоставало реального контроля над своей территорией, что превращало их власть в номинальную.

С другой стороны, во многих странах Африки происходила ситуация, когда удавалось достичь определенной политической стабилизации, но недемократичными путями, а именно путем захвата одной доминирующей этнической группой всей полноты власти в стране с применением ограничительных мер против оппозиции и преследования ее. Более того, сепаратисты часто получали выгодные предложения в отношении сохранения единства страны, которые перевешивали плюсы от отделения. Проблема отсутствия гарантий международного признания уже делала сецессию бесперспективным делом. В африканской истории к успехам сепаратистов можно отнести только несколько сюжетов, таких как отделение Эритреи от Эфиопии или Южного Судана от Судана.

Во многих других случаях, включая, в частности, отделение от Сомали Сомалиленда, вряд ли можно признать успешной акцией сепаратистов, поскольку итогом было появление государства без международного признания. В связи с этим основная часть африканских сепаратистов столкнулась в своей деятельности с провалом или с сомнительным успехом. В то же время проблема сепаратизма остается достаточно острой во многих африканских странах, и Нигерия здесь не является исключением.

Зарождение национализма игбо и гражданская война в Нигерии 1967–1970 годов

В 1967–1970 годах существовало частично признанное государство Биафра [28, с. 30]. При этом, несмотря на то что в гражданской войне Биафра потерпела поражение, вопрос ее независимости десятилетиями сохранялся в качестве крайне сложной проблемы, которая сказывалась и продолжает сказываться на политическом, социальном и экономическом положении Нигерии, включая трудности с добычей нефти в спорном регионе, сохраняющиеся в низкой точке отношения между разными племенами, а также социально-экономическое неравенство, которое стало следствием войны.

Гражданская война в Нигерии (1967–1970 гг.) также известна как Война за независимость в Биафре. Обретение независимости Нигерией от Великобритании в 1960 году привело, как и во многих других африканских государствах, к проблеме того, что установленные границы этих государств не отражали местные этнические, культурные, религиозные и политические особенности ареалов расселения народов. В основе конфликта лежало этнорелигиозное противостояние: юго-восточное население из народа игбо, исповедующее христианство, выступило против мусульманского народа севера из народности фулани, которых поддерживала крупнейшая этническая группа юго-востока — йоруба [26].

В религиозном плане благодаря деятельности миссионеров население южных частей преимущественно было христианским, в то время как на севере в основном проживали мусульмане. В народах хауса и фулани в полуфеодальных северных районах управление было в руках местных деспотичных и консервативных исламских эмиров, подчинявшихся эмиру. На территориях проживания йоруба также действовали местные вожди, однако

патриархальность системы управления здесь была более низкой. Что касается игбо, то и здесь существовал вождизм, но он был скорее номинальный, в то время как управление имело более демократический характер, чем в основной стране, поскольку все основные решения принимались коллегиальным путем.

Этническая напряженность существовала еще в период колониальной зависимости от Великобритании. Периодические вспышки насилия на этнорелигиозной основе происходили и до получения Нигерией независимости. Региональное деление будущей Нигерии на три административные области, а именно на Западную, Восточную и Северную (еще одна, Среднезападная, область была создана в 1963 г.), возникло еще с 1947 года. В 1950-х годах оно получило закрепление на конституционном уровне. Подобное деление предполагало, что в каждой из областей будет свое региональное правительство и политические партии, сформированные по этническому признаку. В то же время, поскольку на севере страны жило большинство населения, именно этот регион имел наибольший объем власти за счет наибольшей представленности в центральном законодательном органе.

Образование независимой Нигерии создало не более чем «витринную демократию», в которой на самом деле отсутствовала общественно-политическая стабильность. Север старался установить контроль над страной, в то время как ему противостоял юго-восток. Высшей точкой противостояния стала серия военных переворотов в 1966 году, в ходе которых сначала боевики игбо убили ряд высокопоставленных лиц Нигерии и привели представителя игбо Джонсона Агуйи-Иронси к власти во временном правительстве, а затем силы северной Нигерии нанесли ответный удар, негодуя насчет фаворитизма Иронси по отношению к игбо и считая произошедшие события, включая ненаказанные убийства северян, приостановку действия Конституции и отмену федеративного устройства страны, попыткой южан получить единоличный контроль над страной [24]. Совершенный контрпереворот привел к убийству Иронси, а впоследствии — к гибели многих высокопоставленных лиц от игбо. В процессе этого эпизода усиления напряженности погибли также многие гражданские лица.

Северяне продолжили устраивать погромы против восточников в отместку за произошедший переворот [15, с. 78]. В результате

лидеры из народа игбо стали разрабатывать планы по полному или частичному (в составе конфедерации) отделению от Нигерии. Так или иначе в результате неспособности противоборствующих сторон прийти к согласию военный лидер востока страны Одумегву Оджукву (игбо) принял решение об отделении от Нигерии.

Более того, открытие значительных запасов нефти в дельте Нигера дало возможность для независимого существования юго-восточной части страны. Возможность приобрести независимость за счет доступа к обширным нефтяным месторождениям также стала одной из причин стремления к национальному освобождению. К тому же населяющие нефтеносную дельту Нигера народы опасались, что нефтяные доходы будут использованы для финансирования развития севера и запада Нигерии, а не их территории.

Уже в марте 1967 года восточная часть отказалась передать федеральному правительству собранные фискальные доходы и стала брать под контроль государственное имущество, в то время как власти Нигерии установили блокаду этой части с моря. В конце мая 1967 года четыре провинции Нигерии были упразднены, и вместо них было введено деление на штаты таким образом, чтобы основные нефтеносные районы не находились в штатах с большинством населения игбо. Через четыре дня в ответ на это Оджукву провозгласил независимость Биафры. Территория Биафры охватила 77 310 км² суши [16, с. 762] и следующие нигерийские штаты: Аква-Ибом, Риверс, Кросс-Ривер, Байельса, Эбоньи, Энугу, Анамбра, Имо, Абия, Дельта, Коги, Бенуэ (рис. 1).

Власти Нигерии не хотели утратить доступ к нефтяным запасам на юге, в результате чего сочли, что решение проблемы Биафры должно быть достигнуто силовым путем. Центральные власти распорядились о подавлении мятежа и стали стягивать войска из мусульманских штатов к спорной территории, в то время как в Биафре уже задолго до конфликта началась мобилизация. Именно это привело к тому, что решить проблему Биафры в короткие сроки (в качестве полицейской операции) не получилось, поскольку федеральные войска столкнулись с ожесточенным сопротивлением игбо. Биафра получила признание среди ряда государств, включая Габон, Кот-д'Ивуар, Танзанию и Замбию, а также тайно была поддержана военными средствами со стороны Франции, Португалии, Израиля, Китая, ЮАР и некоторых других стран [13,

с. 553]. В поддержку центрального правительства выступили Великобритания, СССР и арабские государства. В дальнейшем Биафра не получила признания со стороны ООН, а многие другие организации, включая Организацию африканского единства, призвали Биафру к отказу от независимости.

Рис. 1. Территория Биафры в 1967–1970 годах [4, с. 39]

Сначала наступление биафрийцев было вполне успешным. Достаточно быстро была взята среднезападная область страны, что дало Биафре контроль над всеми нефтяными запасами Нигерии. В то же время стремление Оджукву двигаться на запад привело к обращению против Биафры народа йоруба. В свою очередь, за счет мобилизации на территории, подконтрольной централь-

ным властям, у Нигерии образовались существенный численный перевес над противником, а также доминирование с точки зрения вооружения, чему поспособствовали в значительной степени СССР и Великобритания. Контрнаступление позволило уже к концу сентября полностью вытеснить сепаратистов из среднезападной части страны. За оставшиеся до конца года месяцы федеральные войска сумели занять некоторые из важнейших стратегических точек, включая порты и аэродромы, над которыми ранее игбо удалось установить контроль. К началу 1968 года можно было констатировать, что война стала позиционной.

В 1968 году была установлена блокада Биафры, а центральное правительство не препятствовало уничтожению целых селений игбо и созданию условий для распространения массового голода. С сентября 1969 года единственный контакт Биафры с внешним миром был через нестабильный воздушный мост с Экваториальной Гвинеей. Попытки биафрийцев переломить ход войны оказались тщетными. Летом 1969 года Нигерия запретила поставлять гуманитарную помощь биафрийцам со стороны Красного Креста, что только усилило продовольственную проблему. К осени 1969 года Биафра была уже небольшим анклавом размером в 2 тыс. км² с запертыми на нем 5 млн человек.

В декабре 1969 года началась операция по рассечению территории Биафры на две части. У биафрийцев уже не было сил для сопротивления. В короткие сроки Биафра стала терять свои оставшиеся позиции. В январе 1970 года Оджукву бежал из страны, а его преемник Филип Эффионг подписал акт о безоговорочной капитуляции [9, с. 496].

В результате боевых действий, по разным оценкам, погибли от 1 млн до 3 млн человек (в основном граждане районов Биафры; преимущественно голодавшие дети). Одна из наиболее развитых областей на Африканском континенте была разрушена. За время войны добыча нефти снизилась с 420 тыс. баррелей в сутки до 140 тыс. [21]. Фактически нефтяная промышленность до войны контролировалась западными нефтяными компаниями, такими как «Shell» и BP. В свою очередь, война привела к тому, что сформировалась достаточно неопределенная ситуация, в которой нефтяные компании не могли спокойно продолжать свою деятельность на территории Нигерии.

Притеснения игбо продолжились. Многие беженцы не смогли вернуться в свои дома, поскольку на законодательном уровне их собственность стала считаться брошенной, а значит, ничейной [17, с. 762]. Переведенные средства в биафрийскую валюту не были конвертированы обратно, а были заменены на 20 фунтов в одни руки вне зависимости от объема конвертированных средств [19]. По сравнению с другими частями Нигерии на бывшей территории Биафры был значительно сокращен объем помощи от федерального правительства [33].

Многие политические деятели, которые еще во время войны сражались на стороне официальных властей, а также продолжатели их идей сохранили пренебрежительное отношение к игбо на юго-востоке. В свою очередь население бывшей территории Биафры также относится с существенным неприятием к политике федерального правительства. Отказ наиболее радикально настроенных представителей игбо подчиняться федеральному законодательству часто становится причиной их конфликтов с полицией и даже с армией. При этом вооруженные формирования националистов игбо имеют в своем распоряжении существенный арсенал, состоящий из вооружения и военной техники, что позволяет им нередко сражаться на одном уровне с федеральными силами. В связи с этим столкновения происходят достаточно часто и интенсивно (рис. 2).

Рис. 2. Карта столкновений с участием биафрийских сепаратистов, 2015–2023 гг. [2]

Возрождение сепаратизма в Нигерии и его современное состояние

Многие факторы привели к тому, что именно в 1990-е и последующие годы сепаратистские идеи получили значительный толчок к своему распространению.

Причинами этому послужили:

- существенное оживление политической жизни на фоне проведения более справедливых выборов на президентском и парламентском уровнях, из-за чего ограниченные раньше в доступе к власти силы получили возможность более активно отстаивать свою позицию на высоком и высшем уровнях;
- укрепление основ функционирования политически активного гражданского общества;
- усиление мирового спроса на ресурсы африканских стран, что создает возможность для обогащения тех, кто имеет доступ к их сбыту;
- увеличение числа образованных африканцев, часть из которых не только стремится к власти, но и обладает необходимыми навыками и знаниями для ее получения и удержания;
- развитие информационно-коммуникационного пространства за счет Интернета и социальных сетей, где гораздо проще распространять идеи и привлекать сторонников и спонсоров; и т. д.

К специфическим причинам современного сепаратизма на территории Биафры относится незавершенность интеграции игбо в нигерийское общество и сохраняющееся явное или скрытое притеснение этого народа со стороны действующей власти.

В рамках текущего движения в поддержку игбо действуют различные политические организации. К ним можно отнести следующие.

Движение за создание суверенного государства Биафра (Movement for the Actualization of the Sovereign State of Biafra (MASSOB)) представляет собой одно из первоначальных сепаратистских движений, которые направили свои силы на то, чтобы восстановить независимость игбо в рамках Биафры. Изначально данная организация заявила о мирном методе борьбы за национальное освобождение своего народа, что было отражено в ее

плане из 25 пунктов. Организационно данное движение стало двухчастным и включило в себя правительство Биафры в изгнании и теневое правительство Биафры. В своих планах MASSOB рассчитывает образовать Биафру с включением в нее ряда южных и юго-восточных земель, населенных преимущественно игбо.

MASSOB было образовано еще в 1999 году во главе с юристом Ральфом Увазурике. Он же определил и ключевые постулаты организации:

- Биафра была самостоятельной в доколониальный период;
- именно из мотивов удобства управления британская администрация объединила Биафру с остальной Нигерией в 1914 году;
- Биафра и Нигерия враждуют между собой;
- сохранение в составе Нигерии территории, населенной игбо, не соответствует воле и интересам этого народа;
- игбо притесняются в стране;
- к Нигерии выдвигается ряд требований, в том числе предоставление Биафре права на самоопределение и исключение возможности насильственного препятствования данному процессу, завершение добычи нефти на данной территории, возврат игбо той собственности, которую у этого народа отобрали по итогам войны, и т. д. [23, с. 22].

Организация с самого начала стала придерживаться мирного пути борьбы за права игбо, предполагавшего, что вся деятельность должна осуществляться в рамках переговоров с центральным правительством [30]. В то же время внутри самой организации практически сразу наметился раскол в отношении того, к чему конкретно она должна стремиться. Пока Увазурике выступал за полное отделение от Нигерии, выяснилось, что большинство основных функционеров эту идею не поддерживают и рассматривают организацию как инструмент для лоббирования интересов игбо в правительстве. 2005 год ознаменовался тем, что MASSOB приняло решение вновь пустить в оборот биафрийскую валюту, в то время как с 2009 года начали выдаваться паспорта граждан Биафры. Организация активно сопротивляется федеральному правительству, заявляя о том, что оно ведет репрессивную политику против представителей игбо, практикуя в том числе массовые аресты и убийства.

Сами нигерийские власти уже в 2001 году запретили это движение, а в 2005 году назвали его организацией, которая представляет угрозу Нигерии [31, с. 6]. В тот же период по подозрению в госизмене был арестован Увазурике, который был оправдан только в 2011 году [25]. Проблемы внутри организации и в ее взаимодействии с центральными властями привели к ее существенному ослаблению, что только ускорило ее дробление [8, с. 7].

В 2012 году из состава MASSOB выделилась еще одна сепаратистская организация — Коренные народы Биафры (Indigenous People of Biafra (IPOB)). За последнее десятилетие она приобрела значительное влияние на положение дел в регионе Биафры, в том числе за счет своей активной подрывной деятельности, связанной с частыми эпизодами гражданского неповиновения в самых различных формах. Изначально власти страны признали эту организацию экстремистской, а с 2017 года внесли ее в реестр террористических организаций.

В рамках данной организации есть боевое подразделение — Сеть восточной безопасности (Eastern Security Network; ESN). Численность данной организации не установлена, однако известно, что она обладает значительными запасами вооружения и получает поддержку из-за рубежа (преимущественно финансовая и политическая поддержка поступает от Израиля, США, Великобритании и стран ЕС). Управление данной организацией осуществляет правительство Биафры в изгнании. Организация неоднократно пыталась организовать референдум, чтобы произвести отделение Биафры от Нигерии, в связи с чем она даже обращалась за помощью в Международный Суд.

Основной целью, которую поставила перед собой IPOB, стало обретение независимости Биафрой. Организация активно формирует свои ячейки за рубежом — в местах проживания диаспор игбо. IPOB имеет принципиальное отличие от MASSOB, заключающееся в том, что IPOB гораздо более воинственно настроена по отношению к центральному правительству. Насильственный способ достижения независимости этой организацией не отвергается [10]. С 2017 года данная организация признана в Нигерии террористической и запрещена [7, с. 85].

Начиная с лета 2020 года можно наблюдать существенную эскалацию напряженности между IPOB и центральной властью

в Нигерии. Тогда произошла демонстрация, в ходе которой 21 член данной организации был убит местной полицией. В 2023 году были осуществлены гуманитарные операции воинскими подразделениями Нигерии, результатом которых стали гибель и ранения более 500 человек. Несмотря на предпринимаемые попытки разрешить проблему IPOB силовыми методами, это не дает положительных результатов, и организация продолжает враждовать с центральными властями.

Международная реакция на действия IPOB является неоднозначной. Некоторые страны критически относятся к наиболее радикальным проявлениям ее деятельности. Например, с конца весны 2022 года Великобритания перестала принимать политических беженцев от IPOB, считая, что они являются виновными в нарушениях прав человека. В то же время террористической данная организация в Великобритании не признана.

Большую ставку представители IPOB делают на приближающиеся президентские выборы в США, поскольку у них есть предположение, что в случае повторного избрания Дональда Трампа Вашингтон окажет поддержку Биафре, поскольку он может быть заинтересован в сохранении доступа к нефтяным запасам региона. На данный момент американские корпорации испытывают проблемы в разработке ресурсов Нигерии, поскольку из-за нестабильности происходят постоянные атаки на добывающую инфраструктуру.

К другим действующим сепаратистским организациям можно отнести уже неоднократно упомянутое правительство Биафры в изгнании (Biafra Government in Exile (BGIE)), которое занимается координацией подрывной деятельности на юго-востоке и севере Нигерии. Данная организация не находится на территории Нигерии, а действует из Хельсинки, столицы Финляндии. Помимо этого у нее есть около 100 представительств в разных странах мира, включая США, европейские страны и т. д. В инструментарий организации входит также наличие собственных медиаресурсов (так, в Великобритании вещает «Радио Биафра»).

Данная организация в последние годы также весьма активна. В 2023 году она призвала отказываться от использования нигерийской валюты в транзакциях с тем, чтобы осуществлять обход официальной финансовой системы через криптовалюты. Также она входит в Организацию развивающихся африканских государств

(Organization of Emerging African States, OEAS), которая представляет собой неправительственное объединение представителей непризнанных государств, ведущих национально-освободительную борьбу. Данная организация, чья штаб-квартира располагается в Вашингтоне, выступает за то, что созданные в результате деколонизации границы несправедливы, а потому должны быть изменены. В свою очередь, ООН признает данную организацию.

Другой достаточно активной организацией выступает Лига наций Биафры (Biafra Nations League (BNL)). Эта организация создана на полуострове Бакасси, на востоке Нигерии. В 2022 году она активно сражалась с правительственными войсками, а также вела иную подрывную деятельность, включая захваты судов в портовых зонах и попытки срывать выборы разного уровня.

Есть и другие организации. Достаточно большим влиянием располагает Сионистское движение Биафры (Biafran Zionist Movement). Оно также стремится к независимости Биафры и уже известно своими столкновениями с полицией, а его лидер, юрист Бенджамин Онвука, был арестован еще в 2018 году.

Эта организация представляет интерес своим сионистским подходом к решению вопроса независимости Биафры. Сторонники этого движения возрождают иудаизм в Нигерии и считают, что они являются евреями, а не потомками «христианских колонизаторов». Несмотря на то что из 30-миллионного населения игбо только 30 тыс. исповедуют иудаизм, проведение параллелей между Холокостом и притеснением игбо в Нигерии играет существенную роль с точки зрения политической борьбы. Рассматриваемая организация полагает, что между сионизмом израильтян и сепаратизмом игбо есть схожесть в борьбе за национальную идею. В свою очередь они готовы следовать за сионистами и проходить тот путь, по которому они двигались и двигаются на пути укрепления своих позиций в Израиле [10].

Несмотря на достаточно большое количество организаций, выступающих за отделение Биафры от Нигерии, всё же не все игбо выступают за эту идею. Многие лидеры стремятся к сохранению единства страны, но требуют больше справедливости к своему народу. Само население тоже по большей части не поддерживает сепаратистов и желает остаться в составе Нигерии при условии, что его интересы будут соблюдаться в равной степени с другими

народами [18]. В свою очередь, это не отменяет того, что кровопролитные столкновения с радикально настроенными представителями игбо продолжаются.

Заключение

С одной стороны, у проекта Биафры немного шансов на то, чтобы эта территория стала независимой. Во-первых, государства и международные организации преимущественно отстаивают территориальную целостность Нигерии, в связи с чем скорее откажут Биафре в признании. Существенной поддержки, кроме моральной, сепаратистские организации не получают практически ниоткуда из-за рубежа [3, с. 755]. Во-вторых, в нынешних условиях новый Президент Бола Тинубу, вступивший в должность в мае 2023 года, будучи хоть и мусульманином, представляется более договороспособным, чем его предшественник Мохаммаду Бухари. Бухари запомнился как достаточно жесткий политик, не гнушавшийся применять репрессивные меры в отношении сепаратистов. В свою очередь в отношении Тинубу ряд лидеров организаций в поддержку игбо уже заявили о том, что признают его в качестве законно избранного президента и сейчас работают над тем, чтобы добиться освобождения политических заключенных [29]. В-третьих, сами сепаратистские движения, как было указано выше, внутри себя фрагментированы — в них нет единства, а потому нет необходимой консолидации для действительно мощного выступления в пользу независимости.

С другой стороны, проблема игбо до сих пор не решена. Маргинализация этого народа, несправедливое распределение доходов и доступа к ресурсам, разрастание радикальных и террористических настроений, вопросы к замещению президентского кресла (никто из представителей народа игбо не занимал должность главы государства с 1960-х гг. [20]) и другие проблемы ведут к тому, что нестабильность сохраняется в достаточно высокой фазе. Те методы, которые десятилетиями практиковала центральная власть, а именно подавление оппозиционных выступлений, только законсервировали недоверие к правительству. Всё это говорит о том, что нестабильность в Биафре обещает сохраниться, хоть и маловероятным является то, что Биафра сумеет добиться независимости в обозримом будущем. Учитывая, что

эта угроза не только создает трудности для Нигерии, но и разрушает безопасность во всей Западной Африке, перекидываясь на Чад, Нигер, Камерун и другие страны, проблема Биафры требует не только компромиссного подхода со стороны нового правительства Нигерии, но и плодотворных дипломатических усилий со стороны влиятельных представителей международного сообщества, включая Россию.

Проблема национализма игбо отрицательно сказывается и на нигерийской экономике и ее роли в международных экономических отношениях. В апреле–мае 2024 года наблюдалось сокращение нефтедобычи с 1,28 млн баррелей в сутки до 1,25 млн [32]. Несмотря на то что Нигерия остается первым по величине производителем нефти в Африке [22], ей всё сложнее становится выполнить свою квоту ОПЕК по добыче нефти, что создает вероятность снижения ее квоты в будущем.

В газовой отрасли наблюдаются аналогичные явления. Параллельно с тем, как сокращаются поставки нефти на внешние рынки, экспорт газа в 2023 году показал снижение на 25% до минимума за последние три года [12].

Основная причина такой динамики связана со снижением добычи на фоне снижения инвестиций со стороны зарубежного капитала. Не только отсутствие достаточно развитой инфраструктуры подпитывает недоверие зарубежных инвесторов к нигерийской экономике, но также вандализм и отсутствие безопасности выступают предпосылками плохого инвестиционного климата в стране.

Стоит вновь повториться, что бóльшая часть нефти добывается именно на юго-востоке [1], где проживает недовольный политикой страны народ игбо. Здесь, в дельте Нигера, в целом имеется долгосрочный конфликт между иностранными нефтяными корпорациями и местным населением, вызванный недовольством, связанным с эксплуатацией зарубежными компаниями местных трудовых ресурсов, нанесением деятельностью иностранных компаний вреда окружающей среде, а также борьбой за установление контроля над природными ресурсами региона. Эта борьба, длящаяся уже с 1990-х годов, сопровождается насильственными действиями, включая разрушение инфраструктуры, столкновения с полицией, пиратство, похищения людей, кражу нефти и т. д. [14, с. 898]. В эту борьбу вовлечены и представители народа игбо, при-

чем одним из последних эпизодов стало формирование Народных сил спасения дельты Нигера (Niger Delta People's Salvation Force) в 2021 году [6], которые стремятся уничтожить трубопроводы, а также проводят рейды в целях дестабилизации общественного положения в регионе [11].

Решение проблем развития нигерийской экономики, экспорт которой на 74% зависит от сырой нефти и еще на 11,9% — от различных нефтепродуктов [27], видится, таким образом, не только за дальнейшим развитием энергетической инфраструктуры, но и за более важной и более первостепенной задачей установления стабильности в регионе нефтедобычи, на юго-востоке страны. В связи с этим проблема биафрийского сепаратизма имеет не только политическое, но и ярко выраженное экономическое измерение. С учетом комплексности входящих в биафрийско-нигерийский конфликт проблем можно констатировать, что их решение имеет колоссальное значение как для самой Нигерии, так и для международных экономических отношений.

Литература

- 22 факта о Нигерии // День. — 16.03.2024. — URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/экономика/22-fakta-o-nigerii> (дата обращения: 29.07.2024).
- Анушевская А. За что борется группировка «Коренной народ Биафры» и что такое Биафра? // Аргументы и факты. — 04.02.2016. — URL: https://aif.ru/dontknows/file/za_chto_boretsya_gruppirovka_korennoy_narod_biafry_i_chto_takoe_biafra (дата обращения: 22.07.2024).
- Денисова Т.С., Костелянец С.В. Международные аспекты сепаратизма в современной Биафре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — Т. 21. — 2021. — № 4. — С. 747–757.
- Жорохов М., Моногону О. Прощай, Биафра! Воздушная война в Нигерии 1967–70 гг. // Авиамастер. — 2002. — № 4. — С. 38–47.
- Костелянец С.В. Биафра: возрождение и распространение сепаратизма // Восток Orients. — 2021. — № 5. — С. 18–190.
- Are J. 'Nobody can stop us' — Asari Dokubo declares Biafra government // The Cable. — 14.03.2021. — URL: <https://www.thecable.ng/nobody-can-stop-us-asari-dokubo-announces-formation-of-biafra-government/> (accessed: 29.07.2024).
- Country of Origin Information Report: Nigeria Targeting of Individuals. — European Asylum Support Office, Nov. 2018. — 202 p.
- Country Policy and Information Note Nigeria: Biafran separatists. Version 1.0. — Home Office, Apr. 2020. — 45 p.
- Daly S.F.C. Secession and Genocide in the Republic of Biafra, 1966–1970 // The Cambridge World History of Genocide. Volume III: Genocide on the Contemporary Era, 2014–2020 / ed. by B. Kiernan, W. Lower, N. Naimark, S. Straus. — Cambridge University Press. 2023. — P. 476–496.
- Fredman N. The Sun Still Rises: Neo-Biafran Secessionism, Zionism, and the Question of Nigeria // Brown Political Review. — 26.04.2019. — URL: <https://brownpoliticalreview.org/2019/04/sun-still-rises-neo-biafran-secessionism-zionism-question-nigeria> (accessed: 22.07.2024).

11. *Gänslér K.* In Biafra wächst die Unruhe // *Taz*. — 03.09.2021. — URL: <https://taz.de/Separatismus-in-Nigeria/15793052/> (accessed: 29.07.2024).
12. *Ibrahim A., Ndigwe C.* Nigeria's gas export drops 25% on low output, exits // *Business Day*. — 26.06.2024. — URL: <https://businessday.ng/news/article/nigerias-gas-export-drops-25-on-low-output-exits/> (accessed: 29.07.2024).
13. *Ijalaye D.A.* Was 'Biafra' at Any Time a State in International Law? // *American Journal of International Law*. — 1971. — No. 65 (3). — P. 551–559.
14. *Koos C., Pierskalla J.* The Effects of Oil Production and Ethnic Representation on Violent Conflict in Nigeria: A Mixed-Methods Approach // *Terrorism and Political Violence*. — 2015. — No. 28 (5). — P. 888–911.
15. *Lewis P.M.* Growing Apart: Oil, Politics, and Economic Change in Indonesia and Nigeria. — University of Michigan Press, 1978. — 360 p.
16. *Minahan J.* Encyclopedia of the Stateless Nations: Ethnic and National Groups Around the World. Vol. S–Z. — Greenwood Publishing Group, 2002. — 2241 p.
17. *Mwailmu C.* The Nigeran Legal System. — Peter Lang, 2005. — 1047 p.
18. Nigeria's Igbo Leaders Reject Call for Biafra State // *BBC*. — 03.07.2017. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-40481323> (accessed: 22.07.2024).
19. *Nkowapra C.* Biafra: Group sues FG over abandoned property, others // *Vanguard News*. — 09.01.2013. — URL: <https://www.vanguardngr.com/2013/01/biafra-group-sues-fg-over-abandoned-property-others/> (accessed: 22.07.2024).
20. *Obasi N.* Nigeria: How To Solve A Problem Like Biafra // *African Arguments*. — 29.05.2017. — URL: <https://africanarguments.org/2017/05/nigeria-how-to-solve-a-problem-like-biafra/> (accessed: 22.07.2024).
21. Oil and Gas / Alex Scott & Partners. — URL: <https://alexscottlawoffice.com/2020/07/28/oil-and-gas/> (accessed: 29.07.2024).
22. Oil Production by Country / World-o-Meter. — URL: <https://www.worldometers.info/oil/oil-production-by-country/> (accessed: 29.07.2024).
23. *Okonta I.* Biafran Ghosts. The MASSOB Ethnic Militia and Nigeria's Democratization Process. — Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2012. — 66 p.
24. *Omoigui N.A.* Operation 'Aure': The Northern Military Counter-Rebellion of 1966 // *Segun Toyin Dawodu*. — 01.10.1998. — URL: <https://dawodu.com/articles/operation-aure-the-northern-military-counter-rebellion-of-1966-1544> (accessed: 22.07.2024).
25. *Oyewo H.T.* Threat of Secession. The Biafran Story // *Conflict Trends*. — 27.11.2019. — №. 3. — URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/threat-of-secession> (accessed: 22.07.2024).
26. *Philips B.* Biafra: Thirty years on. *BBC*. — 13.01.2000. — URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/596712.stm> (accessed: 20.07.2024).
27. *Sasu D.D.* Goods exports as a share of total exports from Nigeria 2021, by type // *Statista*. — 24.01.2023. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1297704/share-of-goods-in-total-exports-in-nigeria-by-sector/> (accessed: 29.07.2024).
28. *Smith D.J.* Legacies of Biafra: Marriage, 'Home People' and Reproduction Among the Igbo of Nigeria // *Africa*. — 2011. — No. 75 (1). — P. 30–45.
29. *Sulaimon A.* Nnamdi Kanu: Igbos have accepted Tinubu as President — *Ohanaeze // Punch*. — 18.12.2023. — URL: <https://punchng.com/nnamdi-kanu-igbos-have-accepted-tinubu-as-president-ohanaeze/> (accessed: 22.07.2024).
30. *Tayo S., Mbah F.* Calls for Biafran Independence Return to South East Nigeria. — 09.11.2017. — URL: <https://www.chathamhouse.org/2017/11/calls-biafran-independence-return-south-east-nigeria> (accessed: 22.07.2024).
31. *Thompson O., Ojukwu C., Nwaorgu O.G.F.* United We Fall, Divided We Stand: Resuscitation of the Biafra State Secession and the National Question Conundrum // *Journal of Research in National Development*. — Vol. 14. — 2016. — No. 1. — P. 1–14.
32. *Udi A.* Nigeria's crude oil production in May falls to 1.25 million bpd — *OPEC // Nairametrics*. — 13.06.2024. — URL: <https://nairametrics.com/2024/06/13/nigerias-crude-oil-production-in-may-falls-to-1-25-million-bpd-opec/> (accessed: 29.07.2024).
33. What is Wrong with Nigeria? // *Indigenous People of Biafra*. — URL: <https://www.ipobinusa.org/what-is-wrong-with-nigeria> (accessed: 22.07.2024).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mark A. Neimark

Doctor of Sciences (History),
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: mark.neimark@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЦЕНТРИЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

ABOUT SOME PECULIARITIES OF MODERN WESTERN-CENTRIC REFLECTION

Аннотация: мир вошел в кризисную фазу переходо-системных трансформаций. Беспрецедентно возросла обостренная взаимосвязь мировой политики и мировой экономики, стратегической безопасности и сбалансированности мирового развития. Степень управляемости глобальными процессами снизилась до критической отметки.

Ключевые слова: Китай, США, Россия, Европа, новый мировой порядок.

Abstract: the world has entered a crisis phase of transitional systemic transformations. The heightened interconnection between world politics and the world economy, strategic security and the balance of world development has increased unprecedentedly. The degree of controllability of global processes has decreased to a critical level.

Key words: China, the USA, Russia, Europe, new world order.

Новые миросистемные реальности в комплексной взаимосвязанности усложнили требования к международной аналитике, призванной развязывать тугие проблемные узлы кардинально изменившейся парадигмы. Интернационализация кризиса на Украине резко усугубила демаркационную остроту концептуально-политических задач и оценочных позиций профильного западноцентричного дискурса.

С контрастной наглядностью его типологизированные особенности нашли отражение в вышедшей в Париже в 2023 году книге «Китай и США в конфликте за мировое господство» с подзаголовком «Европа и Франция в грядущем миропорядке» [2]. Повышенное внимание к книге объясняется тем, что, во-первых, ее подзаголовок правомерно рассматривать как второе название, отражающее отдельный блок проблем; во-вторых, с точки зрения охвата международных проблем ее содержательное наполнение намного шире вынесенных на обложку тем; в-третьих, в ней раскрыты характерные для западнцентричного дискурса оценочные позиции и суждения самого автора Кристиана Сент-Этьена — известного французского экономиста и политолога с большим опытом практической работы в таких международных организациях, как Международный валютный фонд и Организация экономического сотрудничества и развития.

В центре такой расширенной дискурсивной матрицы — осевые линии противостояния США — Китай, США — Россия, Европа — Россия; геополитические диссонансы США — ЕС; перспективы нового мирового порядка.

Особое внимание автор уделяет новой научно-технологической революции, увязываемой с перспективами грядущего миропорядка. В обобщенном виде он вводит понятие-неологизм «икономика» (вместо экономика), которое охватывает интеллект, информатику, Интернет, инновации и их интеграцию во взаимосвязанное целое, в котором когнитивный фактор преобладает над материальным. В результате глобализированный мир 2.0 переходит к модели мира 3.0 — информатики и цифровых платформ. «Данная икономическая трансформация носит глобальный, тотальный характер и ее последствия будут проявляться в течение многих десятилетий» [2, с. 153–154]. В связи с этим выражается опасение, что интегрированная Европа может остаться на задворках цифровой трансформации на основе искусственного интеллекта, если она не предпримет стратегического рывка в этом направлении. Это тем более важно, что ЕС существенно отстает здесь и от США, и от Китая.

Внешнеполитическая стратегия США рассматривается в книге через призму сравнительного анализа деятельности двух администраций — Д. Трампа и Дж. Байдена — и, прежде всего, в отно-

шении союзников США. Автор жестко критикует Трампа, который «бил» по ним и «одновременно превозносил лидеров авторитарных или диктаторских режимов». В книге есть ссылки на реакцию его встречи с В.В. Путиным бывшего директора ЦРУ Дж. Бреннана, который утверждал, что поведение американского Президента «граничит с предательством», а также руководителя тогдашней демократической оппозиции в Сенате Чака Шумера, обвинительная тональность которого выражалась в вопросе «Что же могло заставить Трампа поставить интересы России превыше интересов США?». Из этих оценочных позиций неожиданно суммируется в высшей степени примечательный вывод автора: с уходом Д. Трампа США перестали быть «добрым» мировым жандармом и стали «первостепенным фактором риска» [2, с. 17].

В другом разделе автор укрупняет еще больше феномен трампизма, который не только подорвал основы самой нормативной силы США, «но хуже того — отдалил от Америки ее союзников в тот момент, когда они в ней в невероятной степени нуждались». Трамп наглядно показал всю брутальность американского капитализма, от которого отказываются не только союзники США, но и растущая часть американского народа, в частности средний класс, уровень жизни которого стагнирует уже четверть века.

Проводя очередную параллель с Байденом, который внес некоторые изменения в модель правления Трампа, автор подчеркивает схожесть их подходов, считая, что какие-то «добрые слова» в адрес союзников США служат лишь прикрытием для достижения их собственных целей [2, с. 34].

Нельзя, впрочем, не заметить, что первоначально авторское сравнение политики двух президентов шло скорее в пользу Дж. Байдена, который будто бы стремился улучшить отношения США с союзниками. Однако реальное положение дел отразила — читаем в тексте — знаковая позиция американского руководства, «позволившая правительству Австралии унизить Францию» в результате аннулирования огромного заказа на производство подводных лодок и его передачи Великобритании. Здесь автор почему-то не назвал еще один не менее важный момент: об этой неприглядной истории руководство Франции и Евросоюза напрямую даже не было поставлено в известность. За этим последовало многозначашее оформление нового тройственного

военно-политического альянса AUKUS в составе США — Великобритании — Австралии.

Тем самым, как констатирует с явной обидой автор, США вновь заявили о себе как сверхдержаве, «опуская своих союзников или покидая их, как это произошло в Афганистане». В обобщающем виде его умозаключение в результате сравнительного анализа политики обеих администраций на внешнем контуре сводится к фактическому отсутствию различий между ними. И далее следует вывод, отражающий опасение преобладающей части европейского истеблишмента потерять зонтичное покровительство США: «Желание управлять миром силой, а не за счет великодушного лидерства приведет к ослаблению США и одновременно к уменьшению их привлекательности в мире, который становится всё более жестоким» [2, с. 18]. Другой профильный раздел книги завершается повторным утверждением: «...в стратегическом плане последовательность действий Трампа и Байдена прослеживается наглядно». И нажимно дополняется: «...очень наглядно» [2, с. 278].

Весьма примечателен прогностический вывод, к которому приходит автор: «США могут недолго торжествовать, когда им идут на уступки», — но в долгосрочном плане «агрессивный гегемон, не отвечающий за свою подпись под договоренностями, столкнется с тем, что другие государства научатся существовать вне имперских угодий» (выделено в самом тексте. — М.Н.) [2, с. 144]. Фактически, отождествляя политику обоих американских президентов, автор использует весьма яркие образные характеристики: Байден делает то же самое, что и Трамп, только «надев на его железные геостратегические руки свои бархатные перчатки». Байден представляется ему в образе пастуха, «заставляющего платить за траву, где пасутся бараны, которых он регулярно стрижет», с уточнением, что он делает это в ходе войны на Украине, «заставляя европейцев терпеть убытки из-за санкций против России» [2, с. 85].

Двойственность оценочных позиций автора на этом не останавливается: Трамп неоднократно выступал в роли антагониста интересов Канады, Мексики, Германии, Индии и других стран, «вызывая у партнеров США подозрительность и даже бешенство» из-за причиненных им унижений. В свою очередь Дж. Байден тоже «не был нежным в отношениях с некоторыми союзниками США». Однако, несмотря на эту критику, автор активно выступает в под-

держку неких «нормативных принципов» и «правил», продвигаемых США в мире, делая акцент на том, что США символизируют не только демократию и свободу, но и «уважение к данному им слову». Забывая, например, о том, что стоило обещание США не приближать НАТО к границам России. И, подчеркивая преимущества политики США в сравнении с коммунистическим и фашистским режимами в прошлом, автор выходит на современные критические обобщения с конкретным персонализированным указанием на В.В. Путина и Н. Мадуро.

В конечном счете единственно правильное решение в геополитике он усматривает «в возвращении США роли лидера свободного мира при условии соблюдения правил мирового порядка, установленных ими же, чтобы вновь обрести веру союзников в их способность создать дееспособный и равноправный союз единомышленников, обеспеченный достаточными военными возможностями» [2, с. 284]. То есть опять воспроизводится ключевой тезис о необратимости и неизбежности американских «правил» при сохранении европейцами ориентации на систему внешнеполитических координат США.

В книге рассматривается линия соотнесенности стратегических документов НАТО и Европы в области внешней политики. Автор сопоставляет новую «оборонительную доктрину НАТО до 2030 г.» и «Стратегический компас для Европы» с претензией на ее большую геополитическую суверенность, констатируя, что «под давлением многих стран Центральной Европы и с одобрения Германии понятие “стратегической автономии”, продвигаемое Францией, было отброшено» [2, с. 79].

Подчеркнем, что это не совсем так или, точнее, совсем не так. Мы уже объясняли ранее, что тогда в ЕС сработал принцип интеграционной солидарности, контрольно гасящий амплитуду антиамериканских настроений в Европе. Главное же заключается в том, что военно-стратегическая субъектность Евросоюза в преобладающей степени зависит от США и НАТО. Это следует из самого «Стратегического компаса для Европы», в котором постулируется, что стратегическое партнерство ЕС и НАТО является определяющим фактором обеспечения евро-атлантических связей, и пиететно подчеркивается главенствующая роль НАТО в коллективной защите стран интегрированной Европы [1].

В книге высоко оценивается геополитический и геоэкономический статус Китая, население которого составляет 18% жителей планеты. Если в 2025 году его ВВП достигнет 20% от мирового, то он приблизится к 23,5% ВВП США. По данным за 2022 год, Китай потреблял 24% производимой в мире электроэнергии, 58% цемента, 56% никеля, 55% меди, 53% стали и 49% цинка. Соответственно, в Китае возрастут выбросы углекислого газа до 35% по сравнению, например, с 13% в США, 9% в Индии и 7% в Евросоюзе.

Автор воздает должное истории китайской цивилизации и государственности Китая, насчитывающей 23 столетия, сравнивая ее с Францией (15 веков) и США (всего три века). По уровню дипломатического представительства в разных странах Китай вышел на 1-е место в мире, опередив США, Россию и Францию, при том что в 2016 году он занимал всего лишь 3-е место.

Кристиан Сент-Этьен отмечает огромный потенциал экономического и технологического развития Китая, приводя, в частности, пример подготовки 6 млн инженеров и техников в год. Нарастающими темпами развивается аэрокосмическая отрасль страны. Так, в 2025 году число китайских военных спутников возрастет до 120, из которых 5–7 — спутники-убийцы, предназначенные для борьбы с вражескими спутниками. При этом автор посчитал нужным отметить совокупный ВВП США и Китая, составляющий 42,4% от мирового, а их военные расходы — 56% всего мира.

Примечательно, что автор то оценочно уравнивает политику США и Китая, то его политические пристрастия склоняются к американоцентричной парадигме, которой, несмотря на взвешенную критику, он отдает предпочтение, подчеркивая, что геополитические амбиции Китая «не знают границ» [2, с. 256].

Специфически заданная политико-методологическая призма анализа подводит к прогностическим оценкам, которые требуют более аргументированных и убедительных доводов. Исходя из того, что, по мнению автора, политический и цивилизационный подходы китайского лидера Си Цзиньпина входят в противоречие с историей и традиционными китайскими ценностями, он предрекает Китаю нарастание внутренней напряженности, чреватой беспрецедентным насилием, а всему миру — резкое нарушение геостратегического равновесия. Ускоряя в этих условиях приближение Китая

к мировому лидерству, его руководитель «берет на себя экзистенциальный риск» с серьезными последствиями «для себя самого и своего клана» и, конечно же, «для всего мира» [2, с. 89].

Си Цзиньпин назван в книге «новым императором». Если Конфуций был «мастером балансирования», то он — «нарушитель всех существующих равновесий в мире», которому приписывается «агрессивная демонстрация силы в отношении Тайваня, в Южно-Китайском море, в Тибете» [2, с. 89], что означает прямое обвинение в китаизации мирового порядка.

В этом контексте автор выделяет два прямо противоположных подхода, определяющих сущность геополитических изменений, связанных с процессом формирования нового мирового порядка. С одной стороны, пишет он, сама американская администрация ломает существующий миропорядок, который отвечал интересам США. С другой — Китай, который «мягко», шаг за шагом, выстраивает альтернативный миропорядок путем огромных привлекательных инвестиций в разные страны и одновременно железной рукой стремится навести желаемый ему порядок в Китайском море, не говоря уже об активном участии в борьбе за технологическое первенство в области цифровизации и искусственного интеллекта.

Но в другом разделе книги констатация «мягкости» внешней политики Китая исчезает. Появляется жесткая критика типа власти и характера властных отношений в КНР и утверждение, будто «главной задачей китайской армии является защита компартии, нежели обеспечение суверенитета страны». Именно в этом автору видится принципиальное отличие китайского строя от американского [2, с. 136].

Отметим, что в книге, профильное название которой предполагает расширенный анализ приоритетных международных инициатив Китая, не нашлось места для аналитического осмысления их концептуальной взаимоувязки и конкретизации содержательного наполнения. Между тем перечень только последних из них указывает на геополитически значимую активность Китая: Глобальная инициатива развития (2021 г.), Глобальная инициатива безопасности (2022 г.) и Глобальная инициатива цивилизаций (2023 г.). Их выдвижение не могло не вызывать, естественно, тенденциозно-критической реакции США и стран, ориентирующихся на их внешнеполитические приоритеты.

Критический настрой автора относительно состояния и перспектив развития Евросоюза прослеживается практически во всех разделах книги. Красной нитью в ней проходит мысль о том, что интегрированная Европа, ослабленная выходом Великобритании из ЕС и разделенная по стратегическим вопросам, практически не влияет на решение важнейших геополитических задач. «Европейский союз представляет собой ослабленного гиганта, неорганизованную для принятия решений массу». Евросоюз символизирует архаику в области стратегии, беспомощность в конкретной международной политике и, прежде всего, в отношениях с Китаем и США. Европейские санкции против России обернулись против самого Евросоюза на фоне отсутствия у него в последние три десятилетия адекватных энергетической, цифровой и военной стратегий. Далее следует предельно емкая и образная характеристика положения дел в интегрированной Европе: «ЕС – это черепаха без панциря, которую прогуливают на поводке США» [2, с. 28].

В книге зафиксирован разрыв между позиционированием Евросоюза как оригинальной институциональной модели, основанной на «признаваемой всеми суверенности», и тем, что на практике внутри него происходит всё более «острая конфронтация экономических и политических эгоистов» [2, с. 200]. Европейский союз с ускорением разделяется на два блока — либеральных демократий в его западной части и нелиберальных демократий в восточной. Первые принимают, а вторые отвергают (или во всяком случае их в этом упрекают) сами основы европейской демократии, а именно следующие: свободные выборы, разделение власти, одинаковая подчиненность закону и управляемых, и правящих, как это должно быть в правовом государстве. Принципы разделения властей нарушаются, например, в Польше, правительство которой предприняло попытку контролировать судебную систему и использует государственный аппарат в межпартийной борьбе в ходе избирательных кампаний и т.д.

Энергия критики положения дел в ЕС концентрируется в обобщающей оценочной позиции, направленной против действий фактически никем не контролируемых наднациональных органов и руководящей бюрократии. В современном Евросоюзе, который проповедует равенство всех стран-членов, произошла передача властных полномочий политически безответственной бюрократии,

лишенной стратегического видения. И сегодня на мировой арене «ЕС выглядит стратегически беспомощным объединением, который вызывает лишь насмешки таких ключевых игроков, как Китай, США и Россия» [2, с. 210].

Автор критикует лидеров европейских стран за то, что они недооценивают глобальный потенциал конфликта между США и Китаем. Для этого есть исходная причина — «разъединенность Европы по стратегическим целям и политическим ценностям», несмотря на общие решения, принятые сразу после начала СВО на Украине. Размежевания происходят, с одной стороны, между странами, которые хотят «наказать» Россию, и теми, кто намерен об этом забыть, а с другой — между странами, которые стремятся к европейской стратегической автономии, и теми, кто желает лишь одного — быть под зонтичной безопасностью США.

У автора нет сомнений в том, что интегрированная Европа, будучи геополитически актором «второго уровня», «топчется на месте», лишь «прощупывая» свои перспективы в будущем мировом порядке. Ей еще предстоит осмыслить процесс перераспределения центров силы в мире, перемещение экономических потенциалов от Запада к странам, чей уровень технологического развития его опережает, например к Южной Корее и Тайваню, судя по контексту, политически обособляемому от Китая. Конечно, как оговаривается автор, пока еще не всё предопределено, у всех стран остается возможность занять свое место в новых рамках стратегического маневра при условии обеспечения себя надлежащими средствами и механизмами. И задается принципиальным вопросом «А захочет ли Европа в целом и Франция в особенности затормозить свой относительный закат и выработать стратегию нового прыжка вперед?» [2, с. 12–13].

Характеризуя военно-стратегические перспективы ЕС, Сент-Этьен подчеркивает приоритетную роль Германии и конкретно ее канцлера Шольца, заявившего в сентябре 2022 года о намерении превратить германские вооруженные силы в самые передовые и мощные в интегрированной Европе.

При этом он настаивает на особой геополитической значимости расхождений и конфликтных ситуаций между слабеющей Францией и набравшей силу Германией в проекции нового мирового порядка, прогнозируя, что это «чревато последствиями мирового

масштаба из-за своекорыстной немецкой политики, которая доминирует сегодня в Европе» [2, с. 31].

Важное место в книге занимают отношения Евросоюза с Китаем. Автор обвиняет Китай в стремлении «превратить ЕС в своего вассала». Его аргументация: КНР глубоко проникла на европейский рынок; ее товарооборот намного превосходит еэсовский; она предоставляет субсидии и безвозвратные финансовые льготы китайским предприятиям, которые непосредственно конкурируют с европейскими; к тому же Китай всё чаще перекупает те из них, которые заняты в самых передовых технологических отраслях, например в робототехнике и электронике. В результате, по утверждению автора, Китай «дошел до бесстыдства прямо проводить политику, направленную на раздробление Европейского союза, претендуя при этом на роль его союзника», имея в виду, что Китай активно расширяет отдельное от структур ЕС деловое партнерство с его 17 странами-членами, которые «хотят получать структурированную помощь и поддержку ЕС и одновременно финансовые вливания Китая, который рассчитывает использовать их для ослабления самого Европейского союза». Можно ли себе представить, возмущается автор, «чтобы дюжина американских штатов подписали с Китаем отдельные от центральных властей соглашения, чтобы обойти решения, принятые на федеральном уровне?» Более того, конкретизирует он, Китай предоставляет займы этим странам для строительства инфраструктурных объектов, а когда они не могут их вернуть, «эти активы переходят к Китаю, который становится их собственником» [2, с. 109–111].

Констатируя «стратегическое отсутствие Европы в геополитическом пространстве», он выступает за создание нового ядра европейского сообщества, которое юридически представляло бы собой объединение стран, а не федеральное государство, в которое, по его мнению, превратился современный ЕС. И, чтобы повысить его эффективность, Сент-Этьен предлагает ввести принцип «двойного квалифицированного большинства» при принятии наиболее важных стратегических решений, означающий одобрение 75% стран-членов. Это, по его мнению, юридически возможно, политически необходимо, стратегически жизненно важно. При этом он отдает себе отчет в том, что после начала СВО на Украине «большинство стран Европейского союза прогнулись под давле-

нием США, что оказалось совсем некстати для образования этого нового стратегического ядра». Но, поскольку конфликт на Украине завершится так или иначе, Соединенным Штатам понадобится мощный европейский союзник для борьбы против доминирования Китая в мире [2, с. 239–241].

Заслуживает серьезного внимания новый момент, связанный с политикой Евросоюза в военно-политической сфере. Столкнувшись с неспособностью 27 стран-членов создать сколько-нибудь адекватную совместную систему обороны, девять стран, включая, несмотря на Брексит, Великобританию, выступили с так называемой Европейской инициативой действий, идею которой предложила Франция. Ее поддержали Германия, Нидерланды, Бельгия, Испания, Португалия, Дания и Эстония. Эта оборонительная инициатива, пока еще не структурированная, по оценке автора, «скромная», ставит целью объединить усилия для создания более гибких механизмов военного планирования, предотвращения новых угроз континенту и активизации совместных действий разведок. Подчеркивается ее «межправительственный подход, который учитывает интересы отдельных стран и особенности их идентичности». Очевидно, что автора явно раздражает неспособность наднациональных органов ЕС проводить суверенную оборонительную политику и их зависимость от США в целом, которая никак не уменьшается.

Отношения с Россией рассматриваются в книге в различных контекстуальных и событийных сопряжениях и отмечены оценочной противоречивой двойственностью. С одной стороны, автор считает Россию «возмутителем спокойствия» в мире, которому «европейцы способны противостоять». Без малейших оснований и каких-либо аргументов и фактов автор пишет о «вмешательстве России в ход президентских выборов в США в 2016 г.», об истории с отравлением С. Скрипаля в Солсбери в 2018 г., кибератаках против США и западных демократий. Причем, что в высшей степени характерно, всё это с четко обозначенной политической направленностью вписано в контекст фиксируемых у США возможностей «бить по интересам России» [2, с. 68].

С другой стороны, предлагается конструктивный, с точки зрения автора, подход к завершению конфликта на Украине: создать демилитаризованную зону в 50 км, по 25 км с обеих сторон границы между Европейским союзом и Россией с Белоруссией,

обозначить предельно четкие рамки торговых и финансовых отношений между ними и подписать соглашение о неразвертывании тяжелых вооружений и ракет НАТО и России в зонах по 250 км по обе стороны границы. И, на чем автор настаивает особо, все эти соображения должны войти составной частью в переговорный процесс между Россией и Украиной. Помимо соображений, которые объективно идут вразрез с интересами России, выдвигается формула, фактически учитывающая ее опасения и требования, которые в увязке с известными красными линиями были изложены Западу во главе с США до начала специальной военной операции на Украине: «Украина не войдет в НАТО, но может вступить в Европейский союз» с оговоркой, что «она станет полноценным правовым государством». Вслед за этим ожидаемо следует критическая оговорка в адрес России, народу которой «необходимо указать на то, что его интересы противоречат интересам автократии у власти в стране» [2, с. 250].

И далее автор входит в противоречие с самими собой, утверждая, что «страшилки Путина недостаточно для объединения европейцев и реального усиления их стратегической военной автономии» [2, с. 19].

Заключение

В книге плотно спрессовалось всё то, что характерно для профильного западноцентричного дискурса. Его оценочная объективность и формулировочная точность становятся всё более редкой ценностью. Основу такого нарратива образует бескомпромиссная в одних случаях, в других — смягченная категоричность односторонних оценок, постулатов и выводов, ориентированных в целом на продвигаемые США правила и форматы международной жизни. На входе — заявка на серьезную аналитику, исходно ожидаемую от профильных компетенций; на выходе же — оценочные позиции, предопределенные упрощенно-дихотомическими представлениями о мире и трансформационных процессах в нем. Хотя, оговоримся, судя по книге, в интегрированной Европе, прежде всего во Франции, явно усиливается критическое восприятие зонтичного характера американских союзнических отношений.

Череди многих формулировочных повторов в книге означает не что иное как отражение односторонних политических

предпочтений и пристрастий автора. Причем очень часто его суждения и выводы заканчиваются не точкой, а эмоционально-публицистическими восклицательными знаками, чуждыми в книге, претендующей на научность.

Было бы наивным прогнозировать или предполагать, что в обозримой и даже достаточно отдаленной перспективе западноцентричная аналитика в целом сумеет и, главное, захочет абстрагироваться от односторонних идеологизированных и политизированных подходов с выходом на новые геополитические обобщения, конструктивно систематизирующие предпосылки и факторы формирования грядущего миропорядка.

Литература

1. *Неймарк М.А.* Что показывает «Стратегический компас» Европы // *Обозреватель*. — 2022. — № 5–6. — С. 40–49.
2. *Saint-Etienne Ch.* *Le conflit sino-américain pour la domination mondiale*. — P.: ALPHA, 2023. — 419 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2024. № 3 (41)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 23.09.2024. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 11
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5